

LANGUE ROUGE

№2

Сентябрь 2021

Издательство Langue Rouge, Хайфа

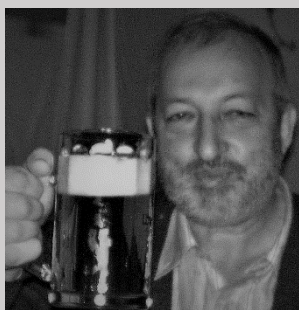
**В редколлегии Langue Rouge –
все редакторы главные**

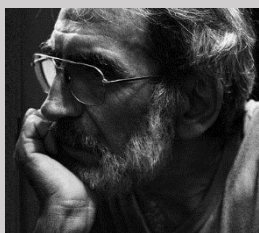
Марина Симкина

Алекс Манфиш

Борис Годин

Анатолий Анимица

Эйтан Адам

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСАНДР РАДОВСКИЙ	6
Самый последний звонок.....	6
ЛЕВ ПРЕЙГЕРМАН	16
Дорога.....	17
Мост.....	23
Погромщики.....	25
ЭЛЕН СТЭП.....	35
Начало.....	35
Желтый бублик.....	35
И когда вновь и вновь.....	41
Наркоз.....	46
Друзья. Мой Питер Пен.....	49
Овраг. Этюд на двоих	52
Маца, оливье и карантин	55
Игра.....	59
Цыплята уходили на войну.....	60
Объявление	63
Волосы.....	67
ЕЛЕНА ПРУДОВСКАЯ.....	72
Капля (Фото).....	72
ЛИЯ КОВАЛЕВА	73
Пианино.....	73
Свобода на несколько минут	82

Фантазия-экспромт.....	92
<i>ЕЛЕНА ПРУДОВСКАЯ</i>	98
<i>Ветка (Фото)</i>	98
<i>ОЛЬГА ЛЮБАРСКАЯ</i>	99
Баллада о капитане	99
<i>МАРК ШЕХТМАН</i>	110
Папа с мамой.....	110
Сегодня буду – красным... ..	111
Мы и наши гении.....	112
Вместо письма	113
Модильяни рисует Ахматову... ..	114
А знаете, как выживают поэты.....	115
Кармическое.....	116
Пейзаж с молитвой.....	117
Город Иерусалим.....	118
Лоза.....	118
«Титаник».....	119
Раб.....	120
Бывший друг	121
Бегемот	122
<i>ИГОРЬ МУХАНОВ</i>	123
ИЗ АЛТАЙСКОГО ДНЕВНИКА.....	123
Азия	123
И фотон испускает, и фыркает, навеселе... ..	124
Яблочные сны	124

Чтоб настоялась речь...	125
Из алтайского дневника	126
Скворечник	127
Девушка из Уймона	128
Всё ей – филармония, всё ей – птичья грамота...	129
Моя матушка в черешнях томик Пушкина читала...	129
АЛЕКС МАНФИШ	130
НЕМНОЖКО «РЕТРО»	130
Почти двенадцать	130
Ты ни в чем мне пока не ручаешься	131
Пред заветным ликом листопада	132
Ты мне не был на свете предтечей	134
О ЖИЗНИ И.. АНТИЖИЗНИ	136
Мы из желаний наших состоим	136
Сонет	137
Сказание о лишнем человеке	138
Зеркальный карп	140
ПОЛУИТОГИ	142
Бросив взгляд на прах воздушных замков	142
Частица «не»... О, мудрая частица!	144
Светлой вести ль победной чая	144
ЕЛЕНА ШЕЛКОВА	147
ХОККУ	147
НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ИЗ РЕДЬЯРДА КИПЛИНГА	149
Переводы АЛЕКСА МАНФИША	149

Легенда об истине (A Legend of Truth).....	149
Один из тысячи (One Man in a Thousand).....	151
За нашу суть и статью (For All We Have and Are)....	152
Раб, завладевший царством (A Servant When He Reigneth)	153
Перевод ЭЙТАНА АДАМА	155
Ты (If)	155
Переводы ИРИНЫ ЯВЧУНОВСКОЙ	156
Цыганский путь (The Gipsy Trail)	156
Предрассветный ветер. Пятнадцатый век (The Dawn Wind. The Fifteenth Century)	158
<i>НАОМИ АДМИРАЛЬСКИ</i>	159
<i>ONE WAY ROAD</i> (Рисунок)	159
БОРИС ГОДИН	160
ИЗ ЛЕОНАРДА КОЭНА – ПЯТЬ ПЕСЕН	160
В танце до конца любви.....	160
Кто от огня... ..	161
Ты хочешь тьмы	163
Показалось, что это лучший путь	165
Иди своим путем	166
ПРИМЕЧАНИЯ	167
ФЕЛИКС КУПЕРМАН	170
Письмо Карла Герхарда	170
ЯКОВ БАСИН	173
Концерт в пустоту	173
СОЛОМОН БЕН-ЭМАНУЭЛЬ	189

Где Пушкин?	189
Счастливая нота.....	192
АНАТОЛИЙ АНИМИЦА.....	197
Гибель «Булгарии» (журнальный вариант)	197
ЭЙТАН АДАМ	206
Город рукотворных гор.....	206
ОБ АВТОРАХ, ХУДОЖНИКАХ И РЕДАКТОРАХ.....	218
ГАЛЕРЕЯ «LANGUE ROUGE»	224
ЛИДИЯ АНИМИЦА	224
Осень.....	225
Большой камень.....	225
Снежные горы.....	226
На старт гонки (регата Кубок Азовского моря 2009)	227
Лунная дорожка.....	228
A la Picasso	229

АЛЕКСАНДР РАДОВСКИЙ

Самый последний звонок.

Одноактная пьеса для одного актёра

<Комната небольшой холостяцкой квартиры: книги, стол с допотопным телефоном, диван, телевизор, экран которого зрителю не виден. Мужчина лет 55 внимательно слушает, что происходит за дверью, потом яростно колотит по ней кулаками.>

Я хочу в уборную! Откройте! *<Никакого ответа. Порыв бешенства прошел так же внезапно, как и возник.>* В уборную-то я имею право сходить или нет? *<Упавшим голосом.>* Это десятый этаж, с десятого этажа ведь я не убегу! *<Кричит снова.>* Да и стар я уже бегать... Хотите, я

пойду туда без штанов? Без штанов я уж точно не убегу...
<Ответа нет.>

<Косясь на дверь, он осторожно снимает трубку телефона и набирает номер. Никто не отвечает. Он набирает другой. Снова нет ответа. Он набирает третий.>

Морис?.. Да, я... А ты что – сам не знаешь, как мои дела? Ты не читал газету?.. И про меня ничего нет? Ты уверен?.. Посмотри внимательно: это должно быть на первой странице!.. Значит, на второй! Или на третьей!.. Что?! Их тоже?? Потому что меня тоже взяли!.. То, что слышишь. Я даже в собственный сортир не могу... Но их взяли в Филадельфии, а меня... я знаю, что мой телефон допотопный, но вчера ты прекрасно меня слышал, когда я говорил по этому же допотопному... Но все равно: они бельгийцы, а я... Ну и что же, что их одиннадцать? Когда речь идет о человеческой жизни, разве количество... Послушай, Морис, о чем мы спорим? Если тебе наплевать, что я... Я знаю, что тебе не наплевать, иначе бы я... Двадцать тысяч. Сначала они требовали пятьдесят, но я сказал, что пусть тогда убивают сразу... Ты же прекрасно знаешь, что после той операции у меня не осталось ни гроша!.. А я и не подозреваю, что ты миллионер, я просто думал, что если тебе не наплевать... Но двадцать тысяч в конце концов не такая гигантская сумма... Хорошо, пусть гигантская, я согласен, но... Еще вчера ты ни про какие Багамские острова не заикался!.. Почему не понимаю? Я все отлично понимаю: крошка должна отдохнуть, а я должен подохнуть... Пессимист? А ты что, на моем месте прыгал бы от радости?.. Счастливого полета. Надеюсь, что вас не захватят в воздухе... Ну и что, что застраховался? От пули в лоб ты тоже застраховался? Ладно, мне некогда. *<Вешает трубку.>*

Св-волочь!

<Включает телевизор и попадает на детскую передачу.>

«Бабушка, а почему у тебя такие большие глазки?» — «Это чтобы лучше видеть тебя, внука». — «Бабушка, а почему у тебя такие большие уши?» — «Это чтобы лучше слышать тебя, внука». — «Бабушка, а почему у тебя такие большие зубы?»

<Переключает на другую программу. Кто-то уверенным профессорским голосом вещает.>

«Нефтяной кризис грозит самым основам современной цивилизации. Потребление энергии, которое удваивалось каждые десять лет, выросло так, что...»

<Он снова переключает программу, но тут в комнату врывается пальба, и он с раздражением выключает телевизор и вновь снимает телефонную трубку. Два первых номера не ответили. Но зато ответил третий.>

Сузи? Где ты была? Я звоню тебе целый... Кто тебе сказал, что я ревную? Я... С кем ты меня видела? Я уже восемь часов не выхожу из дому... Послушай, дай мне сказать... Но откуда ты знаешь, что я...

<Она продолжает говорить, и он – видимо, по привычке – отставляет телефонную трубку, давая ей выговориться, покорно ожидая, когда это словоизвержение хоть на мгновение прервется, чтобы перехватить инициативу. Наконец он не выдерживает.>

Сузи! Меня захватили!.. Какие бабы? О чем ты говоришь? Мужчины. Четверо мужчин и какая-то девка. Они взяли меня заложником. Уже два часа они не разрешают мне даже сходить в уборную... Откуда я знаю, почему именно меня?.. Ну конечно, я не еврей. Мало ли у кого какая

фамилия!.. Хорошо, я им скажу, но это вряд ли поможет... Двадцать тысяч, минимум. Сначала пятьдесят, но потом... Я знаю, что у тебя нет, но, может быть, твой брат... Послушай, но ведь это совершенно разные вещи! Одно дело не терпеть кого-то, а другое – помочь человеку, которому грозит... А он еще не вернулся? Ну так свяжись со стокгольмской конторой и узнай, где он, черт побери!.. Не могу дозвониться. Она должна была сегодня съездить с девочкой к ортопеду, и до сих пор их нет... Поля тоже нет. Возможно, его вообще нет в городе, он часто уезжает по партийным делам, будь они прокляты! А как это я могу не нервничать? Через три часа меня убьют! За три часа человека можно в джунглях разыскать, не то что в Швеции!.. Я знаю, что он будет не в восторге. Я тебе всегда говорил, что он подонок... Потому и обращаюсь, что больше не к кому! Неужели ты думаешь, что я бы к нему обратился, если бы... Хорошо, пусть я ошибся. Признаю. Беру свои слова назад. И извиняюсь. Он не подонок. Это я подонок. Но мне надо помочь... Послушай, мы тратим время, а у меня его нет! Ты понимаешь или... Хорошо, я не кричу. Ладно... Я жду твоего звонка.

<Он сгорбился и не сразу кладет трубку. Потом вскакивает, нервно набирает еще один номер и тут же кладет трубку.>

Послушайте! *<Кричит в дверь.>* Может быть, вы думаете, что я еврей? Но я не еврей: мой отец француз, а мать датчанка. Я не обрезан. Можете удостовериться!

<Переминается с ноги на ногу, тщетно дожидаясь ответа. Потом садится за стол и снова набирает номер. Безуспешно. Всккивает и начинает ходить по комнате, судорожно стараясь найти выход из положения. Потом хватает телефонную книгу и начинает искать нужную фамилию.>

Алло! *<Говорит охрипшим от волнения голосом.>* Я бы хотел поговорить с мистером Ньюменом... Школьный товарищ... Джейкоб? Страшно рад слышать твой голос... Да, это я. Здорово, что ты сразу узнал... Последний раз лет двадцать назад. Как поживаешь? Я слышал, ты стал большим человеком. У меня есть фотография, где ты снят с президентом... Ну, ты всегда был скромный парень... Плохи мои дела: меня взяли заложником... Сегодня через три часа. Через два с половиной, вернее... Ну, конечно, я не еврей... Двадцать тысяч. Сначала пятьдесят, но потом... Послушай, Джейк, тебе нечего бояться... Да я и не думаю, что ты трус, ясно, что ты не трус. Я бы тоже на твоём месте не стал бы встречаться лично с этими типами. Но дело в том, что совсем необязательно с ними встречаться: достаточно перевести деньги на их счет... Да как они узнают, кто перевел?! Джейк! Ты же сам знаешь, как банки хранят тайну, это стопроцентное дело!.. А когда это заседание?.. Но к тому времени я уже буду мертв... Я понимаю, что ты не можешь пренебречь ради меня национальными интересами, но, может быть... можно... Я не эгоист, но когда... Хорошо, я буду ждать звонка. Мой номер... Да, конечно, в телефонной книге.

<Включает телевизор. Первая же программа захватывает его.>

«...потребовали выкуп в миллион долларов. Отец юноши тут же внес требуемую сумму, однако террористы до сих пор не освободили заложника. Полиция продолжает расследование. Съезд Центральной Коммунистической партии Бельгии постановил...».

<С раздражением выключает телевизор и снова берется за телефон. На этот раз ему везет.>

Поль? Наконец-то я тебя поймал!.. Да, это папа. Ты так часто слышишь мой голос, что перестал узнавать... Да нет, какие упреки... Слушай, сын, у меня нет времени. Я знаю, что у тебя тоже, но у меня... Хорошо, об этом после. Меня взяли заложником. То, что слышишь!.. Ты же знаешь, какие у меня деньги... Я и не говорю, что это твоя организация. Понятия не имею, кто они такие... Четверо мужчин и девушка... Я не помню точно. Я был так напуган... Что деньги им нужны для прогресса. Или прогрессивного человечества... Откуда я знал, что это важно? Когда тебе в живот наставляют дуло, тут, знаешь ли... Но я же не знал, что ты по этим словам сможешь узнать, кто они такие! Если бы я знал, я бы запомнил! Да, и еще что-то о революционном насилии... Мне они не скажут. Меня они даже в уборную не пускают... Почему ты уверен, что это троцкисты? ...Может, и палестинцы... Да плевать мне! Я никогда этим Израилем не интересовался!.. Ничего я не подписывал!.. Как все, так и я!.. Так ты приедешь или нет? Ты-то к ним ближе, чем я, может, договоритесь? *<Унавишим голосом.>* А когда это собрание?.. Меня уже не будет в живых... Я понимаю, что размежевание – это важно, но... Идеологическая – что?.. Чистота? Что это такое? Впрочем, мне все равно, уже нет времени. Я могу умереть и без этого. Мне бы простую чистоту соблудности, а у меня вот-вот мочевого пузырь лопнет... Никто, кроме мальчика с пятого этажа: принес свою копилку и предложил им. Послушай, сынок. Ради такого случая, может, на заседание пойдет кто-то другой? Без тебя они размежеваться не смогут?.. Они и так меня убьют, я ничего не теряю, но если они из твоей партии, то есть шанс... Знаю, что вы этим не занимаетесь, но, может быть, они ваши союзники? Хорошо, попутчики. Вы ведь тоже хлопчете о прогрессе. Поль, мальчик мой, я ужасно не хочу умирать! Я боюсь смерти: даже на похороны никогда не хожу. Выручи

меня... Твоего отца через два часа убьют, а ты... Будь ты проклят! *<Внезапно заорал.>* Проклят, проклят, проклят!!

<Он швыряет трубку и хватается за сердце. Достает таблетку и проглатывает. Воды, чтобы запить, в графине не оказалось. Затем он снова подходит к телефону.>

Жанетт? Здравствуй, деточка... Дедушка. Мама дома?.. Ах так... *<Упавшим голосом.>* А с кем она уехала?.. Мосье Пьер? Ты уверена? А где он живет? Как его фамилия?.. Ты не знаешь... Какого волка? Не бойся, волк не придет. К тебе волк не придет никогда. К хорошим девочкам волк не ходит... Куплю. Обязательно куплю. Самую лучшую. Пойдем с тобой вместе и купим... Не надо бояться... Почему же одна? У тебя есть зайчик, и мишка, и верблюд, и куклы – ты не одна. Деточка моя, когда мама придет, пусть мне немедленно позвонит. Только немедленно, слышишь? Ты поняла? Не забудешь?.. Это очень срочно. Очень-очень. Пусть даже пальто не снимает, а сразу же звонит... Он плохой мальчик. Ты с ним больше не играй. А если кто-нибудь еще плохо скажет про маму... Правильно! Никогда не надо слушать... Ну конечно, мама самая лучшая. Ну не смей плакать... Куда хочешь?.. Потерпи немножко, поговори с дедушкой... Я тоже хочу. Давно хочу... Потому что у меня в уборной сидит волк и не пускает... Я шучу, детка, дедушка шутит. Волки только в сказках бывают, ты же знаешь... Хорошо. Тоже куплю. Ты любишь дедушку? Ты меня будешь помнить? А маме не забудешь передать?.. Повтори!.. Да, немедленно. Ты не знаешь, этот мсье Пьер богатый? Какая у него машина — больше, чем у месье Жака?.. Ну, хорошо, моя радость, иди. Целую тебя, детка. Прощай. *<Кладет трубку.>* Верно люди говорят: у бабника дочь шлюха.

<Нерешительно поднимает трубку и, помедлив секунду, набирает номер.>

Анна?.. Не узнаешь?.. Нет, не Ян... Да, это я... Сколько лет... Много воды утекло, верно?.. Что узнал? *<Он подскочил на месте.>* Тебя тоже?.. Меня тоже. О, Господи! Какой выкуп они требуют?.. Они с ума сошли! Через два часа *<Смотрит на часы.>* двадцать две минуты. А у тебя?.. Почему у тебя нет часов? Впрочем, ты всегда была со странностями. Ну хоть примерно?.. Да ведь это всего-ничего! Ты звонила куда-нибудь? Есть шанс достать эти деньги?.. У меня тоже нет. Хотя мне нужно не двести тысяч, а всего двадцать. А что полиция? Ведь твой Стив... Два года назад? Прости, я не знал... Господи! Что же нам делать?.. Что значит: «ничего не надо делать»? Если ничего не делать, нас тоже убьют, понимаешь ты это или нет?! Может, мы и заслужили. Даже наверное. Но я не хочу, чтобы меня убивали! Ты знаешь, как они убивают? Читала?.. Я забыл, что ты их сроду не читаешь. Так вот: они ранят, но так, чтобы невозможно было спасти, чтобы человек промучился месяц, прежде чем сдохнет. Или введут медленно действующий яд, который постепенно тебя парализует... Ты помнишь Вайсберга? На нашей свадебной карточке он стоит справа от Луиса... Да, рыжий. Так вот: он мучился три недели, и никакие наркотики не помогали. Они потребовали с него миллион. Даже ждать не стали: «Нет денег? Получай!». Но он-то хоть жертвовал на Израиль, за это они и взбеленились... Ясное дело, знал бы – уехал бы туда. Он всю жизнь собирался. Но я-то вообще не еврей, за что меня?.. Хиггинса тоже? О Боже! Я не знал. Ну, он никогда не умел держать язык за зубами. Я не думаю, что из-за денег, у него их сроду небыло... Ну давай что-нибудь придумаем! Мы ведь не кролики, чтобы сидеть и ждать, когда... Чушь это, чушь, вздор! Ты могла бы нажать на полицию. Ведь Стив был там большая шишка. Тебя-то они обязаны спасти.

Попытались бы, по крайней мере... Я знаю, что всех невозможно, но некоторых они все-таки спасают. Так почему не нас?.. Если человек боится смерти, это еще не значит, что он трус. Хорошо, пусть я трус – так за это меня убивать? И бросать на произвол судьбы?.. Говорю тебе еще раз: про Хиггинса я слышу в первый раз. Про Вайсберга слышал. И про Леоне. Но чем я мог им помочь? Я что — начальник полиции? Или Джеймс Бонд? У меня даже пистолета нет. Я стрелять не умею и не хочу уметь! Все, что я хочу, – это, чтобы меня оставили в покое!.. Послушай, не зли меня. Мы, слава Богу, разошлись сто лет назад, так что я тебе не обязан... Я знаю, что ты не желаешь мне зла... Ну хорошо, пусть я такой-сякой, подонки, трусы и прочее. Но ты-то – собрание всех совершенств: тебе-то за что такая судьба?.. А как это ты могла бы мне воспрепятствовать? Если я хочу быть трусом и подонком, кто может... Чушь! Мы все живем в демократической стране, и никто не имеет права, в том числе и жена... Послушай, Анна: мы тратим время, которого у нас нет. Позвони друзьям твоего Стива... Но я хочу жить! Пусть спасут меня, если ты не хочешь, чтобы спасали нас обоих... Я пытался. Неужели ты думаешь, что я не пытался? Думаешь, мне так просто было звонить тебе после всего того, что... Тебе легко говорить: ты веришь в Бога и не веришь в смерть. А я наоборот... Никто мне не мешает! Но как может человек верить, когда он не верит? Всю жизнь не верил! Что значит: не суетиться? Если я не буду суетиться, они меня зарежут, как барана!.. Все это чушь, красивые слова! В смерти важно не то, как ты умер, а что ты умер!.. Меня волнует не то, что мне нечего вспомнить перед смертью, а то, что я не могу вспомнить никого, кто мог бы мне помочь... Конечно, я неисправим... Не в моем возрасте. Что?! Они идут?! Анна, я... О Боже!.. Анна! Анна!! Анна!!! Сволочи! Что вы с ней делаете?! <Заорал в трубку.>

<Потом обмяк, положил трубку на рычаг и заплакал. Проглотил таблетку и несколько успокоился. Последний раз он звонит нехотя, словно по инерции, словно потому, что так нужно. Голос его тускл, невыразителен.>

Сержант? Это снова я... Как я могу не нервничать, интересно? Пока они приедут с аэродрома, меня прикончат. Ради чего я всю жизнь платил налоги? Чтобы в конце концов меня бросили, как собаку?.. Вшивого шейха из Хренландии защищают, хотя на него никто и не покушается, а честного гражданина... Хорошо, я жду. *<Бросает трубку на рычаг.>* Если бы я мог молиться... Да и забыл все... «Отче наш *<начал неуверенно>* Отче наш, иже еси на небеси... Отче наш, иже еси на небеси...».

<Дальше первой строчки ничего вспомнить не может и плачет. Потом, как испорченный патефон, повторяет одну и ту же застрявшую в памяти фразу. С нарастающей силой!>

Отче наш, иже еси на небеси! Отче наш, иже еси на небеси! Отче наш...

<И вдруг звонит телефон. Как замороженный, он смотрит на черный аппарат, дергается к нему и застывает на месте. Телефон продолжает звонить настойчиво, почти без перерыва. Нерешительно, не веря самому себе, он подходит к аппарату и берет его в руки. И тут стало видно, что шнур перерезан почти у самого основания... Но телефон продолжает звонить и звонить в его руках...>

Господи!

КОНЕЦ

Хайфа, 1975 год

ЛЕВ ПРЕЙГЕРМАН

Рассказы

Дороги – постоянные спутники нашей жизни. Каждый человек, появившись в этом мире, идет сначала ошупью, тропинками, пока не выходит на дорогу, по которой он пытается пройти всю свою дальнейшую жизнь. Нам кажется, что мы сами выбираем свою дорогу. Но очень часто выясняется, что не мы ее выбираем, а она выбирает нас. Дороги жизни не всегда благосклонны к нам и часто заводят нас в тупик, из которого мы не видим выхода. Но, если мы твердо верим, что из любого безвыходного положения есть всегда выход, то именно она, новая, еще не исхоженная, дорога, выводит нас на простор из запутанного лабиринта.

Я хочу представить вашему вниманию три рассказа из моей книги «Птица Феникс»¹ – своеобразный калейдоскоп из еврейской жизни. Как и любым рассказам, им не чужд

---

¹ Рассказы публикуются в журнальном варианте.

художественный вымысел, но в их основе лежат действительно имевшие место события.

Дорога

Дорога уходила вдаль на восток бесконечной лентой, то вытягиваясь в прямую линию, то извиваясь и петляя, то разветвляясь или разбегаясь многочисленными проселочными ручейками. По всей длине, сколько видел глаз, вплоть до горизонта, она была до предела загружена: повозками, обозами, машинами, пешеходами, командами солдат, шагающих в ногу или бредущих как попало, ранеными – передвигающимися с палочкой или на костылях... Всей этой непрерывно движущейся массе то и дело преграждали путь стада коров, отары овец или коз, погоняемые чаще всего малолетними пастухами, табуны лошадей, охраняемые растянувшимися вдоль них верховыми.

Повозки были забиты доверху нехитрым домашним скарбом. На самом верху большинства из них сидели или лежали бог весть каким образом забравшиеся туда люди, чаще всего старики и дети. Мужчины или молодые женщины управляли лошадьми. Остальные двигались пешком вслед за своими повозками. Большинство повозок были запряжены парой, реже тройкой добротных лошадей. Но попадались и упряжки с быками, и одноконки с клячами, тянувшими из последних сил. Реже шли повозки, крытые брезентовым верхом и уставленные клетками с домашней птицей или кроликами. Иногда мимо смертельно уставших путников проносились, сильно громяхая, на большой скорости, повозки, на которых не перевозили груз. Чаще всего их занимали какие-то девушки и парни, которые даже в этой суматохе не отказывали себе в удовольствии

позубоскалить, оглашая дорогу громким смехом, криками и песнями. На некоторых повозках рядом с людьми мирно дремали кошки, за другими без устали семенили собаки, часто схватываясь между собой, визжа и лая.

Между повозками сновали, пытаясь их обогнать, легковушки с открытым или закрытым верхом, полуторки или трехтонки, груженные овощами или фруктами; громко фырча, проносились мотоциклы, за ними тянулись велосипедисты, ползли трактора. Пешеходы несли груз на себе: в рюкзаках, чемоданах или корзинах. Дети разных возрастов беспечно бегали между повозками и машинами, рискуя оказаться под колесами, умудряясь и в этой неразберихе самозабвенно предаваться своим незамысловатым бесконечным играм. Женщины зорко следили за своими чадами, истерически кричали, но успевали в то же время переговариваться между собой, даже в том случае, если они были разделены одной или двумя повозками.

Все это гудело, мычало, бляело, истошно кричало, временами приправляясь смачным русским матом, цветастыми непристойностями на идиш, хохляцкой бранью...

То и дело слышалось:

– А ну, родимые, пошли, но-о-о!

– Шо, у тэбэ очи повылазили? Куда прэшь?

– Цоб-цобэ, ну давай!

– Эй, разойдись! Болтаются тут всякие под ногами!

– Хаим, куда ты смотришь? Глянь-ка, что твой байстрюк выделяет!

– Мойшэ, а макэ дир ин бух²! Куда ты залез? А ну, назад!

---

² Чтoб тебе (идиш).

– Суркалэ, майн мэйдалэ, сзол мир зайн фар дир³. Ах ты моя красавица!

– Эй, хлопцы, бачьте, яка краля!

Дорога гудела, колыхалась, волновалась и, как некий монстр, жила своей собственной, особенной жизнью, которая не прекращалась ни на минуту – ни днем, ни ночью. Здесь непонятным образом совмещались и страшная неразбериха, и установленный кем-то невидимым порядок. Иногда, подчиняясь неизвестно откуда поступившей команде, дорога раздавалась, уходя на обочины, пропуская вперед колонны танков, кавалеристов, отряды пехоты, командирские легковушки. Также внезапно она останавливалась, по ней туда-сюда пробегали какие-то военные люди, повисала непривычная звонкая тишина, нарушавшаяся отдаваемыми командами. Порой дорога поворачивала вспять или разветвлялась на отдельные ручейки, беспрекословно подчиняясь воле регулировщиков, потом опять продолжала свое движение вперед, то резко ускоряя свой бег, то замедляя его.

С двух сторон дороги распластались бесконечные ровные пшеничные поля, перемежаясь ковровой желтизной подсолнухов или кукурузной зеленыю. Поля сменялись аккуратными ухоженными деревеньками с белоснежными игрушечными, крытыми белой или красной черепицей, а то и соломой домиками, утопавшими в зелени фруктовых деревьев. Изредка на полях или в садах можно было увидеть людей, занятых своими обычными делами. По обе стороны в два, а то и в три ряда дорога была тоже засажена абрикосовыми деревьями или яблонями. Это были, правда, не те крупные, душистые, сладкие и сочные абрикосы, которые росли в садах и на приусадебных участках. Их даже называли иначе – жаржавелями. Урожай в этом году

---

³ Суркалэ, моя девочка, пусть мне будет вместо тебя. (идиш).

выдался отменным, ветви деревьев, отяжелевшие от плодов, почти касались земли.

Природа, явно не успевая за заботами, которыми жила дорога, вошла с ней в диссонанс, ликуя и благодатно раздавая свои щедроты людям и животным. Над дорогой разливался особый аромат, который создавали цветущие и плодоносящие сады, терпкие запахи зреющих хлебов, благоухание трав и полевых цветов. Синее небо без единого облачка, теплое, не очень жаркое солнце днем или яркое звездное небо и волшебный лунный свет по ночам, порхание, щебетание и пение птичек. Все, казалось, дышало миром и покоем. Живи и радуйся! Но это было обманчивое впечатление, иллюзия. Созревшие или перезревшие плоды покрывали обочины дороги, образовывали завалы – и гнили, так и не удостоившись внимания людей, которые уже давно пресытились ими и не могли даже смотреть в их сторону. Красота и волшебство природы больше не привлекали людей, а, наоборот, раздражали.

Всего лишь за один месяц непонятной им войны они настолько успели отдалиться от прежней жизни, что ушедшие куда-то в небытие мирные дни казались им сновидением, которому уже никогда не суждено стать реальностью. Домашний уют, радость общения, любовь и дружба, устремленность в будущее, ежедневные маленькие и большие заботы, потерянный привычный быт – все это заменили им дорога и неизвестность.

Дорога чутко улавливала настроение людей и жила их новой жизнью. Очень часто она вдруг настораживалась, живо реагируя на появляющиеся то с запада, то с востока гулкие звуки. По мере того, как гул увеличивался, озабоченность дороги повышалась. По ней проносилась нервная дрожь, возникало состояние безысходности. Внимание людей приковывалось к этим звукам, стараясь быстро и безошибочно распознать их характер. Если гул по

мере его приближения оказывался ровным, они, вздыхая, быстро успокаивались.

– Наши! – сообщали они друг другу радостную весть, – и дорога, подчиняясь настроению людей, продолжала свой бег, ничем не омрачаясь.

Но если – что происходило значительно чаще – гул оказывался прерывающимся, ухающим, все проникались чувством надвигающейся опасности. Казалось, что даже животные научились распознавать эти звуки и разделять с людьми надвигающийся на них черной тучей липкий страх и ужас неизвестного.

Дорога, как по команде, останавливалась, и все люди и животные, кроме тех, которые были связаны упряжкой, быстро рассыпались по окружным полям, прячась в высокой, превышающей рост человека пшенице или кукурузе, распластывались, по возможности, на земле и крепко прижимались к ней. Вражеские самолеты между тем – а это им принадлежали вызывающие панику противные звуки – переходили на бреющий полет и поливали дорогу и ее окрестности пулеметным огнем, сбрасывали неизрасходованные в «деле» бомбы.

Только что выглядевшие беззаботными поля и сады оглашались стрекотней пулеметов, взрывами бомб, криками и плачем людей, ревом животных. Благоухающие ароматы, издаваемые деревьями и травами, смешивались с запахом гари разгорающихся пожаров.

Иногда по самолетам начинала бить неизвестно откуда взявшаяся зенитка, солдаты беспорядочно падали по ним из своих трехлинеек, и уже совсем редко над стервятниками появлялись наши ястребки, заставляя их убраться восвояси. Случалось, что подбитый кем-то случайно самолет загорался ярким пламенем и, отчаянно дымя, с грохотом, под общие ликующие крики людей, падал где-то поблизости. Иногда от самолетов отделялись черные

точки парашютистов. На место падения самолета или приземления парашютиста быстро отправлялись спецкоманды, которые выныривали неизвестно откуда.

После налета люди и животные привычно возвращались на дорогу к оставленному ими скарбу. Но еще не менее получаса слышались стоны раненых людей, жалобные крики животных, плач или причитания женщин, разыскивающих своих близких или обнаруживших их мертвыми. Раненых и мертвых людей подбирали санитарные машины и обозы, которые чаще всего оказывались среди обитателей дороги, увозя их и плачущих родственников в ближайшие медпункты. Раненых животных пристреливали и убирали с дороги, и она, постепенно оправляясь от шока и только что пережитых ужасов, продолжала свою уже ставшую рутинной жизнь.

Во время таких налетов самолеты вместе с пулями и бомбами опрокидывали на головы людей пачки листовок. Из них «голосом» Геббельса неслась пропаганда нового образа жизни, порядка, который «освободители» обещали поработавшим советским людям. Эта пропаганда под аккомпанемент пулеметного огня и бомбовых взрывов звучала издевательством и вряд ли способна была кого-либо обмануть. Если кто-то, любопытствуя, подбирал листовку и пытался ее прочесть, то около него, как из-под земли, вырастали какие-то амбалы и требовали немедленно ее порвать. Иногда среди обитателей дороги появлялись подозрительные типы. Они рвали на себе одежду, бились в истерике, истерически кричали, картинно заламывали руки, хватались за голову:

– Немцы уже рядом! Все, все пропало! Люди остановитесь, бежать уже поздно! О горе, горе!

Но уже через несколько минут их хватали здоровые мужики и тут же вместе с ними исчезали в зарослях окружающих полей. Вслед за этим раздавались хлопки,

похожие на удар бича, и всегда все знающие люди шепотом сообщали:

– Все, пустили в расход!

А дорога, словно ничего не замечая, продолжала свой бег в неизвестность...

Мост

Длинный, как еврейский Галут, двухэтажный мост через Днепр. По воде ходят катера и баржи, нижний этаж занимает автотрасса, а по верхнему – днем и ночью грохочут железнодорожные составы. Над мостом непрерывно кружат немецкие самолеты, бомбежки почти не прекращаются. От высокого берега реки разбегаются во все стороны домики, которые там, вдали, постепенно сливаются в большой промышленный город. Берег круто обрывается к Днепру. На облучке одной из повозок, запряженной парой добротных откормленных лошадей, сидят и тихо беседуют двое мужчин. Один из них, долговязый, сухощавый, в черной бархатной ермолке и белоснежной рубашке, держит в одной руке вожжи, а в другой – кнут. Держит для порядка, так как дрессированным лошадям ни того, ни другого не требуется. Они и без них отлично понимают обращенные к ним ласковые слова хозяина, произносимые им с такой нежностью, будто они предназначены любимой женщине. Он в том возрасте, который можно с одинаковым успехом определить и в сорок, и в пятьдесят, и даже шестьдесят лет. Его рыжая с проседью борода торчит лопатой и колышется в такт его словам. Несмотря на свою флегматичность, он любит поговорить. Своего соседа он непрерывно донимает каверзными вопросами.

– Вот Вы, рэб Янкель, ученый человек, объясните мне, простому малограмотному еврею, который всю жизнь при

лошадях. Чем это мы, евреи, так прогневали Всевышнего? Что там десять египетских казней по сравнению с двухтысячелетним галутом, полным горя, страданий и слез? Нас жгли на кострах инквизиции, уничтожали в погромах, гноили в тюрьмах и на каторгах по диким наветам, изгоняли из наших домов, сел, городов и стран проживания, запирали и морили в гетто, насильно отлучали от нашей веры, унижали, оскорбляли... Разве это еще недостаточное наказание за наши грехи?

Его сосед, судя по одежде, хасид, широкоплечий, несколько грузноватый, но еще довольно энергичный мужчина лет шестидесяти, сохранивший молодой задор, который высвечивает из его глубоких задумчивых глаз, выдающих философский склад ума и склонность к размышлениям, не торопится с ответом. Он ограничивается лишь замечанием:

– Не богохульствуйте, Вэлвалэ, это Вам не идет!

Потом он замолкает, ожидая, что Вэлвалэ по своему обыкновению сам сейчас ответит на свой вопрос. Ему очень интересно мнение этого человека из народной глубинки. Вэлвалэ, конечно, кокетничает, когда называет себя глупым и необразованным. Янкелю особенно импонирует то, что, благодаря своему природному уму и не столь уж плохому знанию священного писания, Вэлвалэ умеет взглянуть на многие вещи совсем с неожиданной стороны. И он не ошибся. Через несколько минут, сделав вид, что он пропустил замечание своего соседа мимо ушей, Вэлвалэ, с запинкой, как бы ища ответ на свой вопрос, произносит фразу, удивившую даже Янкеля:

– Да конечно, Всевышнему в мудрости нельзя отказать. Относясь одинаково ко всем народам, он предъявляет своему народу особо высокие требования. Это нас закаляет и делает бессмертными. Несмотря ни на что, наш народ вновь и вновь, как птица Феникс, возрождается

из пепла. Я всей душой верю, что мы и на этот раз не сгорим дотла. Но сколько людских жизней за этим стоит! Как же тяжело нам нести это бремя!

Что касается Янкеля, то его вопросы Вэлвалэ не застают врасплох. Взять хотя бы последний вопрос. Он, Янкель, давно предвидел такой поворот событий. В своих субботних и праздничных беседах в синагоге он неоднократно предупреждал, что массовое отступничество немецких евреев, их гордыня и заносчивость, фанатичное стремление считать себя немцами, большими чем сами немцы, – все это, рано или поздно, приведет к неизбежному взрыву и навлечет беду на голову всего еврейского народа. К сожалению, его прогноз сбывается...

Погромщики

Третью ночь Иона Крецу плохо спит. Вот и сегодня он уже битый час лежит с открытыми глазами, поворачивается с бока на бок, но сон не идет к нему. В голове какая-то каша. Он слышит тихое посапывание Марии, ощущает волнуемое тепло ее рук, нежно обнимающих его. Временами его охватывает приятная истома и теряется реальность, но уже в следующее мгновение среди рваных бессвязных мыслей полудремотного состояния возникает одна и та же, ясная, навязчивая и тревожная

– Пропадет добро!

И Иона толчком пробуждается.

– Наваждение какое-то, – думает он...

У Ионы было нелегкое детство. Его отец, в молодости глущий красавец, балагур, весельчак и драчун, сводивший с ума всех сельских девчат, работать не любил. Очень скоро он пристрастился к стаканчику и стал быстро опускаться. Женился на невзрачной безвольной девчонке, которая до

конца жизни не могла поверить в свое счастье и сохранила навсегда свое восхищение мужем-красавцем и полную покорность перед ним.

Хотя с каждым годом семья, живя в праздности и народив кучу детей, все больше погружалась в нищету, родители никогда не унывали. Целыми днями из их полуразвалившейся саманки доносились песни, смех, пьяные крики, шумные споры и драки, сменявшиеся столь же шумным весельем.

С тех пор, как Иона помнит себя, он всегда был голоден. Грязный, оборванный, он неприкаянно бродил по селу, рылся в помойках в надежде найти там что-нибудь съестное, пока какая-нибудь сердобольная женщина не зазывала его к себе в дом, чтобы обмыть и накормить бедолагу.

Свою нищету Иона неистово ненавидел. Его снедала зависть к сытым и богатым. Но в отличие от своих родителей, которые во всех своих бедах винили кого угодно, только не себя, Иона уже с малых лет понял, что за хорошую жизнь надо «пуп надрывать». И он, как только немного подрос, стал с матерью поденничать в богатых еврейских домах. Заработанные трудовые деньги не транжирил, а складывал лей⁴ к лею и прятал их от родителей и безалаберных братьев в укромном, только ему одному известном месте, в дальнем углу огорода. Так он рос, обуеваемый двумя страстями – завистью к богатым и мечтой самому разбогатеть.

У него, слава Богу, все сложилось. Отслужив в армии, он построил большой добротный дом, обзавелся хозяйством, удачно женился на красавице Марии, работающей, как и он, хозяйственной и расторопной. Мария родила ему двух

---

⁴ Лей (рум. и молд. *lei*) – денежная единица в Румынии и Молдавии.

крепких мальчишек, которыми он очень гордился и на которых возлагал большие надежды. Со временем он стал известным человеком в округе, был вхож к румынским и молдавским господарям, поддерживал хорошие отношения с представителями румынских властей. Казалось – вот– вот исполнится главная мечта его жизни, но все в одночасье рухнуло с приходом Советов.

Бедняцкое происхождение спасло его, правда, от раскулачивания, да и хозяйство свое он умудрился в основном сохранить, вступив одним из первых вместе с голытьбой в колхоз. Но что за жизнь такая, когда добро, нажитое тяжким трудом и потом, приходится прятать от людей, будто ты вор какой-то?

Начавшаяся скоро война вдохнула в Иону новые надежды. Чутьем он сразу же понял, что Советы войну проигрывают. Он еще раз в этом убедился, когда уже через месяц, спешно собравшись, уехали в Россию многие сельские жидане и советские функционеры.

– Эти всегда чувствуют, что к чему, никогда не ошибаются! – думал Иона, торжествуя в душе.

А вот уже несколько дней как образовалась пустота. Ни советских властей, ни даже следов Красной армии. Значит, вот-вот румыны вернутся, возможно, будут среди них и его старые знакомые. Своя власть – это своя власть! Не жидовская и не комиссарская. А то, что румын возвращают немцы, так что же в этом плохого? Немцы – культурные люди, не то, что эти жлобы-комиссары. Ему, крепкому хозяину, бояться нечего. Крепкий хозяин, он всегда в цене. Пусть трясутся эти оборванцы, которые лизали задницу комиссарам.

А то, что немцы взяли за одно место жидан и цыганье, так это очень даже правильно. Наконец-то нашлись умные люди. Он, Иона, с ними полностью согласен, и он даже готов помогать им, чтобы быстрее искоренить эту заразу. Цыгане,

которые шумным табором каждое лето располагались в поле, около села, вызывали у него отвращение. Уж очень живо они напоминали ему его безалаберное семейство и нищее детство. Жидане, хотя и являлись полной противоположностью цыганам, были ему не менее отвратительны. Лично ему они ничего плохого не сделали. Он, вроде, должен быть им благодарен. Они ведь ему и матери хорошо платили за работу, всегда его хвалили за смешленость и расторопность, дарили красивые, дорогие вещи. Но он не мог им простить их богатство, свое вечное унижение перед ними.

Вот и его постояльцы, люди вроде бы хорошие. Марк является его ровесником. Высокий, интересный, с черной, как смоль, бородой. Несмотря на свою молодость, стал равнином и главой еврейских общин всех окрестных сел. Он был вежлив, тактичен, хорошо платил за постой. Его жена, Адель, красивая, не по летам серьезная и очень скромная женщина, внушала людям симпатию. Их сынишка, Мошка, тех же лет, что и его Василь и Петря, был неразлучен с его босяками. Целыми днями они носились вместе по селу, поднимая тучи пыли, или бегали к речке, а то просто забивались в конец огорода, увлеченные своими бесконечными играми...

С началом войны всех молодых мужиков мобилизовали, правда, не в действующую, а в трудовую армию. Иона, проявив, как всегда, немало смекалки, каким-то чудом отвертелся от этой «чести». А вот Марк и с десяток других евреев села служили где-то под Одессой. Сначала их семьи хотели уехать в эвакуацию вместе с другими евреями, но вскоре получили весточку от своих служивых, в которой те сообщали, что командование предоставило им краткосрочный отпуск и выделило несколько машин, чтобы они их сами вывезли.

Адель, как и другие, осталась ждать Марка, который мог приехать в любую минуту Иона помогал ей собираться и упаковывать вещи. От верных мужиков Иона узнал, что румыны и немцы уже на подходе. Он был уверен, что выехать оставшимся евреям уже не удастся.

– Да, – думал он, – столько добра, а в чужие руки попадет. И это не только в их селе. Вчера появился слушок, что во многих селах не стали дожидаться румын или немцев и сами порешили своих евреев.

– А что? – говорили мужики, их все равно румыны или немцы убили бы, а тут хоть добро удалось спасти...

Иона понял, что не удастся ему заснуть, и вышел покурить. На завалинке сидел его сосед Лупу и тоже дымил махорочной закруткой.

– Не спится, сосед? – спросил Лупу.

– Да, что-то не спится.

– А как твои жидане?

– Да вот ждут машину, вот-вот подъедет.

– Да, – крикнул Лупу, – сколько добра увезут.

– Увезут, Лупу, увезут. Разве только они? А главное – далеко не увезут. В чужие руки попадет. Вот, что обидно.

– Вечером встретил Михая Амброса, – осторожно заговорил опять Лупу. Да ты его знаешь, кузист⁵.

– Да, этот теперь в почете будет!

Помолчали. Посмолили закрутки. А Лупу, будто выдавливая из себя слова, продолжал.

– Так вот, Михай сказал, – кончать надо, как в других селах.

– Кончать! Где-то он уже слышал это словечко. Может, оно ему являлось в его рваных мыслях, когда он тщетно пытался заснуть?

---

⁵ Кузист – член Национально Христианской Партии, основанной профессором Александру Куза.

– Дурацкое словечко. Не убийцы же мы, в конце концов. А с другой стороны... Их, евреев, все равно убьют. Пропадет добро! А так...

– Вот мы и договорились. Сегодня ночью... ну, пока машины не подъехали. Сейчас мужики подойдут.

Первой мыслью Ионы было – зайти в дом. От греха подальше. Но какая-то неведомая сила приковала его к этому месту...

Раздались голоса. Стали подтягиваться мужики. Запахло перегаром. Иону передернуло.

– Бежать, – опять подумал он, но так с места и не сдвинулся.

А толпа загудела, зашумела. Окна домов начали вспыхивать ярким светом, захлопали двери, появились сонные женщины.

На улицу вышла и Адель.

– Что случилось, бадя Иона? – спросила она его по-румынски. Немцы?

– Да мужики говорят, – не то немцы, не то румыны на подходе.

– А как же наши?

– Бог даст, прорвутся. А вы идите в дом, мало ли. Видите, мужики хлебнули и злые какие-то.

Адель нерешительно топталась на месте, но в это время из дома выбежал заплаканный Мошка. Адель взяла его за руку, стала успокаивать. Мальчик доверчиво протянул вторую руку Ионе, будто ища у него защиту. Иона нагнулся и взял мальчика на руки. Адель благодарно взглянула на него, но он зачем-то поднял его над собой.

– Ой, осторожно, бадя Иона, – вскрикнула Адель.

Мужики засмеялись, загалдели. Иона уже хотел отпустить мальчика на землю, но кто-то крикнул:

– А ну, брось щенка мне. Поиграем в мячик.

Иона почувствовал, что не владеет собой. Какая-то бесовская сила, как бы помимо его желания, разыграла в нем, и он, вместо того, чтобы вернуть мальчика матери, повиновался дурацкому предложению поиграть в мячик и перекинул мальчика своему соседу.

– Что вы делаете? – закричала Адель, но ее никто не слушал. Мошка заходил по рукам. Адель, продолжая кричать, пыталась перехватить мальчика, но это ей не удавалось. Один из мужиков схватил Мошку за ногу, опрокинув его вниз головой. Другая нога мальчика оказалась в руках его соседа. Мальчик истошно кричал. Но вдруг послышался хруст костей, кровь брызнула фонтаном. Адель рухнула без чувств на растерзанное тело мальчика. Вид и запах крови опьянил мужиков, и они, затоптав Адель и останки мальчика, бросились, как дикие звери, в еврейские дома. Уже вскоре оттуда стали раздаваться крики ужаса детей и взрослых. Люди, спросонья, не успевали понять, что их убивают...

Толпа завладела и Ионой. Окончательно потеряв рассудок и волю, он сначала побежал вместе со всеми. Но потом вдруг остановился, повернул к своему дому, заскочил на половину Марка и быстро перенес все его вещи к себе. Марии в доме не было, и он, закрыв дом на замок, побежал в ту сторону, где слышались крики и стоны умирающих людей. Навстречу ему все чаще попадались мужики и бабы, тащившие барахло. Вдруг ему дорогу преградила какая-то женщина. Расставив руки, она пыталась остановить его. Присмотревшись, он узнал свою соседку, Ляну.

– Люди! – кричала она. Нехристи! Что вы делаете? Остановитесь! Подлые убийцы! За это несчастное барахло?! Бога побойтесь! Он ведь все видит! Гореть вам в аду вечным огнем! Остановитесь, изверги!

Трезвый голос Ляны тонул в диком реве толпы и криках истязаемых людей...

Иона, отбросив Ляну и отмахнувшись, как от назойливой мухи, от Марии, которая смотрела на него дикими глазами и пыталась ему что-то сказать, как и все, что-то кричал, бил и крушил все на своем пути...

Неизвестно, сколько времени продолжалась бы еще эта оргия озверевшей толпы, но вдруг на окраине села послышался шум моторов подъезжающих машин. Все, как крысы с тонущего корабля, разбежались по домам, село в одну минуту затихло, лишь кое-где слышался лай собак да слабые стоны умирающих...

Первая машина остановилась около Ляны. Из ее кузова выпрыгнул боец. Ляна сразу же узнала Марка, который направился к себе домой.

– Стойте! Не ходите туда! Там никого нет!

– Как это? – не понял Марк.

Ляна молча осветила фонариком тела Адели и Мошки...

Из горла Марка вырвался страшный, нечеловеческий крик. Он упал на колени и, продолжая кричать, пытался собрать все, что осталось от мальчика и любимой жены...

Подъехала вторая машина. Все выскочили. Один из них, с лычками лейтенанта, скомандовал

– В ружье!..

Первым опомнился Марк. Дико озираясь, он, пошатываясь, подошел к лейтенанту.

– Лейтенант! Бога ради! Не надо новой крови. Мертвых к жизни уж не вернешь.

Но лейтенант не слушал его. Он приставил пистолет к виску Ляны и требовал:

– Кто? Скажи кто?

– Все, – отвечала Ляна, все еще не веря тому, что произошло. Как люди, среди которых она прожила всю жизнь, в один миг превратились в шайку мерзких убийц? Кого они убивали? Своих же, односельчан, с которыми

столько лет жили душа в душу, делили все горести и радости. Ради чего? Ради этого жалкого барахла! И еще потому, что были уверены в своей безнаказанности. Есть ли Бог на свете? Как он это допустил?

Лейтенант с пистолетом в руках побежал к ближайшему дому. Но Марк преградил ему дорогу.

– Не надо, лейтенант! Прикажи лучше бойцам собрать трупы. Их надо предать земле.

Однако команды не потребовалось. Бойцы и так уже делали свое дело. Ляна побежала в дом и притащила целый ворох белых простыней.

– Приготовила дочке на приданое, но сейчас они нужней.

Марк взглянул на нее с благодарностью. Понял все и лейтенант. Трупы стали заворачивать в простыни и складывать в машины. Ляна откуда-то притащила лопаты.

Когда машины подъехали к еврейскому кладбищу, стало уже светать. Лейтенант взглянул на Марка и остолбенел. Он увидел перед собой глубокого старика. Его черная борода и волосы стали белыми, как снег.

Земля после дождя была мягкой. Яму под братскую могилу вырыли очень быстро. Но тут вдруг оказалось, что до миньяна не хватает одного еврея.

– Я буду десятым, – сказал лейтенант, надев пилотку.

Марк подумал и коротко бросил:

– Хорошо!

Он прочитал заупокойную молитву, кадиш. Все было кончено...

– А сейчас быстро по машинам, надо успеть смотаться, пока немцы или румыны не нагрянули, – скомандовал лейтенант.

Марк подошел к нему и тихо сказал.

– Прости, командир, забери людей и езжай! Я останусь здесь, с ними, – показал он глазами на свежую могилу. Евреи его поддержали, тоже решили остаться.

– Вы что, с ума все походили? Вы же себя обрекаете на верную смерть. Да и я не могу вернуться без вас. Меня тут же к стенке поставят.

– Ты прав, лейтенант, – сказал Марк, но мое решение непреклонно. Остальных попробуй уговорить. Я тебе в этом деле не помощник.

Лейтенант минуту подумал.

– Раз так, то и я остаюсь с вами. Ведь вы только что меня в евреи приняли, – горько пошутил он.

Он приказал всем бойцам, неевреям, немедленно погрузиться в машины и уехать.

– Так и скажите особистам, что мы остались для прикрытия.

Евреи вместе с лейтенантом вернулись в дом Марка. Они разорвали на себе одежду, посыпали головы свежеприготовленным пеплом, сняли обувь и сели на ковер, который принесла Ляна. Лейтенант, загодя выгрузив из машин винтовки с патронташами, уложил их около каждого бойца.

– Будем держаться до последнего патрона, который оставим для себя. Затем аккуратно снял обувь и сел вместе со всеми отсиживать шиву...

Румыны появились неожиданно. Кто-то услужливо привел их к дому Марка. Завязался неравный бой. Из дома вместе с выстрелами слышно было, как евреи непрерывно повторяли молитву «Шма Исраэль». Среди них звучал и голос лейтенанта...

Когда выстрелы прекратились, и румыны ворвались в дом, они обнаружили там десять трупов – девяти евреев и одного праведника...

ЭЛЕН СТЭП

Рассказы

Начало

Самое трудное это связно начать первую мысль. Потому как хочется рассказать все и сразу. Долго думала и поняла, что на данном этапе это будет сборник некоторых воспоминаний и небольших этюдов. Короче, с богом.

Желтый бублик

Идею рассказать о моем Иерусалиме я тащу с собой уже много лет, но как-то так и не собралась до сих пор. А тут подруга рассказала, что недавно съездила, говорит: «Ты знаешь, такой красивый современный город, полно туристов, магазины, рестораны, в общем, очень и очень... а старый город – так вообще... ну и Стена Плача, конечно... и детям есть, чем заняться: зоопарк, аквариум, в общем,

полный набор для полноценного отдыха на пару дней для всей семьи». Забрав с собой эту информацию и протаскавшись с ней весь день, к вечеру я села за компьютер планировать поездку. Набрала в Гугле «аттракции Иерусалима для детей» (а то я их не знаю...). И вдруг среди зоопарков, парков и аттракционов всплыло название «парк Ган мифлецет». И тут меня накрыло... Потому что любой из «русских», которому довелось жить в Иерусалиме в девяностые годы в возрасте от 12 до 20, знает это место. И совсем не как детский аттракцион. Это был наш центр. Наш «вудсток». Но давайте все по порядку. С моим Иерусалимом я познакомилась в девяносто четвертом году. Мне было 14, я перешла в девятый класс в школу «Орт» при иерусалимском университете. Жили мы тогда в городке Бейт-Шемеш, где и по сей день проживают мои родители. Развозки школа не предоставляла, а возможность проживания в общежитии при школе была отмечена сразу, так как в четырнадцать лет девочка должна жить дома – и все. В результате в моем распоряжении оказался месячный проездной, с которым без ограничений можно было передвигаться не только по маршруту дом–школа. А город был большой, новый. И в нем было столько всего...

Пожалуй, одним из самых ярких воспоминаний была, безусловно, маленькая пекарня на углу автовокзала (который, кроме месторасположения, не имел ничего общего с нынешней громадиной). В этой пекарне пекли... бублики (бейглы). Причем их было десять-пятнадцать видов: со специями, с орехами, с маком, с луком, с чесноком... и вершина – бейгл со всем сразу. Стоила эта роскошь пять шекелей штука. Что касается меня, то мне понравился бублик под названием «желточный». Вкус был волшебный. Люминесцентный желтый цвет бублика наверняка привел бы в ужас приверженцев здоровой пищи. Но тогда мало кто заботился об этом. А посему и открытие

первого Иерусалимского «Макдональдса» по торжественности и по количеству людей можно было сравнить с открытием комплекса «Азриэли», которое произошло через несколько лет. Очередь за волшебным некошерным гамбургером с сыром и кетчупом в пакетиках (как за границей) и чипсами, тянулась через весь центр. Через годик место стало любимой забегаловкой для старшеклассников и студентов. Надо сказать, что дешевым это место, в отличие от Европы и Америки, не было никогда. Поэтому зачастую одна большая порция покупалась на троих. *Мало, Зато Вкусно*. Но бывали и настоящие пиры – в основном, благодаря Грише. О нем стоит упомянуть отдельно. Гриша учился в музыкальной гимназии на скрипача. Это был абсолютный сукин сын с языком, полным матерщины, которую он использовал бесконтрольно, и с абсолютно ангельской внешностью (большие голубые глаза в пушистых ресницах, белокурые кудряшки... Херувим – роста был очень маленького). Так вот, если по дороге в McDonald's мы встречали Гришу, мы знали, что сегодня будет ПИР. Гриша становился посреди улицы Бен Иегуда, доставал скрипочку и начинал... репетировать. Профессиональные попрошайки его не трогали. Во-первых, ребенок, что с него взять, особенно, когда вокруг полно народу, а во-вторых, он практически никогда не появлялся один. Мы изображали толпу зрителей. Это закон любой площади – если кто-то играет, а рядом хлопают, то количество зрителей растет мгновенно. За полчаса набиралось от двухсот до трехсот шекелей. Место было людное, да и кроме того надо быть последней сволочью, чтобы не подать мальчику со скрипочкой. С таким богатством можно было шикануть и затусить в кафе «Шагал», где подавали кофе с шапкой сливок и шоколадками, или в ресторан «Трактир», где подавали вкуснейшие блины, ну и так далее... Утолив голод

физический, мы жаждали чего-то для души. А значит, шли на улицу Нахалат Шива – красивая туристическая улица, которая с одной стороны ограничивалась Кошачьей площадью⁶ (туристы, торговля травкой, проститутки и акции протеста против чего-нибудь), а с другой стороны упиралась в гостиницу на площади Кикар Цион – серую страшную махину, названия которой я не знаю до сих пор.

Но дело не в гостинице, а в пяточке вокруг нее. Это было совершенно волшебное место. Кто только там не тусовался: неформалы всех мастей – рокеры и панки, рэперы и готы. А рядом с ними хасиды с Бреслава, христиане с русского подворья, представители секс-меньшинств, художники, поэты, музыканты и так далее, и так далее. Всегда куча народу. Там всегда было шумно. Но что интересно – драк не было. Все эти люди веселились и не мешали друг другу. А иногда можно было увидеть, как какой-нибудь хасид радостно отплясывал под звуки тарбуке или под речитатив рэпа.

А еще посреди этой улочки в старом полуразваленном доме прошлого века, на втором этаже, куда вела узенькая лесенка, была парикмахерская-салон «У Светы». Качество этого салона было вполне средней паршивости, но туда приходили не затем, чтобы постричься, вернее, не только за этим. Сама Света – вот это был повод. Ей было двадцать шесть лет. Маленькая, слепая на один глаз, с прической, как будто ее подключили к розетке, и вечной сигаретой во рту, она была настоящим центром русского Иерусалима. Посидев в Светиной комнатке минут десять, можно было выяснить, кто с кем встречается, кто кого бросил, кто кого побил и за что, какая дискотека самая приличная в городе, а в какую лучше не ходить... Где найти приличную домработницу, зубного врача, адвоката, массажистку,

---

⁶ Официальное название – площадь Макаби Муцри.

косметолога и так далее... К своей профессии Света относилась без особого вдохновения. Помню, как после неудачного мелирования, срезая клочки сожженных волос, она говорила зареванной клиентке: «Ну Киса, ну что ты так переживаешь?... Волос – он же мертвый белок...» Но почему-то к ней продолжали ходить. Она была смешная, добрая, некрасивая и очень одинокая девочка. И ее любили и жалели. Через пять лет она вышла замуж за какого-то депутата кнессета на двадцать лет ее старше и исчезла из русского Иерусалима навсегда. В соседнем дворе напротив печально известного клуба «Андерграунд» в подвальном помещении собирались художники-неформалы. Комнату слева занимали израильтяне. Комнату справа – русские. Различить, где кто, получалось сразу. По запаху. От одной из комнат шел запах благовоний и травки, от второй – устойчивый аромат водки и вяленой рыбы. Разброс возрастов – от пятнадцати до шестидесяти. Рисовали и лепили из всего, что попадалось под руку. Иногда даже что-то продавалось. Сюда приходили ребята из школы искусств. Не знаю, стал ли кто-то из них большим художником, но то, что их работы из подвала выставлялись на международных выставках и конкурсах, знаю точно.

Работа Йонатана Рабиновича, ученика одиннадцатого класса под руководством такой-то... – первое место. Да. Только дело не в школе и не в руководстве такой-то. Йоник два месяца каждый день сидел в подвале и выискивал какой-то особый штрих под чутким «руководством» дяди Лени – художника-алкаша с кучей мусора в бороде: «Йоник, не говнишь... Ищи стиль».

По четвергам народ собирался на дискотеки. Две наиболее известные были «Арбат» и «Хаят». Обе неоднократно горели, меняли хозяев, и открывались заново. Вход стоил 30 шекелей, плюс пару коктейлей по 20 шекелей каждый. В общем, удовольствие было дорогим и удавалось

максимум раз в месяц. Готовились туда, как на светский прием. В буквальном смысле: одежда, аксессуары, макияж, прическа. Большинство из нас жили тогда в паршивых серых районах. Родители пахали в три смены и редко наряжались. В кафе и рестораны ходили, в основном, на юбилеи. А нам хотелось праздника. И поход на дискотеку был этим праздником. А если денег на дискотеку не было, мы шли на «Мифлецет» (тот самый парк). Начиная с 4:00 дня и до 5:00 утра у «Мифлецета» собирался народ. Если вы кого-то давно не видели, то шанс встретить его там, был почти стопроцентный. Там встречались и расставались, дрались и пили мировую. Пробовали курить и лишались девственности и, конечно, учились петь и играть на гитаре. Ни одна нормальная мамаша не пускала своего ребенка поиграть в этом парке.

В день окончания школы после выпускного мы попрощались с родителями и пошли праздновать сами. В кафе «Римон», потом на Кикар Цион. А потом решили сходить к Стене Плача. Не помолиться и не просить, а просто сходить. Было 3:00 ночи. В Старом городе было темно, и только Котель ярко освещался. Там сидело прямо у Стены несколько человек, а еще ходили уборщики, которые выметали записки, как в рассказе у Севелы. И было очень тихо. А наутро началась другая жизнь. Я приезжала в Иерусалим, в основном, проездом или по делам, а потом и совсем перестала приезжать. Переехала в Хайфу, потом в Нетанию.

Год назад я оказалась в Иерусалиме по семейным надобностям. Оказалось, в другом, незнакомом, новом городе. Изменилось все, даже въезд был другим. Возвращалась я домой через автовокзал, и вдруг увидела на привычном месте маленькую вывеску «Дом бубликов». Я просто обалдела от счастья, забежала вовнутрь...

– Можно один желточный желтый бейгл?

– Какой бейгл? – спросил мальчик за прилавком.

– Желточный... Желтый такой... – машинально ответила я, понимая, что никакого желтого бейгла здесь нет.

– Геверет, у нас есть много других видов...

Но я уже вышла. Села в автобус на Тель-Авив и всю дорогу проплакала.

Я плакала о городе, который исчез. О своих друзьях, некоторых из которых уже нет. О своей первой дурацкой любви, о том, что шестнадцать – это далеко, а сорок – уже близко, обо всех вас, где бы вы ни были: Женя, Дима, Саша, Бенчик, Наташа, Рима, Оля, Света, Юрик, Артур, Миша, Гриша, Юлия, Антон, Элла.

И о том, что нет больше в мире люминесцентного ЖЕЛТОГО БЕЙГЛА.

И когда вновь и вновь...

– Да пошли вы все! Все! Сволочи!

Давно у Олега не было такого поганого настроения. И главное, если бы кто-то поинтересовался у него, кто эти все сволочи, вряд ли он смог бы внятно ответить. Просто в последнее время все чаще появлялось вот это тошнотворное, липкое ощущение, что жизнь просрана. Причем абсолютно и бесповоротно. Требовалось объявить виновника случившегося. Подходящей кандидатуры не находилось, и тогда появилось абстрактное ВЫ. ВЫ были в ответе за все: за неполученный диплом, к которому ползли шесть лет, за работу, которая менялась раз в полгода, за три idiotских развода, за бесконечные надрывные разговоры с родителями, за постоянно растущие долги, за друзей, которые, конечно, приглашали и звонили, но уже не были с ним на одной волне и чувствовали себя от этого неловко.

Позавчера он опять поругался с Надей. Причем настолько, что впервые за все их качельные-карусельные отношения Надя (стальная, сильная Надя, которая тащила его по жизни вопреки всему, как милиционер тащит упирающегося пьяного хулигана), заплакала, молча покидала в сумку какие-то шмотки и вышла не оборачиваясь. А он остался, весь в ореоле своей абсолютной правоты, принц на белом себе.

Первые два часа все складывалось по законам жанра: он курил одну сигарету за другой, пил коньяк и планировал, как он будет ее глупую прощать, когда она вернется, и каким упоительным сексом все завершится. Но потом позвонила мама. Она звонила раз в два дня по принципу «узнать, что у вас все в порядке». Обычно с ней общалась Надя. После разговора с ней мать успокаивалась. Поэтому, услышав сына, она сразу спросила:

– А где Надя?

Олег, все еще пребывавший в мантии своей правоты, задорно заявил, что мадам свалила из квартиры, и, слава богу, наконец-то стало тихо.

– То есть как свалила? – судя по голосу, мамино давление росло по экспоненте.

– Ножками, мам, ножками. Не переживай, через пару дней вернется, пообщаетесь, будет что обсудить. Ты, главное, это... не дергай меня ради бога. И давай на этот раз без морали и глубоких бесед, ладно?

– Ладно, сынок. Только она не вернется.

И сказано это было настолько просто, настолько непохоже на любую из маминых интонаций, к которым он был

готов, что он растерялся. И вдруг ясно понял: не вернется. И внутренне взвыл: «За что мне это? Что ВЫ все от меня хотите? Сволочи-и-и!»

Два дня валялся дома, закрыв окна и отключив телефон. Тупил в телевизор и опустошал холодильник (хорошо, Надя успела закупиться перед уходом). На третий день душа потребовала выхода в свет. А именно: зайти в уютный барчик за углом и, сидя за стойкой, поделиться с кем-нибудь... или просто пообщаться...

В баре было много народу. Все-таки четверг. Но, как назло, это были в основном парочки, живущие по соседству, или студенты. Ни те, ни другие для общения не годились. В общем, одиночество в толпе. Дурной, кругом чужой и неприкаянный, он пытался первый раз в жизни выпить. Сам. В караоке какой-то парень пытался исполнить «Костер» Макаревича. Олег улыбнулся. Когда-то и он пел эти песни под гитару. Образ Макара ему очень imponировал. Как там было?... Три сестры... Три создания нежных... Да уж, это точно про него.

А в кафе напротив за столиком сидели три женщины. Они были настолько разными, что с первого взгляда трудно было даже предположить, что между ними общего. Ярко накрашенная и вызывающе одетая красивая брюнетка с несчастными глазами, высокая утонченная мечтательная блондинка в длинном платье и берете собственной вязки (этакая поэтесса), и третья... ничем не примечательная милая женщина средних лет в джинсах и свитере. Это, кстати, и была Надя. Вот уже полчаса они втроем молча наблюдали за Олегом. Театр одного актера за стеклом.

Наконец Блондинка спросила:

– И что? Это окончательно? Ты решила?

Надя ответила не сразу:

– Не знаю... Боюсь знать...

– А по-моему, давно пора было заканчивать весь этот цирк, – брюнетка нервно закурила...

– В самом деле, сколько ты собиралась его тянуть, Надя? Жизнь одна, и другой не дадут. А вокруг столько других, которые ждут тебя.

Надя улыбнулась:

– Меня не ждут... Я прихожу сама. Туда, где уже выжжена земля. Интересно, кто постарался?..

Брюнетка вскочила:

– Опять?! Это было 20 лет назад! – но под взглядом Нади села назад и сникла.

С Любочкой Олег познакомился в девятнадцать лет. Яркая, искристая, своя в любой компании, она, казалось, была слеплена специально для него. И обнаружив ее растрепанную на следующее утро после знакомства, закутанную в его халат у него на кухне, он, не сомневаясь ни секунды, понял, что это та самая, на всю жизнь. И к черту учебу, к черту все, что может хоть на секунду оторвать от нее. К черту родителей с их нравочениями (как они вообще посмели... про его Любу...) ...и в загс... побыстрее. А дальше начался ад. Все то, что раньше его манило и восхищало (красота, общительность, обаяние), теперь бесило и вызывало спазмы ревности. Скандалы сменялись ледяной тишиной, злость сменялась депрессией. В конце концов Люба устала и поставила точку в их истории пошлым дурацким адюльтером с бывшим однокурсником, чтоб раз и навсегда оборвать этот кошмар.

– Девочки, не надо... Ну что вы в самом деле... – беспомощно выдохнула блондинка.

– А что, Надя права... – встрепенулась Люба – Только ведь не я одна тут постаралась, да, Верочка?

Слезы покатались как-то сразу, сильно и без предупреждения.

– Верунь... прости, я не хотела...

– Я тоже не хотела... – прошептала Веруня.

Он познакомился с ней в театральной студии, куда пошел с подачи энергичной маминой подруги, которая предложила студию в качестве альтернативы зубодробительным походам к психологу (естественно, маминую другу). Идея ему понравилась. Народ там собирался веселый, разношерстный. Вроде даже что-то играли. На третьей репетиции он заметил Веру. Образ Елены Соловей из Михалковского шедевра: «Вы звери, господа...». Хрупкая, нереальная... Женщина-мечта. Они гуляли по набережной, читали Цветаеву и Бродского, ходили в театр, и ужинали сыром и вином. Правда, через некоторое время оказалось, что хрупкость и эфемерность плохо сочетаются с безденежьем. Богемная жизнь также требовала затрат. В силу того, что Олег все еще наблюдал у себя остатки депрессии и не мог полноценно работать, работала Вера. А отработав полный рабочий день и наблюдая мужа, возлежащего на диване в ожидании ужина, Вера очень быстро обнаружила, что мечтательности и эфемерности в ней значительно поубавилось. А вместе с ними сильно сдали и чувства к любимому. И птица Вера, взмахнув крылами, улетела к новому воздыхателю, чуть менее возвышенному, зато значительно более надежному. А Олег, окончательно убедившись в своей никчемности, переехал обратно к родителям и пошел работать чем-то вроде секретаря в небольшую фирму одного из маминых друзей. Возобновились походы к психологу. Жизнь стала напоминать день Сурка. Тут его и обнаружила Надя. Она приехала на вызов к его маме, требовались уколы преднизолона.

Она появилась в его жизни спокойно и буднично, как будто всегда была – просто он не замечал. И впервые у него был его быт, была еда, кто-то спокойно выслушивал его мысли и не скандалил после очередного увольнения, была забота и любовь. Все было ровно и спокойно. Абсолютно. И

он не выдержал. Он пытался выбить ее из этого спокойствия любым способом. Ему опять хотелось фейерверка, а рядом было ровное горение свечи. Он изменял ей с кем удавалось, скандалил по любому поводу, потом притаскивал цветы и лез с нежностями. А два дня назад он метнул гранату:

– Ты же железобетонная, Надька. Именно такая и нужна. Ты не для любви, ты – для жизни.

Олег спал, опустив голову на руки. Три пары глаз смотрели на него.

– Ладно, девочки, идите, – тихо сказала Надя.

– А ты? Как же, Надя? Вернешься?

– Идите, девочки... Ему без меня нельзя.

Олег спал. Надя расплатилась и, обнимая его за плечи, тихо прошептала на ухо:

– Вставай, любимый. Идем дальше.

Наркоз

Недавно мой коллега пришел на работу взвинченный, весь один сплошной нерв. Как выяснилось, его девятилетнему сыну предстояла на следующий день операция по удалению аденоидов. Хаим как истинный израильский папа переживал это событие тяжело. Причем так, чтобы тяжело было не ему одному, а всем вокруг. В течение всего рабочего дня он вычитывал в интернете о непоправимых последствиях врачебной ошибки, ловил и допрашивал людей в коридоре и туалете, искал жертв неудачных операций. В общем, старался как мог.

Следующий раз мы его увидели через три дня. Выглядел он, как будто это ему лично удалили аденоиды и также гланды, аппендицит и почку. На вопрос «как прошло?» он слабым голосом ответил, что все хорошо, что был общий наркоз, операция быстрая, и что вечером уже

были дома. Через час Хаим устал умирать, обрел свой обычный голос, и начал работать. Еще через двадцать минут он забрел в наш кабинет попить кофе и, конечно, добавить подробностей для своих. Вдруг посреди этого бесконечного трепа я слышу:

– Гелена, слушай, а мне в больнице один русский доктор сказал, что у вас в России раньше детям удаляли аденоиды без наркоза. Все-таки у русских врачей странное чувство юмора.

Что тут скажешь?.. Действительно, странное. А разве не странная формулировка, что у детей порог боли значительно выше, чем у взрослого человека, и не надо травить ребенка наркозом?

Вообще, я не очень люблю рассказывать, как было там. Слишком многое трудно объяснить, но тут почему-то захотелось.

Мне было семь лет. К этому времени вся семья окончательно устала от моих гриппов, ангин, гайморитов и ларингоспазмов. О волшебном «венталине» и «моксипене» в Кишиневе восьмидесятых годов не слышали. А посему дышали паром всего, что варилось, лепили горчичники и ставили банки, парили ноги, а все остальное мазали звездочкой. Сопли, выживающие после такой народной медицины, переводились в ранг хронических, и тогда отправляли удалять аденоиды.

Наркоз? Да, не полагался, но за 10 рублей в лапку был шанс получить легкую местную анестезию.

Мои родители деньги дали. И местное светило доктор Харитонов деньги взял. Просто он об этом забыл.

Родители привели меня в клинику в 8:00 утра. Всю дорогу вдохновенно рассказывали наперебой, что каждому из них удаляли аденоиды, и это вообще не больно. Вот гланды – это да... Или вот маме аппендицит удаляли, а наркоз не сработал – это вот тоже неприятно... Или вот

роды... А аденоиды – это тьфу. Короче, только моя врожденная заторможенность и флегматичность помогли мне не сбежать.

Молодая медсестра обняла меня за плечи и завела в кабинет. Родителям было сказано вернуться к двум. Это был обычный кабинет уха-горла-носа, каких я уже видела-перевидела. Я-то ожидала хоть немного торжественности: все-таки операция! Где лампы? Выжаренные халаты? Инструменты? Ничего этого не было. Доктор Харитонов посадил меня в кресло-трон и попросил показать, как сильно я умею сморкаться. А дальше события стали сильно напоминать картину «Механический апельсин». Голову, руки и ноги зафиксировали ремнями. Доктор попросил открыть рот, чтобы посмотреть горлышко. Как только я открыла рот, медсестра заблокировала челюсть. В руках врача появились ножницы с загнутыми концами. Ножницы засунули в рот и ударили. И еще раз. От ужаса я даже кричать не могла. Пока меня отвязывали, медсестра скороговоркой повторяла:

– ...Как, уже-все-все-уже-все-ой-какая-смелая-девочка-ой-какая–молодец... Как, уже-все-все-уже-все-ой-какая-смелая-девочка-ой-какая–молодец...

Потом меня привели в детскую палату, где я должна была лежать и ждать родителей. А если вдруг сильно пойдет кровь, и я не смогу ее остановить, позвать медсестру. В палате я была одна. Точнее, не так. В палате были я и два таракана. Те, кто хоть немного со мной знаком, сразу понимают, что ужас перед тараканами на порядок превышал ужас перед операцией. Но вставать запретили. Так что последующие четыре часа я, замерев, смотрела на стену, где две твари соревновались в скорости и маневренности. А потом пришли родители и стало хорошо.

Кофе закончился. Рабочий день продолжался. Я пошла на очередное совещание. Закрывая дверь, я услышала, как Хаим кому-то говорит:

– Теперь ты понимаешь, почему они вырастают...
ТАКИМИ?

Друзья. Мой Питер Пен

*Все дети, кроме одного-единственного на свете
ребенка, рано или поздно вырастают.*

Джеймс Мэтью Барри. «Питер Пэн»

Это история любви, которая длится двадцать лет. Со всеми компонентами – радостями, проблемами, обидами, претензиями и, конечно, примирениями. Единственный аспект, который за ненадобностью напрочь отсутствовал в наших отношениях, – это романтический. Парой мы никогда не были, да и, слава богу, не стремились быть. И все-таки повторюсь – это история любви. Дело в том, что двадцать лет назад в моей жизни возник Питер Пэн. Причем возник абсолютно стихийно, как и все, что он делает. Сначала были обычные вечерние студенческие посиделки на кухне, с вином, гитарой и затертыми анекдотами. Затем был порыв ветра из открытой двери и посреди кухни возник некто... или нечто. Ботинки модели «говнодавы-2000». Сложное сооружение из лоскутов и веревок, которое прикидывалось джинсами, белая майка, волосы врозь, взгляд одновременно нахальный, отчаянный и грустный. Арлекин с глазами Пьеро. Театр «дель арте» в одном человеке. Молча взял бутерброд и уселся на столе у окна. Самое интересное, что никто из присутствующих никак на его появление не среагировал. Беседа продолжалась, перемежаемая песнями («когда умолкнут все песни...»). В какой-то момент Кузя (Ах да, Гельчик, познакомься: это Кузя. Вообще, он – Саша, но

лучше Кузя) решил культурно поучаствовать и спеть. Он, кстати, неплохо играл и пел. Играл обычно две песни: в хорошем настрое пел «Рыбу без трусов» Сплина, в плохом – «Время колокольчиков» Башлачева. Интересно, что обе песни исполнял как-то жестко, рвано, зачастую показывая абсолютно другой смысл песни.

Исчез он так же неожиданно, как и появился. Отправился со всей компанией меня провожать, и вдруг пропал в кустах у моего дома. А где же Кузя? Только что был здесь... Ну и что, что был? Это же Кузя... Может, чье-то окно было открыто, вот и зашел пообщаться. Ну и бог с ним. В этот вечер мои мысли крутились вокруг другого сероглазого мальчика в вельветовой куртке, которого все звали Сэп. Мои старания понравиться не прошли даром, телефон мой он взял, а остальное, как говорится, – история...

В 3:00 ночи раздался бодрый стук в дверь. Я так удивилась, что забыла испугаться и открыла. В проеме двери, нежно подпирая дверной косяк, стоял пьяный вдрызг Кузя и улыбался:

– Девушка, чаем не напоите? – Расстегнутая ширинка довершала образ.

Я проямлила что-то про то, что незнакомых мужиков по ночам чаем не пою, в ужасе представляя, что сейчас будет: пьяный, сейчас начнет приставать, настаивать.... Но Кузя широко улыбнулся и сказал:

– Да не вопрос. Никаких проблем, спокойной ночи, девушка.

И ушел. А я еще час сидела и ржала над абсурдностью ситуации. Так мы подружились. Виделись почти ежедневно. Многие мировые проблемы решались на этих встречах. Параллельно мы начали встречаться с Сережей (да, да, у Сэпа оказалось человеческое имя), и Кузя с завидным постоянством умудрялся появляться везде, где мы пытались уединиться, а появившись, искренне удивлялся:

– Да что же такое, куда ни пойду – опять они целуются!

А еще обладал прямо звериным чутьем на свежеприготовленный обед. А еще умел выслушать и успокоить (в процессе матеря и по-детски возмущаясь и вздыхая).

Однажды я вернулась уставшая и злая. День выдался сумбурный, дурацкий – когда миллион мелких гадостей случаются одновременно и вечером ощущаешь жуткую усталость, но не можешь уснуть. И вдруг раздался тихий стук со стороны окна. В окне стоял Питер Пэн. Ботинки-говнодавы в третьей позиции, драные шорты, широкая улыбка и глаза-грустные, отчаянные... Таким он для меня и остался по сей день. Мы дружили, ссорились, скандалили, прекращали общаться навсегда и снова дружили. За годы многое сбылось. Я вышла замуж за сероглазого мальчика, закончилась наша учеба, родились наши дети. Общаться с Кузей стали реже, урывками. Неизменно одно: любой разговор по телефону, даже если раз в два года, начинается с интонации людей, которые виделись вчера.

Как-то я поехала в Хайфский зоопарк с Шарон, которой на тот момент было пять лет. По дороге позвонила Кузе, предложила встретиться. Шарон подозрительно уточнила:

– Мам, а Кузя это кто?

– Мой друг.

– Кузя – как домовенок?

– Вообще, он доктор Александр Шлейфман. Но тебе на правах моей дочери можно звать его Кузей.

– Чудно! – успокоилась Шарон.

Всю прогулку по зоопарку она просидела у него на шее, а по дороге домой сказала:

– Мама... а Кузя... он какой-то невзрослый... прикольный такой...

Ну да, он же не взрослеет... и появляется всегда как-то стихийно... Как и все, что он делает.

Овраг. Этюд на двоих

<Он и она. Лежат в неестественных позах. Он – в отключке. Она тихо стонет.>

Она: Эй... Эй... Помогите! Есть здесь кто-нибудь? Вытащите на-а-а-ас! Кто-нибудь!...

Он: Не ори...Что, не наоралась? Лес возле скоростной трассы. Кто здесь может быть кроме шакалов? Тем более ночью.

Она: Сволочь, гад, так ты живой? Что ж ты мне не отвечаешь? Я же звала. Звала... сука... монетками кидала... – лежит кулем не реагирует. Труп трупом. Ты и тут решил меня игнорировать?

Он: Да не ори ты, пожалуйста. Я, кажется, отключился. Помню: машину повело, я в руль вцепился, а дальше – чернота. А потом твои вопли. Слушай, а чем я придавлен?

Она: Кто придавлен? Ты что, издеваешься, что ли? Это меня придавило, и дверь заклинило. Отдохнул? Вытащи меня наконец. Сделай хоть что-нибудь.

Он: Сейчас, сейчас... странно... ощущение, что на мне плита... Не чувствую ничего... И голова не поворачивается.

Она: Ну, надо же... Как на других баб на улице пялиться – так все поворачивалось, а как мне помочь... гад ты.

Он: Дура. Я, кажется, позвоночник сломал! Я тебе говорю: не чувствую ничего!

Она: Ты чего-о? Ты что, правда?

Он: Это что же я теперь?.. Как же я?.. *<Срывается на крик>* Это все ты!

Она: Что я? Я нас опрокинула в овраг?

Он: Ты, ты, ты! Всю жизнь мне искалечила, а под конец убить решила. Сдохнуть вместе. А не получилось. Вот теперь будешь с калеккой маяться.

Она: Ты сдурел? Ты же за рулем был! При чем здесь я?

Он: Ты всегда-а-а причем ...Если бы ты не орала, не устраивала этих долбанных истерик... Сколько раз я тебе говорил: не дергай меня за рулем! Но ты же никого не слышишь, тебя прет! <Тихонько скулит.>

Она: Это же неправда... Ты не можешь мне такое говорить... Просто у тебя шок. Да это просто шок. Сейчас ты успокоишься, и все пройдет... Я же вижу: ты цел. Даже осколками не сильно порезало. Просто ты испугался, да? Я читала, что так бывает... Надо сделать три глубоких вдоха и длинный выдох. И тогда приходишь в себя. Ну давай: раз-два-три – И...? Эй... ты меня слышишь? Опять отключился... может, оно и к лучшему... Черт, больно как... Надо дышать... выравнять дыхание... обеспечивать мозг кислородом... на хрена, правда, не ясно... Все равно через несколько часов кислород не понадобится... замерзнем... или волки... или заражение...

А главное, не страшно совсем. Почему? Должно же быть страшно.

Наверное, это потому, что он спит. И ему не страшно. Он спокоен. А значит, и я с ним. Я всегда с ним... А может, просто страшнее, чем то, что он сказал, и быть не может? Эй вы... или ты... в общем, вы наверху... Я не знаю, как к вам обращаться, только знайте, что если вы решили так нас за что-то наказать, то это – неправильно! Я не согласна! Мы никому ничего плохого не сделали!

И то, что он говорил, что все из-за меня, и что я хотела... не верьте! Вот он очнется и сам скажет. Это он от шока... кислород в мозг не поступил...

Я его люблю. И он меня любит. А то, что я скандалю... знаю, что нельзя... а не получается... Просто он красивый. Ужасно. Ему девушки улыбаются. Везде. На работе, на улице, в магазине... даже в поликлинике. И он им улыбается... а я не хочу... я хочу, чтоб только мне... А потом смотрю на себя в зеркало и вижу... кому тут улыбаться? Вот я и кричу... а вдруг услышит?

Только за такое в овраг умирать не бросают! Это нечестно, понял? Давай так. Будем считать, что я свои выводы сделала. Я сейчас глаза закрою и усну. А ты сам разберись. По справедливости. Чтоб стыдно не было. <Замолкает, закрывает глаза, держит его за руку. Темнота... >

>В темноте раздается голос<:

Он: Рита... Риточка... Ритуля... Эй, спящая красавица... привет.

<Светлеет. Она на больничной койке. Он сидит рядом, держит ее за руку.>

Она: Это чего? Где я?

Он: В больнице. Лежи спокойно: у тебя сотрясение. Мы от Мининых возвращались, помнишь? Гололед... ну, машину и повело. Врезались в дерево. Там ты и отключилась. А там место такое – мобильный еле ловит. Пока меня услышали да приехали, думал с ума сойду. Тебя деревом придавило. Дверь заклинило... короче, весело... правда, пока они приехали, я уже тебя вытащил. Пытался искусственное дыхание тебе делать... как ты учила, на раз-два-три... А ты лежишь труп трупом. Верить, даже обматерить пытался... а вдруг среагируешь. А ты ни в какую. А потом сказали, что у тебя шок. И сотрясение сильное.

Она: А ты?

Он: В порядке. Причем, в полном. Даже осколками не задело.

Она: Повезло.

Он: И не говори. Тут, пока ты спала, привезли одного...

С виду целый... только не чувствует ничего. С велосипеда упал и сломал позвоночник. Жаль его, молодой еще мужик. В общем, слава богу, будем считать, что нас пронесло. Девушка, милая, можно вас? Жена моя проснулась, можно ей врача позвать?

Она: Не смей!

Он: Что «не смей»?

Она: Улыбаться ей так... Тоже мне, милая...

Он: Маргарита Сергеевна, я от вас балдею... Даже тут вы успеваете ревновать и скандалить... Свыкнитесь уже с простой истиной. Ваш муж любит исключительно вас. Поняла, балда? Счастье ты мое скандальное.

<Обнимает, прижимает к себе, целует.>

Кстати, ты когда спала, с кем-то разговаривала... Говорила, что так нечестно и еще что-то... С кем это?

Она <показывает пальцем наверх>: С ним.

Он: Молилась, что ли?

Она: Договаривалась.

Маца, оливье и карантин

Сегодня 8 апреля 2020. Впервые за последние семь лет мне не понадобится раздвигать праздничный стол. Не нужно договариваться, кто несет холодец, кто – фаршированную рыбу, и чьи мацовые булочки вкуснее. Просто я и еще 8 миллионов израильтян будем сидеть сегодня по домам. Потому как в мире карантин. А у евреев Песах. Так совпало. Две недели назад я, как и все вокруг, с азартом начала закупать продукты на случай то ли большого праздника, то ли ядерной войны. Нет, я не скупала туалетную бумагу и тушенку в промышленных количествах, но старалась, чтобы

в доме был двухнедельный запас всего. Так что на момент седера холодильник и бар были забиты под завязку. И тут обнаружилось, что в погоне за ничем не забыть я забыла – МАЦУ.

А далее прозвучало...

Сережа: – Я так и знал. (3 раза).

Дети: – Мама, можно кусочек мацы? (10 раз в течение часа).

Продуктовые магазины : – Нет, геверет, мацы нет и не предвидится. (Не помню сколько раз).

Я человек не религиозный, кашрут не соблюдаю, и, вообще, обычно в песах у меня маца вполне может соседствовать с хлебом в холодильнике, равно как сыр и колбаса. Праздники для меня, как правило, повод встретиться с близкими. Ну и вкусно поесть. А традиционные блюда каждого праздника – это такие, скажем, завершающие штрихи. Арабески. Красиво, но не обязательно. Это в обычный день. А сегодня... Сегодня в моем карантинном сознании четко сложилось, что ежели на праздничном столе не будет мацы, то праздник испорчен, все разносолы могут идти в мусор, а хозяйка из меня – как из говна пуля.

Пока я строгала оливье, зажав ухом телефон в попытке найти мацу, дети нашли старый альбом с фотографиями. Слышу обсуждают:

– А это папа в армии. Видишь какой красивый?

– Вижу... А мама тоже была в армии?

– Была... Только это... Давно.

Да уж, действительно, давно... очень. Смахивая в тазик зеленый горошек, я вспомнила, что когда-то в армии уже была в ситуации, очень похожей на сегодняшнюю. Был конец декабря 1999 года. Весь мир ждал грандиозного Миллениума. Елки, игрушки, гирлянды продавались на каждом углу – явление новое, ибо до того израильтяне с

большим подозрением относились к такому понятию как Новый год (невнятный гойский праздник). На всякий случай называли Сильвестр. Но Миллениум зацепил всех. И праздновать готовились все. Особенно выходцы из СССР. Особенно в возрасте от 16 до 25. Буквально все русские дискотеки, клубы, рестораны, бары и кафешки обещали супер-веселье, мегапрограммы и полный отрыв. Разумеется, все это не могло пройти мимо меня, за два месяца до было куплено обалдеть какое платье и бомбические шпильки, а за месяц был заказан билет на дискотеку «Арбат» и подарки всем, всем, всем. А 25 декабря наш местный князек, то бишь ротный офицер, с тихим удовольствием зачитывал список тех, кто удостоился великой чести (в отличие от него), охранять границы родины на время этого... как его... Миллениума. Из ста человек чести удостоились двадцать, к слову сказать, все русские. На нашем объекте нас осталось три.

Когда тебе девятнадцать, любое разрушение твоих планов кажется катастрофой. Когда тебе девятнадцать и тебя в Миллениум оставляют охранять дыру на севере иорданской долины, это та ситуация, в которой слова кончаются.

31 декабря, отревевшись в телефон, мы начали смену. Подошло время ужина. А надо сказать, что в силу того, что база была маленькая, то повар нам не полагался. Два раза в неделю нам привозили продукты, а готовили мы сами. Решено было из имеющихся продуктов соорудить праздничный ужин. А как известно, основополагающее блюдо на новогоднем столе для всех рожденных в СССР и их потомков – это ОЛИВЬЕ. Для всех – вне зависимости от возраста, степени религиозности, политических взглядов и сексуальной ориентации. У оливье много вариантов. Кто-то готовит с колбасой, кто-то с зеленым луком. С яблоком, с креветками, с горчицей, даже с кукурузой. Но!... Каркас из

картошки, яиц, соленых огурцов и майонеза неизменен. А в армии майонеза не было. Совсем. Мы втроем смотрели на тазик нарезанных овощей и понимали, что последний шанс отпраздновать по-человечески, потерян. И вдруг ожило радио, которое молчало последних два дня. Ожило оно голосом Валентины Толкуновой: «...Кабы не было зимы в городах и селах...». И как будто что-то щелкнуло. Мы начали танцевать... Весело... До одури. Выплясывая, вытаскивали продукты и быстро накрывали стол. Вспомнили, что майонез можно приготовить из яиц, горчицы и масла (сальмонеллез не страшен), что тресковая печень с творогом заменяется тунцом с котеджем, а шницеля с сыром вполне заменяют мясо по-французки. А шабатнее вино (красящая рот гадость с диким количеством сахара) выполняло роль шампанского. «...Никогда б не знали мы этих дней веселых...» – надрывалась Толкунова. А мы танцевали. Три девочки, забытых на пустой и тихой иорданской границе. Под утро к нам приехал наш русский техник, который, отгуляв на дискотеке, не придумал ничего умнее, как притащить своих пьяных друзей из Хайфы к нам. И был настоящий праздник. Мы пили и орали песни. А потом увидели рассвет. Мы были первые в стране, кто увидел солнце нового тысячелетия. Сидели молча в обнимку с незнакомыми людьми. И были счастливы.

Я вытащила пачку муки и размешала с яйцами и водой. В конце концов в пустыне не было мацовой муки. Значит, в этом году маца будет некошерной. Но седер будет седером.

Игра

А ведь начиналось все вполне мирно. Бабуля достала где-то два десятка яиц, а это обещало утро полное счастья – омлет, блинчики, сырники, оладушки... с колбасой, со сметаной, с вареньем... Да, бабуля умела радовать....

Я, к тому времени уже взрослая сложившаяся личность полутора лет, неторопливо прогуливалась по квартире, держась за стенки. С бабулей у нас была полная гармония и взаимопонимание. Она любила готовить, а я любила есть. Последнее с годами не изменилось, но стало вредно. Да и бабуля готовит все меньше и меньше.

Так вот, мой вояж застопорился на кухне, куда я пришлепала в надежде получить вкусность или на худой конец спереть. А на столе ничего вкусного не было. На столе ничего не было, кроме кулечка с кучей красивых белых шариков. Новая игрушка, но, наверное, не для меня.

Вон как далеко положили – не дотянуться. Рассуждала я недолго. Шанс упускать было нельзя. Изю всех сил подтянувшись, держась за стол, я ухватила кулечек и дернула.

С третьей попытки кулечек стал моим. На радостях я отпустила стол и шлепнулась на пол вместе с кулечком. И тут выяснилось... Шарик оказался бракованный. Они побились, и из них текла сопливая желтая гадость. Было очень обидно. Столько усилий – и для чего?

В этот момент в кухне нарисовалась бабуля. А еще через секунду бабулин крик слышали все пять этажей по улице Зелинского, 34/5.

Бабуля вопила. Причем я заметила, что с каждым ударом кулька об пол, бабуля брала на пол октавы выше. Игра стала увлекательной.

Я била яйца об пол, ускоряя темп, а бабуля солировала. Жаль, все быстро закончилось. Яиц было всего

20. Из кухни меня изгнали и стали запира́ть дверь. Правда, недолго. Воспитывать меня еще было рано, и в то время меня просто сильно любили. Все. Особенно бабуля.

Сейчас мне сорок. И до сих пор, когда я вижу лоток яиц, мне хочется собрать их в кулечек и жакнуть об пол. И услышать бабулину увертюру.

Цыплята уходили на войну

Много ли надо для счастья? Ответьте мне, много ли надо для счастья, когда тебе восемнадцать лет? А точнее, когда тебе восемнадцать, школа окончена, будущее далеко, а в настоящем на тебе грязно-зеленая форма, под кроватью автомат, и рабочая смена по защите родины длится с четырех часов дня до восьми утра?

Мой ответ – для счастья много не надо. Надо, чтоб никогда не кончались кофе и сигареты, чтоб сменщица вернулась вовремя, и тогда можно выспаться, чтоб по дороге домой нашлась добрая душа, которая отвезет тебя до гражданской остановки, а в автобусе Тверия–Иерусалим тебе нашлось бы сидячее место – хотя бы на ступеньках, и чтобы пока ты дома, в сутках было по 28 часов. И ради бога – никаких учений, комиссий и визитов больших чинов.

А поначалу все казалось сложнее. «Моя армия» началась для меня в 1998 году. Мне повезло. Первое распределение после курса, где мне подробно объяснили, что на мне исключительно держится вся безопасность государственной границы, оказалось не на армейской базе, а в красивом кибуце на границе с Иорданией. Место тихое, вокруг – яблочные плантации и клумбы с розами. И девочки милые. Через два дня милые девочки отправили меня в полной амуниции охранять антенну. А точнее, в броннике, с автоматом и в каске лезть на 6-метровую вышку, где

находится антенна, и охранять, не дай бог украдут. Короче, проверка на вшивость удалась на славу. До сих пор помню ужас в глазах нашего офицера, который заехал познакомиться с новенькой и обнаружил меня красивую наверху. Для полноты картины мне не хватало собаки. Само собой, что при разборе инцидента все брали все на себя и клялись, что произошла ошибка, и что все выводы уже сделали. Само собой, что как только офицерский джипик исчез, последовала дамская драка с выдираньем волос и выцарапыванием глаз. Короче, через час мы подружились.

Местное население также дало о себе знать. Как оказалось, большинство местных жителей не сильно приветствовало тот факт, что армия обосновала свой объект на территории кибуца. Сначала нам дружелюбно предлагали свалить. Мы дружелюбно отвечали, что не имеем такой возможности. В результате периодически нам подкидывали в окна всякие няшки типа тараканов, и пауков. Пару раз были скорпионы. Один раз под дверь подкинули змею, как оказалось – не ядовитую, но впечатление было сильным. В конце концов после поимки с нашей помощью на одной из плантаций воров, аборигены успокоились. Некоторые стали заходить к нам в гости. Иногда приносили угощение.

А еще к нам приходил Офер. С первого взгляда он производил впечатление местного дурачка. Много и не всегда связно говорил, постоянно нервно посмеивался и требовал сладкого и всегда, даже в самую сильную жару носил футболки с длинными рукавами. Даже будучи в шортах и шлепанцах. Жаловался, что рукам холодно. Я как-то спросила, как же, мол, ногам нормально, а рукам холодно. Он смущенно захихикал:

– Так в руках железяки... вот и холодно. А когда холодно, болит. И некрасиво.

Я сначала не поняла, решила, что это очередной бред. И тогда он очень аккуратно и медленно завернул один рукав.

Вся рука была в мелких темных выступах под кожей... Он был сапером, наш дурачок. Сапером, которому повезло, потому что его руки и слегка съехавшая голова остались при нем. Так ему сказал врач. После восьми операций по извлечению осколков было решено больше его не мучать, поскольку то, что осталось внутри, опасности не представляло.

Однажды он принес альбом с фотографиями. Молодые мама и папа, их свадьба, он маленький, в подгузниках, пускает слюни на бабушку... Среди прочих – фото из детского сада: он и еще восемь таких же в желтых кофточках с желтыми ободками на головках и тетя воспитательница в белой блузке с красным гребешком:

– Это мы на Пурим. Мы цыплята, и мама курочка.

И сразу после – фото этих же цыплят в форме: у каждого своя, ни одной одинаковой. В кибуцах на восточной границе ни у кого не возникало сомнений, надо ли служить. Уезжали и служили. И приезжали по выходным. Через три-четыре года праздновали дембель. Большинство. Офер тоже праздновал. Он вернулся домой навсегда. Так врач сказал.

Последующие полтора года было много всякого. Менялись места (Ливан, Газа, Сирия и снова Иордания), менялись люди вокруг, домик в кибуце сменился на караваны, которые утопали в грязи, где было либо очень холодно, либо очень жарко. В какой-то момент я обнаружила, что я уже командир. И, конечно, везде были мальчики. Приходили к нам во время патрулей – поболтать, погреться, поесть, пообниматься. Разговоры о выходе войск из Ливана были в разгаре, то здесь, то там что-то вспыхивало и взрывалось, было что обсудить. И каждый раз, когда они уходили, я вспоминала фотографию, где улыбался здоровый и красивый Офер и его однокашники.

Цыплята уходили на войну. Веселые, нахальные...

В восемнадцать лет много ли надо для счастья?

Объявление

Домой Рита вернулась за полночь. По привычке тихо повернула ключ, сняла туфли, чтоб не цокать каблуками, и вдруг осознала... вернее, ощутила всеми своими издерганными нервами всю бессмысленность своих действий. Дети уже два дня были у мамы... А Стасик... Стасик тут больше не живет. Интересно, что даже сейчас, после изнурительно долгого паскудного развода она продолжала в мыслях называть его этим детским именем.

Собственно, именно развод она и отмечала сегодня. Шесть лет взаимных претензий подошли к логическому завершению. Бабком в количестве пяти лучших подруг, которые когда-то исполняли роль подружек невесты, сегодня проводили ее в новую жизнь. Пили много. А как иначе? На трезвую голову нельзя доказывать сорокалетней бабе с двумя детьми, что жизнь только начинается, а все, что было – это только генеральная репетиция. Не раздеваясь, Рита завалилась на диван и уснула. Как провалилась в черноту. Ни снов, ни мыслей. Впервые за долгие месяцы. Проснулась она, когда солнце уже слепило ее прямыми лучами.

Голова была на удивление ясная. Душ, кофе.... Итак мы начинаем.

План по созданию новой себя хоть и был составлен не вполне трезвыми дамами, был вполне тривиален и логичен: выспаться (исполнено), навести неземную красоту, съездить в Париж, найти новую работу, завести новые знакомства (желательно, для начала через Тиндер). Последовательность может варьироваться. Выбор пал на Тиндер. Красоту наведем позже, удачная фотка для странички имеется (акуратно вырезаем мордель с фото пятилетнего юбилея счастливой семейной жизни).

Глубоко вздохнув в предвкушении чего-то нового, Ритка включила Тиндер. В течение часа она получила 15 предложений подружиться. Подобного ажиотажа она не ожидала. Правда, ничего, кроме приступа хохота, это не вызвало. Учитывая, что все предлагавшие находились в радиусе полутора километров, можно было предположить, что город посетил цирк уродов. Отказала всем, стерла свою страничку и перешла к следующему пункту – Париж.

500 долларов полет, еще 500 гостиница, плюс поесть, плюс шоппинг, развлечения... Нда, накладненько. Почему-то в книгах и в фильмах, где героиня уезжает лечить душу за моря, этот аспект не освещается. А жаль. Это, конечно, серьезный стимул перейти к параграфу поиска новой более высокооплачиваемой работы, но не сегодня. Значит, остается красота: маникюр, массаж, стрижка и прочие мелкие, но доступные радости. Рита пошла на кухню – на холодильнике должен быть магнетик салона красоты, который ей недавно расхваливали на работе. По дороге взгляд упал на мисочку Барсика, пустую и девственно чистую. Черт! Значит, она вчера перед походом в суд, посуду вымыла, а еду насыпать забыла, и несчастное животное осталось голодным... Где он, кстати?

– Барсик, солнышко, иди кушать!

Обычно на этот призыв реагировали со сверхзвуковой скоростью. А тут ответа не последовало.

– Ба-а-арсик!

Кот молчал. И тут она вдруг сообразила, что не видела его еще со вчера, когда вернулась домой. А ведь Барсик всегда засыпал вместе с ней. Еще будучи котенком, когда бы и в каком бы состоянии она не возвращалась домой, маленький клубок меха честно ждал возле ее подушки. Где он?! Первая мысль была, что Стасик прихватил его с собой. Просто из пакости. Сволочь. Она набрала номер, ответила свекровь.

– Светлана Алексеевна, Барсик у вас?

– Кто??? Барсик? Нет он не у нас. У нас всего лишь твой бывший муж" – вдохновенно выдала свекровь. – Но вообще, Маргарита, я бы на твоём месте крепко задумалась, что с тобой не так, если от тебя даже коты сбегают.

– Да-да, спасибо, я учту, – на автомате выдала Рита.

Куда он все таки делся? Единственное живое существо в доме, которое любило ее просто так.

– Ба-а-р-сик!!!

Ритка вылетела на улицу, истошно вопя и вызывая кота. Через час безрезультатных поисков, хватания за рукав всех проходящих детей и соседей Рита вернулась домой. В мозгу отбойным молотком стучало: что делать?!...как жить?! Сознание подкинуло картинку: клочок бумаги на входной двери: «Пропала собака... зовут Куся, эрдельтерьер... нашедшему благодарность...». – Точно! Объявление! Через десять минут объявление было готово:

– Пропал кот Барсик. Пушистый, серого цвета с белым ухом и белыми передними лапами. Нашедшего просьба позвонить по номеру...

Распечатав десять копий, Рита выползла во двор. Расклеила по подъездам и на площадке и вернулась домой ждать. Само собой, ни о каком походе куда-либо теперь речи не шло. В голове чередовались жуткие картинки, где Барсика атаквали все возможные опасности. Самые оптимистичные варианты заканчивались легкими увечьями.

Так она и просидела до вечера в пустой квартире, сжирая себя за эгоизм и невнимательность. Около шести раздался звонок в дверь. За дверью оказался сосед Юра, двухметровый бугай с детским лицом, который к тридцати пяти годам не научился ни внятно изъясняться, ни жить самостоятельно, поэтому продолжал жить вместе с родителями. Ритке он симпатизировал с детства, но боялся ее. Поэтому его появление было несколько неожиданным.

– Рит, слушай... Я седня на балконе хлам разбирал, ну там знаешь, велосипеды старые, шкаф с инструментами... руку, значит, засунул, а он как вцепится!

– Кто вцепился, Юр?

– Зверь! Думал, порвет меня! Забаррикадировался гад и шипит. А мне же шкаф убрать надо. Может, сходишь поможешь?

– Не, Юр, я не специалист договариваться со зверями. Тем более, если он тебя не испугался, то меня, судя по всему, просто сожрет.

– Не, ну нормально? Ее кот кипиш устроил, а она его забирать не хочет.

– Так Барсик у тебя?! Юрик, какой же ты все-таки придурок" – Рита вlepила ему в щеку щедрый поцелуй от всей души. Юрик, которого до сих пор кроме мамы и папы никто просто так не целовал, потерялся напрочь. Он менял цвета один за другим. Хорошо, Рита этого уже не видела. Она летела вниз босиком, минуя ступеньки. Выбежала на балкон, который действительно был на редкость захлаплен. В углу стоял шкаф. Из шкафа доносился клекот закипевшего радиатора.

– Барсик, солнышко...

Клекот затих. Через секунду он вышел. Помятый, пришибленный, но не побежденный. Очевидно, он свалился с балкона и попал к Юрке. Не разобравшись в ситуации, занял оборонительную позицию. Фыркнув еще раз на Юрика, он сменил тональность и с нежностью прижался к Рите. Ну, слава богу! Можно жить дальше.

А около десяти опять раздался звонок в дверь. На пороге стоял парень. Нет, не мужчина, не мужик, а именно парень – в синей майке и дранных джинсах. В руках он держал... кота. Очень похож на Барсика, только другое ухо белое.

– Добрый вечер. Это же Вы кота искали?

– Извините, – улыбнулась Рита, – я уже нашла своего паршивца. Он к соседям с балкона упал.

– Вот блин, не везет так не везет, – вздохнул он. – Я же месяц уже за вами наблюдаю. Знаю, что вы разводитесь... Знаю, что муж ваш съехал. Видел его с чемоданом... Вы понимаете, вы мне очень нравитесь, но как к вам подойти, чтоб не выглядеть дебилом, я не знал... А тут такая удача: вижу, вы объявления расклеиваете про кота. И я решил, что это шанс. Я объездил четыре зоомагазина, два приюта и облазил кучу площадок, пока не нашел его. Точно по описанию. И вот я здесь... с котом... дебил дебилом.

– Да уж... – засмеялась Рита. – Это, конечно, поступок... Я надеюсь, он хотя бы уличный? Или вы его украли?

– Он с улицы... В парке сидел... Меня, кстати, Димой зовут.

– Ну и слава богу, – сказала Рита, – заходите, Дима. Думаю, как минимум чашку кофе Вы сегодня заслужили.

Она выпьет с ним кофе. Покормит кота. Возможно, даже оставит его себе. Это неважно. А возможно, оставит и Диму. И поедет с ним в Париж.

Волосы

Недавно обнаружила, что у меня появилась седина. Не беда, конечно, но достаточно, чтоб расстроить женщину, которая по ощущению застряла в возрасте двадцать три – двадцать четыре, но никак не больше. Пара седых волос, как выяснилось, заставляет с пристальным вниманием провести полную инспекцию всего, начиная с морщинок и объемов до оценки своего карьерного роста, взаимоотношений в семье, и т. д. Как профессиональный самоед с опытом, я подошла к

вопросу серьезно. Ковырялась в себе недели две. Убедилась, что работа предстоит большая.

Аппликации по определению возраста по фотографии, ультимативно сообщали, что возраст мой варьирует от тридцати пяти до пятидесяти двух, в зависимости от макияжа, освещения, и степени усталости. Но, черт возьми, никак не двадцать три!

Мягкое, ненавязчивое сообщение от учительницы с просьбой обратить внимание на то, что моя дочь два раза за месяц не выполнила домашнее задание, и внезапно опустевший холодильник за два дня до привоза продуктов так же не прибавил оптимизма относительно моих материнских способностей.

Контрольным выстрелом в мозг был разговор с начальством на работе. Вот уже год как в коридоре шушукались о моем назначении начальником отдела, но напрямую эта тема ни разу не поднималась. Срок ухода занимавшего эту должность динозавра наступал через пару месяцев, и я решила спросить о планах начальства: кто будет руководить отделом. Ответ был замечательным:

– А ты что, волнуешься? Группа без руководителя не останется.

И понимай как знаешь. Да и уточняющие вопросы здесь не уместны.

Окончательно пришибленная я сидела на балконе и думала, с чего начать работу над ошибками. Ответ лежал на поверхности. Раз все началось с волос, значит ими и займемся.

Мастер по преобразению, и по совместительству моя близкая подруга, Нинок усадила меня в кресло, повязала, как

буйнопомешанную, в простыню и строго поинтересовалась, в какой цвет будем краситься на этот раз. Казалось бы, простой вопрос. Но...

Дело в том что, начиная с семнадцати лет, каждый новый жизненный этап или важное событие так или иначе отражались на моих волосах. Так, расставшись в 17 лет с иллюзией первой большой любви, я укоротила прическу почти до мужского офисного стандарта и порадовала родных ядреным выжженным блондом. Бабуля охала и ругалась. Мама старалась быть демократичной. Папа притворился слепым.

Качественный набор белков и витаминов плюс возможности растущего организма сделали свое, и достаточно быстро моя грива вернулась к прежнему состоянию.

Дальше грянула армия. Новые люди, новые стандарты. Оказалось, что волнистые пушащиеся пряди это почти неприлично. У несчастной обладательницы такого добра есть только два варианта быть приемлемым членом общества: либо вымазать на голову полбанки формирующего геля и слепить мелкие кудряшки (вид немойтой головы никого не смущал), либо свежевымытые волосы укладывались под утюг – и тогда все, что не сгорело, выглядело волшебно гладко, как на рекламе. Почему, спрашивается, не сходить в парикмахерскую? Ну, во-первых, дорого, а во-вторых, дойти туда можно только пока ты дома. То есть потратить свой драгоценный отпуск. Зачем, когда на базе есть утюг?

А потом была одна из самых тяжелых ночей в моей жизни. Приехав после отпуска на базу, я обнаружила, что все десять человек, которые там находились, валялись по койкам с температурой 40°. Некоторые несли чушь, кого-то

рвало. Оказалось, что в чан с питьевой водой упала мертвая птица, и в результате вся база отравилась. Через час приехал врач. Всех увезли. Наш бригадный офицер, перепуганный насмерть, заикаясь через каждое слово, сказал, что он, конечно, постарается привести кого-то мне помочь на смене, но шансов, дорогая, сама понимаешь... В общем ты, же умница... Оставил мне шесть бутылок воды и уехал. А я осталась. Пограничные радары ночью выключать нельзя. Как назло, ночка выдалась веселой. С нашей стороны проходили учения, в иорданской деревне напротив шла свадьба – с салютами, пальбой, и под утро смена завершилась поимкой двух балбесов, видимо, с той же свадьбы, которые решили прогуляться и потусить с израильтянами. К пяти утра я наконец-то смогла отойти от прибора. Выйдя на воздух, я вдруг ощутила эту жуткую абсолютную тишину. Даже шакалы и кабаны не подавали признаков жизни. Я была абсолютно одна. Базу никто не охранял. А еще я поняла, как устала. За эти несколько часов я отработала смену, которую обычно ведет группа из трех-четырех человек. В эту ночь сформировалось то чувство, которое сопровождает меня и сегодня – абсолютное одиночество при принятии любого важного решения.

Приехав домой, первое, что я сделала, – это перекрасилась в бордовый цвет.

Потом началась учеба, жизнь с Сережей. Любая моя попытка поменять хоть что-либо в моих волосах вызывала такое искреннее расстройство с его стороны, что я оставила на время все как есть. В кои-то веки меня все устраивало.

Дальше пунктиром: Сережина армия – я все время дома одна – отрезала волосы, плюс обесцветила. Родила Шарон: недоразвитый тазобедренный сустав, фиксирующие ремни, бесконечные приступы астмы, стараюсь быть

правильной мамой, вроде получается... Выгляжу плохо, толстею и переживаю, кажется, я не нравлюсь Сереже...

И еще одна ночь. У Шарон температура сорок, ничем не сбивается. Сережа в командировке. Решаю ехать ночью в больницу. Всю дорогу к машине меня сопровождает дикий кабан – не нападает а просто бежит рядом со мной (со мной, которая от тараканов в обморок падает). Под утро возвращаюсь назад со спящим ребенком, у которого уже все хорошо. На последнем светофоре перед домом в мою машину сзади элегантно впиливается мадам на джипе и так же элегантно уезжает. Прихожу домой, отзваниваюсь бабушкам и Сереже и долго реву под душем. Как только Сережа вернулся – перекрасилась в темно-фиолетовый.

Окончена учеба, переезд в Нетанию, первая работа по профессии – много нового, много энергии, наконец-то свой дом – стала рыжей. Родила Наоми (энергетический источник всего дома) – опять астма, стероиды, нервы... Но я кайфую: я хорошая мама! Я очень нравлюсь Сереже! На работу возвращаюсь огненно красной. Работаю много. Пять лет бегом. Хочу перемен. Меняется стиль одежды. Приходит осознание того, что хаотичные кудри хороши в двадцать лет а к сорока выглядят неаккуратно. Прическа становится гладкой, светло каштанового оттенка.

Жизнь вошла в спокойный размеренный ритм. Спокойные небольшие радости, мелкие незначительные неприятности. Как говорится будущее, превратилось в настоящее. И тут эти седые волосы!

– Эй дружок! В какой цвет красимся?

– А знаешь, – давай в мой природный...

Прошел год. Шарон окончила шестой класс с отличием, Наоми первый, и тоже с отличием. Я стала

руководителем проекта. В холодильнике по-прежнему иногда заканчивается еда, но с голоду пока никто не помер. Нинок уже не спрашивает, в какой цвет меня красить. Она знает.

Елена Прудовская. Капля (Фото)

ЛИЯ КОВАЛЕВА

Пианино

*...Как много в звуке этом
Для сердца моего слилось,
Как много в нем отозвалось...*

Мелодии из кинофильма «Цирк», из любимого всеми «Большого вальса», в школьные годы я подбирала мгновенно и с удовольствием, мама очень любила, когда я напевала – слабеньким, но верным голоском. И аккомпанировала себе на пианино. Это была единственная ценная вещь в нашем скромном обиталище, купленная отцом после моего рождения.

Семейное предание – мой отец прекрасно пел, особенно удавались ему вещи Вергинского. И хотел, чтобы его дети не были отгорожены от мира музыки. Чтоб они

существовали в нем – каковы бы ни были их профессии и увлечения.

Мне об этом рассказывали, потому что я потеряла отца трехлетней и почти не помнила его. Но мир музыки, который все больше наполнял наш дом и школьный зал, и мою душу – это было от него. Его гены? А может быть, его душа?

Одесские девочки – мои подружки и я, – любили Одессу, любили море и горячо любили украинские песни с их удивительной мелодичностью и грустной сердечностью, часто пели их на переменах и на школьных вечерах. И, конечно, песни Дунаевского и репертуар любимых певцов – все это было наше. Вечерами подружки и друзья собирались в моей комнате около пианино и пели, и слушали, я подбирала все, что мне «заказывали», сразу, и это было любимое наше занятие...

Но вот прогремел гром.

Все исчезло.

Нет уже ни школы, ни Университета, ни дома... ни пианино. Есть дороги, дороги – как у Новикова, – пыль да туман, холода, тревоги да ночной бурьян.

Дороги, по которым двигались мы, уцелевшие – в том числе и я с мамой, – вели на восток.

Мы были «переселенцы»... Эвакуированные. (Местное население называло нас порой «выковырянные» – Горазд русский народ на меткое словцо – еще Гоголь заметил!)

Последующие четыре года – очень разные, неизменно голодные. Сперва в казахстанских степях – холодные, снежные, буранные. Там я жила с мамой в пзбе, и надо было часто по утрам «откапывать» себя изнутри, чтобы выйти, такие были снежные заносы. А потом в Туркмении – знойные (и все равно голодные), где я вернулась в Одесский Университет, эвакуированный в Байрам-Али... Уже без

мамы, не выдержавшей стрессов... Но я сейчас не об этом. Это тема для другого рассказа, других воспоминаний.

Студенческие годы... И там были невзгоды, лишения, потери...

Но были балалайки, мандолины и даже одна гитара – струнный оркестр. Там я взяла в руки мандолину – и вновь звучал Чайковский.

Музыка была с нами. И надежда была с нами, потому что – молодость!

Но и надежда давала трещины и сбои... Вот час ликования – взяли нашу родную Одессу: праздник, счастье, мы снова будем там! А потом – каждый день в какой-нибудь из комнат раздавались рыдания: приходили вести о погибших родителях, братьях, сестрах, любимых – расстрелянных, убитых в ополчении и в гетто...

И тут уже музыка не спасала. Наш маленький оркестрик умолк...

Молча и в тревоге ждали реэвакуации.

А потом оказалось – да, в Одессу Университет вернется, будет специальный эшелон, но... вернутся не все.

Был такой ректор Савчук, который решил – евреев не брать! Пусть переводятся в другие вузы. В пединституты – в Вознесенске, в Первомайске, – недалеко от Одессы. А уж если приспичит этому упрямому племени обязательно в университет, – пусть переводятся в Ташкент, в Среднеазиатский Университет.

Мне приспичило.

Не вынеся оскорбления, я вышла из эшелона в Ташкенте. Хотя в Одессу хотелось страшно!

В Ташкенте училась и работала.

А через год, уже не одна – с мужем, тоже студентом, раненным на фронте и потому поступившим в САГУ, – отправилась в Ленинград, откуда его забирали в армию...

Там уже заканчивала Университет. Там родила дочку. Там, в нищете, в бедности, начиналась новая – взрослая жизнь.

Счастье семейной жизни, счастье материнства ничто не могло омрачить. А потом начала работать – в школе около дома нашлась вакансия преподавателя литературы, русского языка...

Там, где есть занятия литературой, всегда найдется место для музыки. И музыка вошла к нам. Сперва в школу – там ведь было пианино, и, значит мог быть и был устроен хор.

Хор в мужской школе! Хор для старшеклассников!

Никто после уроков не спешил домой – толпились в зале, пели в хоре с удовольствием даже безголосые мальчишки. А я аккомпанировала, вела, подбирала репертуар и даже иной раз, расхрабрившись, дирижировала – если находился другой аккомпаниатор на смену...

А потом так захотелось впустить музыку в дом! И на семейном совете решено было взять напрокат пианино.

В те времена, при наших доходах, это было героическое решение.

Так появилось второе пианино в моей жизни.

Жизнь пианино зависит от того, как его используют.

В сущности, я училась в детстве очень недолго – и учителя были средние. Поэтому уже взрослым человеком начала учиться играть. На учителей денег не было. Значит, надо было самой.

Не знаю, как это произошло, но за несколько лет я накопила репертуар, по качеству – превосходный, по трудности, по технике – сильно превосходивший мои изначальные возможности, А главное – почти параллельно, по предложению и с согласия моей дорогой свекрови, я стала заниматься в вокальном кружке Дома Ученых (при Политехническом институте). Сперва не верила, что

получится что-нибудь, через несколько лет – участвовала в небольших концертах. Оказалось, что у меня лирическое сопрано, Небольшое, приятное, камерное, и – как сказала одна преподавательница вокала, – «Она понимает, что поет». Мне это показалось забавным – разве можно не понимать? Можно! Я слышала потом немало вокалистов с прекрасным тембром и большим диапазоном, с высоким музыкальным образованием и лишь с одним недостатком – они не понимали, что поют...

Итак, когда начальство поставило в мой кабинет литературы в школе пианино, оно об этом не пожалело. Я играла своим ребятам Чайковского, пела романсы на стихи поэтов, читавшихся в классе, – а потом звучали и Шопен, и Григ, и Шуберт, и многие другие. Мир поэзии и музыки объединялся в умах учеников, в их душах.

И у многих это осталось и сработало – хочу верить, что у многих. Может быть, не у очень многих... Но кто хотел взять – было где взять...

Я не была создана для школы: не было тех волевых данных, которые заставляют мальчишек и девчонок беспрекословно слушаться учителя. Я была слишком мягкой, и выработать необходимый для учителя характер было очень трудно. Ушло на это лет 8–10. Один мой коллега, как раз обладавший тем качеством, которого мне не хватало, любил говорить: «Не беспокойтесь, первые 10 лет мы работаем на наш авторитет, а всю оставшуюся жизнь он работает на нас».

Так ли это? Наверно, так, при условии, что ведем жизнь творческую, не топчемся на месте... Тогда авторитет не дутый, а истинный.

Итак, возвращаюсь к своему пианино, которое так украсило мою жизнь.

Пришло время, когда я научилась трудному учительскому ремеслу, и мой авторитет стал работать на меня, как предсказывал незабвенный Иосиф Борисович.

Меня пригласили на радио, где я читала рассказы и очерки для ребят, и на телевидение, которое только набирало обороты и где все, что мне казалось нужным и интересным, я могла говорить в живом эфире – без всяких репетиций и проверок...

А пианино продолжало быть активным членом семьи, и то, другое пианино, которое стояло в классе, оставалось моим верным помощником и источником радости ребят.

Верите ли вы в сны!

Я не верю.

И все-таки один вещий сон был: много-много лет назад, на заре моей семейной жизни, когда мы с мужем отправлялись поездом из Ташкента в Ленинград, – я проснулась ночью на нашей третьей полке (верх комфорта для того времени), задыхаясь от слез и твердя: «Как ты мог, как ты мог!»

Мне приснилось, что мой муж вышел из поезда, оставив меня одну. «Ну что ты, ведь я здесь, вот он я», – твердил он, вытирая пальцами мои слезы и крепко прижимая меня к себе...

Прошло много лет.

Нет, совсем немного. Только дочка выросла.

И мы стали немного другими. Но поезд наш плавно катился вперед.

И вдруг – мой спутник вышел из поезда, оставив в нем меня, дочь, мать и котенка Кузю... Поезд продолжал катиться по рельсам нашей жизни. Без него.

А он отправился по другой колее.

Пропускаю несколько лет. Просто вычеркиваю их. Пианино отдали, жили в другой квартире, в другом составе.

Я работала в школе и писала, а потом написала пьесу, и ее поставил Ленинградский ТЮЗ. Она шла успешно, хотя прошла через цензурные рогатки по недоразумению. Вызвала чересчур оживленные дискуссии среди зрителей – молодежи. А это в те времена не поощрялось сверху (говорил же мне режиссер, Корогодский, что у меня неудобная пьеса). И все-таки она шла в нескольких городах кроме Ленинграда года два.

И вдруг получаю совершенно неожиданное предложение – из Москвы, из студии им Горького, – предложение продать им право на экранизацию пьесы. Право, о существовании которого я и не подозревала!

Сделка была совершена.

И киносценарий был сделан – но не пущен в производство! Времена были такие переменчивые!.. Впрочем – «времена не выбирают, в них живут и умирают»...

Получив из Москвы деньги – крупную по тем временам сумму, – я как-то не размышляла о том, на что их пустить, хотя дыр было немало.

Ноги сами понесли меня в музыкальный магазин. И он выполнил на мне, наверное, свой годовой план – ибо покупали тогда дорогие инструменты в рассрочку, а я – к их удивлению, – сразу выплатила всю сумму.

Таким фантастическим образом у меня появился свой собственный инструмент.

Первый отобрала война.

Второй был не мой – мне предстояло с ним проститься, что и произошло.

Так что это был уже третий. Мой. Выбранный, облюбленный...

Но не последний.

Так как рассказ – о пианино, а моя жизнь – аккомпанемент основной мелодии, – пропускаю еще какое-то время...

Покидая любимый город, я встала перед вопросом – могу ли я взять с собой пианино?

Нет, не могу.

Собаку не взять было невозможно.

А пианино – возможно. Оно не страдало.

Страдала я.

И вот мы в Иерусалиме. Золотом Иерусалиме. Взявшем меня в плен сразу. Его благословенный воздух, суровые неяркие пейзажи, горы и низины, и необыкновенной голубизны небо.

Новая жизнь. Надо привыкать!..

Привыкаем. Воздух, напоенный светом и еще чем-то особенным, белизна домов, и люди, главное – люди!...

И вдруг – телефонный звонок от моей бывшей ученицы (их, бывших, здесь оказалось немало, и никакие они не бывшие – по отношению, по душевному теплу): знакомые продают пианино в Тель-Авиве. Недорого. Какое? Не знаю, это вам судить. Приезжайте, посмотрите, заодно увидимся...

И я не устояла. Приезжаю, захожу в комнату хозяев, подхожу к пианино – оно как будто ко мне тянется, как будто узнает... улыбается... Открываю крышку: «Чайка». Беру несколько аккордов... Оно!

Мы узнали друг друга.

Оно тоже не хотело со мною расставаться!

Оно живет теперь у меня. Живет и работает.

Мы с ним разговариваем. Вспоминаем. А порою оно мне напоминает: надо идти дальше, еще столько есть

прекрасного и интересного в мире вообще и в музыкальном мире в частности – объединяй, узнавай, не останавливайся на месте! И я узнаю – порой к своему удивлению, часто – к радости.

Как много чувств, стихов, не нашедших себе адекватного дополнения в мире музыки! Сочиняй, вспоминай. Все, что ляжет на душу, – можно вложить в слова и звуки. Если очень захотеть...

И оно живет с нами, радуя и оживляя мои дни...
А время идет.

Иерусалим. Август. Жара...

Выхожу из дома с Топси, моим любимым другом, который уже 15 лет выводил меня гулять – сперва в Петербурге, а потом тут, в Иерусалиме, – который любил меня и радовал....

Мы спускаемся по ступенькам – и вдруг мой друг потянул...

Не выпуская поводка из рук, я пробегаю за ним четыре ступеньки... Следующие шесть ступенек – пролетаю, уже выпустив из рук поводок.

Приземляюсь.

Лежу на земле. Топси рядом, обеспокоенная, лижет лицо...

Больница.

Два перелома правой руки – локоть и плечо...
Операция.

Месяц в больнице.

Проехали. Я дома.

Рука существует вроде бы отдельно от меня.

Долго и упорно учится подносить пищу ко рту – с помощью «физиотерапистки» Наамы.

Ура! Научилась!

Учится причесываться...

Проходит еще три месяца. Уже могу гулять с другом – только без поводка.

А пианино поглядывает в мою сторону. Неужели не подойдешь?

Подхожу. Сажусь. Рука, уже не стесненная ни гипсом, ни повязкой, ложится на клавиатуру боком. Пытаюсь повернуть ее – страшная боль. Но все же поворачиваю... чуть-чуть...

Проходит три месяца. Я уже играю. Доктор говорит – скажите спасибо не только медицине, но и своему пианино за то, что возвращает подвижность вашей руке...

– И Нааме! – напоминаю я.

– О да! И Нааме!

Наама делает массаж мне. Топси смотрит на нас и улыбается. Это не метафора: она умела улыбаться, моя Топси...

А пианино сейчас спокойно. Мы с ним каждый день общаемся, вернули все, что было, и кое-что добавили: две мазурки – одну Шопена, другую Хачатуряна, – очаровательный вальс Ребикова «Елка» и еще кое-что...

А Топси с нами уже нет. Она покинула нас. И мы тоскуем. Я тоскую.

Я верю, что встречу с нею в «неведомых просторах», где она ждет меня...

Свобода на несколько минут

– Вагон цельнометаллический и со всеми удобствами,
– констатировал мой муж, любивший все солидное и

добротное. – Ты и не заметишь, как доедешь. Только отдыхай на полную катушку! Мы с Лялькой не хотим видеть тебя такой разобранной на составные части. Верно я говорю, Лялька?

Лялька кивает и снова хлюпает. Я вытираю ей нос и глаза своим платком. Все утро она держалась, чтобы не заплакать. Но здесь, в вагоне...

– Дурачок, ведь ненадолго! – снова уговариваю я. – Ты будешь по календару отмечать дни, как мы условились. И писать мне. А какие красивые открытки я тебе буду посылать! Каждый день по открытке!

И вот они на перроне, а я – в вагоне. Я смотрю в окно и улыбаюсь изо всех сил. А Лялька с ужасом смотрит вперед, туда, где паровоз...

Поезд трогается. Когда Лялька со сморщенным, плачущим личиком, обращенным ко мне, побежала за вагоном, мне захотелось вышвырнуть свой чемодан и выпрыгнуть из вагона – ну вас к лешему с вашими путевками, никуда я не поеду!

Но я продолжала махать платком, пока не скрылась из виду фигура мужа, прижимающего к себе плачущую Ляльку. Ничего себе проводы! Будто на тот свет провожают, а не на курорт! Впрочем, скоро я перестала злиться, сердце застучало ровней в такт убаюкивающему постукиванию вагона, и постепенно на меня сошла благодать: я одна. Я свободна!

Никаких обязанностей!

Впервые за десять лет я предоставлена сама себе, и судьба моя катится мягко и вольно по этим рельсам, катится-катится к морю, к солнцу, к кипарисам – на юг.

Вечером я играла в домино со своими попутчиками и ровно ни о чем не думала.

Прошел день и начался другой. Поезд катился на юг, а с ним плавно разматывалась лента моей судьбы. На юг, на

юг, на юг... А что там ждет, на юге? Море. Синее, большущее море. Не море моего детства, а совсем другое – море моего отдыха...

Менее яркое, менее таинственное, менее волшебное...

Нейтральное море. Ко мне не имеющее никакого отношения. А когда-то...

Впрочем – это тоже утомляет. Не нужно воспоминаний. Я заснула... и проснулась, как от толчка: что-то НУЖНО было делать. Немедленно!

Поезд стоял. Я спросила – какая это станция. Мне ответили. И вдруг я вскочила. Я торопливо оделась, уложила вещи, схватила плащ... И в тот самый момент, когда мои соседи, беспечно гулявшие по перрону, стали возвращаться в вагон, я выпрыгнула из него.

Выпрыгнула и побежала, как будто кто-то за мной гнался...

Паровоз просвистел мне прощальную (или доброе напутствие?) – и поезд отошел.

А я осталась. Накрепко осталась – со своим чемоданом, со своей путевкой в санаторий, со своими воспоминаниями и с диким, взбалмошным, безумным решением. Я осталась здесь – на пыльной дороге, поросшей по краям бурьяном и полевыми цветами, со степным ее запахом и редкими домишками. Надо было выработать план действий – его у меня не было, когда я так поспешно покинула вагон. Был только страх пропустить этот единственный город, единственный случай, бежавший мне навстречу...

Я села на чемодан и попыталась посмотреть на себя со стороны. Хорошо же я выглядела сейчас! Мои ничего не знают. Радуются за меня. Муж на вопросы, куда я девалась, отвечает важно – я отправил ее на курорт. Она извелась, устала. С дочкой я справлюсь и сам...

Видел бы ты меня сейчас, сидящую на чемодане на обочине пыльной дороги и боящуюся даже в мыслях дойти до главного, – ты сказал бы: я тебя не узнаю! Это не ты!

Десять лет я была «собой».

Всеми моими движениями руководило одно чувство – должна. Я должна, должна, должна...

Это называлось «быть собой».

Довольно! Теперь я ничего не должна. Я могу позволить себе короткую передышку перед новой обязанностью – отдыхом у моря.

Я встаю, отряхиваю плащ, беру чемодан и возвращаюсь к станции. Я сдам чемодан в камеру хранения. Потом пойду в парикмахерскую. Потом поем где-нибудь... а потом сделаю то, что хочу и могу.

Я иду по улицам города, который был когда-то моим родным городом. Я их узнаю, хотя они и переменились. А вы узнаете меня, улицы? Узнаете, дома? Прохожие скользят по мне неузнающими взглядами...

Когда-то я не могла пройти и одного квартала, чтобы не встретить знакомых. Теперь я обращаю на себя внимание только тем, что я – чужачка. Залетная птица! По сравнению с местными яркими, смуглыми женщинами я, наверное, выгляжу болезненной, а может быть, изнеженной. Я иначе одета, иначе причесана, у меня другой взгляд, другая походка. Чужачка! Это видно каждому.

Я иду легким, пружинистым шагом. Это потому, что на мне новые чешские туфли.

А может быть, потому, что я женщина.

Сейчас я увижу его квартиру, его жену, его дочку. Нет! Заранее готовлю себя к разочарованию: это разумнее, чем готовить себя к чуду. (А я разумна!)

Сейчас я увижу дверь на замке: счастливая семья уехала отдыхать в места, расположенные на один градус южнее. Южане тоже любят уезжать на юг!

Нахожу дом. Он стал меньше. Он изменил физиономию. Он смотрел на меня по-разному, этот дом: сначала подозрительно, потом – снисходительно, под конец – почти приветливо. Это был приземистый двухэтажный дом с нелепыми крошечными балкончиками. За эти годы он переменил цвет – из грязножелтого стал грязнорозовым, – и заметно постарел... И смотрит он на меня сейчас неодобрительно и неузнающе...

Я поднимаюсь на второй этаж. Знакомая дверь. Долгая минута у звонка: она растягивается, как резина. Еще ничего не решено! Еще можно все переиграть...

Нажимаю пуговку звонка. Шаги. Дверь открывается.

– Принимаю гостью, – говорю я чужим голосом...

Секунда неузнавания. Потом растерянная улыбка.

– Я сегодня видел тебя во сне, – говорит он медленно.

Я прохожу в комнату, за мной захлопывается дверь, он идет за мной, я поворачиваюсь, и... десять лет труда, нежности, строительства, муравьиных забот и усердия, десять лет ежедневных ранних вставаний – все скрылось за опустившимся занавесом...

Мне снова двадцать два.

Снова я в этой комнате, и он приближается – нет, надвигается... Жизнь продолжается с той точки, на которой мы расстались. А все, что было потом, – ушло. Кануло! Свобода! Ничего, что всего на десять минут...

– Познакомь же меня со своими, – говорю я почти непринужденно, отодвигаясь. Приличия вступают в свои права. Я в гостях и должна быть вежливой.

– Их нет, Таня, – говорит он, и мне кажется, что в его глазах страх. – Никого нет. Они уехали к тетке на неделю, приедут послезавтра. Я тебя познакомлю.

– Не выйдет. Я... проездом. Я уезжаю.

– Когда?

– Сегодня.

– Обязательно сегодня?

Я молча открываю сумочку и даю ему путевку. Пока он ее рассматривает, я разглядываю комнату. Оказалось – этого нельзя было делать... Я не в гостях. Я в ловушке. Здесь почти ничего не изменилось. Надо бежать!

– Да... Путевка – это серьезно. Хотя... Можно, я закурю?

– Кури. И мне дай.

– Ты?

– Да. А что? Тебе неприятно? Запретишь?

Он пожимает плечами. Мы закуриваем... И вдруг становится легко. Мы сидим за столом, курим, рассказываем друг другу о детях, показываем фотографии. Постепенно все входит в колею. Просто беседуем, как знакомые, встретившиеся случайно в театре в антракт. Будто ничего и не было. А было ли?

Я смотрю на него, пью чай. Этот мужчина с узкими глазами и рассеянным взглядом десять лет назад был сухопарым мальчишкой с выдающимся кадыком, он был похож на встрепанного птенца. Мы учились на одном курсе и не замечали друг друга. А потом он вдруг стал смотреть на меня. Я почувствовала на себе его взгляд. Когда оборачивалась – он быстро и виновато отводил глаза. Меня это раздражало...

Однажды, когда я торопилась домой, я почувствовала на себе его взгляд – хотя я его не видела, но готова была поклясться, что он шел за мною следом. Я остановилась, круто развернулась и быстро пошла навстречу. Он не успел отбежать – и мы встретились лицом к лицу.

– Вы хотели мне что-то сказать? – спросила я нахально.

– Да.

– Что же?

– Я вас люблю.

Я посмотрела на него со смешанным чувством гнева, удивления и удовольствия – и вдруг лицо его посерело и он пошатнулся. Я поддержала его.

– Вам плохо?

– Ничего. Мне хорошо, – сказал он, и я с трудом довела его до скамейки, на которую он почти упал...

В больнице меня спросили: «Это ваш муж?» «Да» – солгала я. «У него истощение. Нужно усиленное питание, воздух, отдых – и все пройдет. Приходите завтра, может быть, мы отдадим вам его».

Так все началось.

Мне отдали «мужа» через неделю, и мы с мамой ставили его на ноги: кормили, опекали, даже прогуливали...

Оказалось, он жил на одну стипендию, часть ее тратил на книги. Родителей у него не было. Сперва я жестоко его высмеивала, выискивая самые уязвимые места... Помню его беззащитную улыбку... Он не мог отвечать мне тем же (потом научился). Но тогда, в начале, он был беспомощен. Он смотрел на меня – почему-то именно на губы, – и молчал.

А потом ночью я не спала, терзалась, будила маму, мне хотелось тут же, ночью, полететь к нему, сказать, что я жалею, что я ненавижу себя за злость, что я готова сделать для него все, что он захочет. Но наступало утро с его безжалостной, трезвой последовательностью поступков (принести воды... поставить чайник, собрать портфель, не опоздать в институт) – и я снова ожесточалась. Он глядел измученными глазами. Он ревновал меня. Но поступки его были странны и необъяснимы. Они не согласовывались с тем кодексом влюбленных, который я – в мои двадцать два, – отлично знала, как и мои подруги. Да и кто его не знает? Кто не знает, что должен делать влюбленный?

Он не знал.

Он не дарил мне цветов. Он не покупал мне билетов в кино. И вечерами очень редко ходил со мною в парк, где

прогуливались мои подруги со своими мальчиками. Его могло отвлечь самое незначительное событие (с моей точки зрения) – приезд в наш город геологической экспедиции. Он исчез вдруг на шесть дней – лазил с ними по каким-то пещерам. А потом вяло оправдывался...

В тот памятный день, когда я его прождала час на нашем условном месте, и три раза мимо проходили мои девочки, громко споря, хохоча и притворяясь, что не замечают меня в моем позорном одиночестве, – в тот день он просто зачитался: читал «Этюды оптимизма» Мечникова, видите ли. И до того зарядился этим оптимизмом, что пришел необыкновенно возбужденный и, вместо того чтобы оправдываться, начал объяснять мне, что такое «чувство жизни». Он обладал удивительным качеством: увлекшись разговором, излагая какую-нибудь заинтересовавшую его теорию, он не видел, не понимал выражения моего лица. Нет, скорее – не видел. Он не чувствовал грозы, которая уже собиралась. И когда она разразилась, был безмерно удивлен.

Опоздал? Ах, да... но ведь совсем немножко... нет, только подумай, какая смехотворная теория! Впрочем, изложена с блеском! Но можно ли согласиться, что чувство жизни появляется лишь в зрелом возрасте, а укрепляется к старости! Ведь в юности, именно в юности...

– Не знаю, как насчет чувства жизни, – сказала я в бешенстве, – но чувство реальности к тебе не пришло. И не придет, наверное. Может быть, действительно, к старости... Впрочем, я об этом не узнаю, и слава богу...

– Ты что, Танек? – спросил он тихо.

– С меня хватит. Ты не знаешь, представления не имеешь, что такое любовь. А сам говорил... У тебя все в теории! А на практике – ты унижаешь меня, ты ничем, ничем не можешь поступиться, ты эгоист, ты...

Остановить меня – когда я уже завожусь, – практически невозможно. Это всегда говорила моя мама. Я

продолжала. Я выложила все обиды, даже самые мелкие, даже такие, о которых понятия не имела, что они где-то залегли, осели и ждут своего часа. Я бросала их ему в лицо, а он только бледнел и молчал, и не пытался перебить меня. Помню его выразительную фигуру, потертые сандалии с загнутыми кверху носами, голубую тенниску, порванную на плече, которую я зашила как-то наспех коричневыми нитками, черную прядь, которую я всегда откидывала, чтобы поцеловать этот бледный лоб, высокий лоб с чуть заметными залысинами на висках.

Как давно это было! Как давно... Теперь эти залысины стали значительно больше. А глаза потемнели. Я смотрю на него, он рассказывает о своей маленькой дочке, смотрю, как двигаются его губы, и слова доходят до меня как через плотную перегородку. Я их слышу, но не понимаю.

– Ты счастлив? – спрашиваю я вдруг. – Прости, что перебила тебя... Ты счастлив?

Он молчит. Встает, закуривает, отходит в глубину комнаты. Долго смотрит на меня оттуда. И я смотрю на него – смотрю на его губы, две резкие морщины у рта, – и чувствую, что он желанен, да, желанен больше, чем прежде, в той незапамятной юности, которую мы сами испортили, что он – единственный, кто мне по-настоящему нужен.

Это о нем я должна заботиться – кормить, стирать, гладить его редующие волосы и быть рядом. И как это странно и неестественно, что столько лет мы жили врозь и будем жить – до самой смерти...

– Я никогда не мог забыть, – говорит он медленно. – Хотел – и не мог. Ждал тебя.

– И все-таки забыл! (Опять старое! Не могу удержаться от язвительного слова. Теперь, в эту минуту!)

– Нет. Просто сдался. Когда узнал, что ты вышла замуж.

– Чтобы сдать, надо прежде забыть. (Боже, зачем, зачем?)

– Ты не хотела быть со мной.

– Глупый. Ты просто не понимал. Ты, был, наверное, недостаточно взрослым, чтобы понять.

– Ты не хотела! – повторяет он с силой. Губы у него дрожат. Я почему-то пугаюсь и умолкаю. На меня надо кричать. Это хорошо действует. Я становлюсь слабой. Вот и сейчас – мы смотрим друг на друга долго, долго, потом он подходит, меня начинает трясти. Он валится на колени и обхватывает меня руками. Я держу его голову и дрожу все сильнее. Безумием было приезжать сюда.

– Ты не хотела, – повторяет он, как заведенный. – Я ничего не мог поделать. А если это не так... если не так...

– Это так, – говорю я вдруг, – и чувствую страшную боль. – Это так. Мы оба глупы. Встань. Не надо больше...

Шел дождь. Он стекал струйками с моего капюшона, с полей его шляпы, когда мы шли на вокзал. Он наклонился и сорвал полынью. Она долго сохраняет степной запах – кажется, навсегда, даже высушенная, даже ставшая трухой... Я прячу мокрую полынью в карман.

Потом он стоял, я сидела. Между нами было плачущее окно вагона. Перед самым отходом я выбежала и еще раз обняла его. А когда вернулась в купе, увидела даму, с которой встречалась несколько раз в Москве на совещаниях.

– Это был ваш муж? – спросила она. Я не ответила.

– Я видела его как-то с вами в Москве, – сказала она, приторно улыбаясь. – Он казался мне моложе. Он сильно постарел, вы за ним плохо следите, милая! Мужей надо беречь!

– Да, сказала я, – надо беречь. – Только теперь я поняла, что он выглядел действительно старше моего мужа, хотя был моложе. Но лишь для чужих глаз...

Я вынимаю из кармана веточку полыни и вдыхаю ее горький, терпкий запах – запах, которому нет конца. И снова – тук-тук... поезд везет меня к морю. К солнцу. К кипарисам... А судьба моя отстала – отстала на десять лет, застряла в пыльном степном городке. Там, у моря, меня ждет отдых... покой... А на что мне покой? Свобода... Свобода...

Фантазия-экспромт

Старый писатель давно не был в Лесном.

Он шел медленно, опираясь на палку, старался глубоко дышать и смотрел вокруг – на темные лужи, на голые ветки деревьев, качающиеся на ветру, на разорванные облака, несущиеся куда-то с необыкновенной скоростью...

В молодости он не так интересовался жизнью природы, – очевидно, его слишком переполняла собственная жизнь. А теперь все это – и резкое синее небо, и ветер, и проглядывающее по временам солнце, – все это был он. Продолжение его самого.

Думать об этом было хорошо и грустно.

Написать бы рассказ о том, как начинается весна. Без сюжета. Просто так.

Но после третьего инфаркта ему запретили работать. «На время». Он понимал, что означало это «на время». На все оставшееся ему время. Неделя? Месяц?

А вот и жилье – деревянный двухэтажный коттедж. Из трубы картинно идет дым. Только в этой части города еще остались такие патриархальные бревенчатые анахронизмы... А как поэтичен! Какая у него трогательная, своя собственная, неповторимая физиономия!

Алексей Михайлович подошел поближе. Окна были закрыты, видны были спущенные занавески, и это

придавало дому несколько угрюмый вид. Он спал с закрытыми глазами, как уставший, состарившийся человек.

Что-то удивительно знакомое было в том, как группировались деревья у крыльца... и вдруг он вспомнил – ну да, конечно, тот самый дом... Изменилось все вокруг, его обступили высокие каменные соседи... Поэтому сразу было не узнать это место.

Здесь, в этом коттедже, бывал он частым гостем лет... лет десять тому назад... Снимал комнату неподалеку. Утром и вечером работал в саду за вкопанным в землю столом, а часов в пять отправлялся сюда. Порошин встречал его на крыльце и кричал – Ноннушка, ставь чай, Алексей Михайлович идет!

Нонна Николаевна встречала его в прихожей. Он был тогда еще вполне бравым мужчиной и ходил без палки. Она усаживала его в кресло и уходила в кухню заваривать чай, а Порошин занимал его беседой.

Потом она садилась рядом. Она была неразговорчива, но слушала всегда охотно и внимательно, особенно мужа.

Муж говорил за двоих.

Алексей Михайлович только делал вид, что слушает, а сам думал о другом. Он удивлялся – как мог такой громкий человек полюбить такую тихую женщину? Но потом решил, что это логично – один из двух должен уметь слушать, иначе какой смысл вступать в брак?

Сам он относился к слушающим, но монологисты его утомляли...

Когда Константин Львович делал паузу, Алексей Михайлович поворачивался в кресле и выразительно смотрел на Нонну Николаевну.

Она без улыбки вставала, усаживалась за пианино и говорила.

– Заказывайте!

– Вы же знаете. Фантазию-экспромт Шопена...

– Нет, погоди, – говорил муж. – Я еще не сел, ты же видишь!

Он мог слушать ее, только покуривая трубочку. Алексей Михайлович был уверен, что в глубине души Порошин был глубоко равнодушен к музыке. Но зрелище жены, играющей на пианино, особенно при гостях, было приятно его сердцу.

Когда Нонна Николаевна садилась за пианино, лицо ее делалось еще более серьезным, даже как будто трагическим.

Она играла полчаса или минут сорок – больше муж не выдерживал.

– Молодец, молодец! А теперь чайку – соловья баснями не кормят!

Нонна Николаевна была моложе мужа – ей было лет тридцать, – и свято верила в его талант... Когда он говорил, она преданно смотрела на него своими сумрачными глазами. Алексей Михайлович уходил от них освеженный, и дома ему потом хорошо работалось.

Осенью он вернулся в город, а следующим летом уже не снимал комнату в Лесном, а уехал на юг. И дружба кончилась.

Имя Порошина попадалось ему иногда в газетах, на страницах «Огонька». А потом он как-то увидел на прилавке в книжном магазине роман Порошина, просмотрел наугад несколько страниц, поморщился и положил книгу на место.

И вот теперь, лет через десять – нет, двенадцать, – он стоит у того самого крыльца. Может быть, они уже выехали? Порошин, наверное, давно получил квартиру в одной из девятиэтажек с центральным отоплением и мусоропроводом.

Что ж – риск невелик.

И он поднялся на крыльцо.

Они сидят в той же комнате, у того же маленького круглого стола. Вдвоем.

Нонна Николаевна разливает чай. Булочек нет – она уже давно не печет их, больше года.

Она поблекла и похудела. Волосы небрежно заколоты на затылке, на халатике не хватает пуговицы.

Спокойно и равнодушно, как о чем-то постороннем, рассказывает она Алексею Михайловичу свою историю...

– Теперь привыкла. Работаю. Время не так тянется... вот – вышиваю по вечерам. Говорят, успокаивает нервы. Решила попробовать, а потом втянулась.

На диване лежало несколько подушечек, на пианино – вышитая дорожка. Плотная, красная, с затейливым узором, она не украшала пианино, а превращала его в предмет декорации.

– А где вы работаете?

– В регистратуре в поликлинике. Тут недалеко. Удобно...

– А музыка?

Она усмехается.

– Какая тут музыка... пять лет инструмент не открывала.

– Почему?

– Не разрешал. Мешала работать. А потом, когда одна осталась, – не могла собраться с духом. Все забыто, утрачено – ни техники, ни памяти. Да что говорить...

Она умолкла, махнув безнадежно рукой.

– Нонна Николаевна, а вы знали... были знакомы... с той женщиной?

Жестокий вопрос. Но необходимый. Надо же ее как-то встряхнуть!

– Нет, – отвечает она так же равнодушно. Знаю только, что моложе меня. Бухгалтер, кажется. Да мне-то какое дело!. И вообще – зачем ворошить? Обыкновенная история.

– Да, банальная история... Что ж, как писатель Порошин кончился. Впрочем, по-моему, и не начинался.

– Почему? Ведь он талантлив! Все говорили...

– Говорили такие же, как он, бедолаги. Не талантлив он. Ленив, по-моему, – это и тогда было видно. Вот вы – талантливы!

– Ах, бросьте, – сказала она с досадой.

– Не брошу! – упрямо сказал он. – Он вашего мизинца не стоил – когда мизинец был вон там, – он кивнул в сторону пианино. – На клавиатуре.

Она чуть усмехнулась – кончиками губ. Невеселой усмешкой.

Не верит.

Алексей Михайлович вздохнул.

В рассказе он нашел бы средство встряхнуть ее – завернуть сюжет покруче, столкнуть лицом к лицу двух соперниц, придумать острые положения, разоблачить героя... в крайнем случае на помощь разбитому сердцу всегда придет другое сердце.

А вот женщина с угасшими глазами и в порванном на локте халатике. Ни страсти, ни злости, ни борьбы... Что делать с ней? Как пробудить?

– Послушайте, я расскажу вам одну историю – про себя. Лет десять тому назад бывал я в гостях в одном доме. Принимали меня там сердечно, а я возьми и влюбись в хозяйку. Хоть мне под шестьдесят было, а влюбился, как мальчишка, ночей не спал. И не за красоту, не за молодость – хотя и то и другое было – а за талант. И казалось мне, никто так не играл, никогда. Никто мне так мою жизнь не рассказывал – без слов... Бывало, взгрустнется, покажется –

исписался, не годен, больше ни слова не напишу, – приду и прошу смиренно: сыграйте! Сижу, смотрю и слушаю... Такая она была, когда сидела у пианино – нет, этого не рассказать...

Нонна Николаевна сидела очень тихо, очень прямо, уронив руки на колени, смотрела в окно.

– Ходил, ходил – и тяжело мне стало туда ходить. Особенно тяжело было смотреть, как она мужа холит и обихаживает, а тот снисходительно все принимает – он-то ее таланта не понимал, ему собственное самолюбие все на свете заслоняло...

И перестал я у них бывать. Сперва тосковал... А потом прочел где-то: «Художнику дано освобождение от печали, если будет найдено средство ее выражения». Написал я рассказ – всю свою грусть и всю обиду старческую на жизнь в него вложил. Посвятил его своей любви – мысленно, конечно.

– Освободились? – спросила она.

– Освободился. Не сразу, конечно...

– Как называется рассказ? – спросила она, переводя на него свои сумрачные глаза...

– Рассказ не был напечатан. Он остался неоконченным... так уж заведено, что у каждого художника остается что-нибудь неоконченным. Неоконченный роман, неоконченная симфония... Человеку не дано уйти, окончив все дела и выполнив все замыслы. Уходим на бегу... Вот и у меня – неоконченная новелла...

Она молча встала, начала убирать со стола, потом остановилась и переспросила:

– Как вы сказали? Художнику дано...

Он вырвал из блокнота листок, написал крупными буквами: «Художнику дано освобождение от печали, если будет найдено средство ее выражения». Потом подошел к пианино, снял и бросил на стул вышитую

дорожку, открыл крышку и поставил листок на попир, как ноты.

Алексей Михайлович шел к трамваю, бойко постукивая палочкой. Перебирал в уме все сказанное. Хмурился, придумывал другие слова, более убедительные. Нет, всегда ему не хватало этого человеческого таланта – таланта вмешательства. Он не любил себя за это. Проходил мимо, не вмешивался, потом терзался, а под конец успокаивался. «Что я мог сделать? Сэ ла ви!»

Все это уже неискупимо. С этим помирать. Но сегодняшняя встреча – и тут мимо?

Он ускорил шаг. Надо было садиться за рассказ – тот ненаписанный рассказ. Может быть, он еще успеет прочесть ей... А если не успеет, – пусть найдут его в рукописях. Он должен быть начат. В конце концов – что еще остается?..

Он даже не заметил, как, повинуясь непостижимым законам ленинградской природы, нахмурилось небо, как вдруг кончилась пронзительная, яркая весна и сменилась мокрой осенью. Он спешил сесть за письменный стол...

Елена Прудовская. Ветка (Фото)

ОЛЬГА ЛЮБАРСКАЯ

Баллада о капитане

Ей неохота ехать,
Он ей надоел,
Надоел ей и здесь, и там
И того не ведает.
Недоел, надоел...
Поэтому капитан
(Блин, как болит нога!)
За отдельным столом –
Ну чистый *ага!* –
Зонд через нос –
обедает.
Запивает обедом
обиду,
Потом храпит,

Глаз откроет один –
И слеза прольется.
Но она не сдается:
Правый глаз – гол,
Левый – зол,
Нога болит до тоски
– Ну никакого участия!
Но она смеется.

И пока он там,
заслоня спиной горизонт,
Притороченный к креслу по хер,
Через зонд с аппетитом типа обедает,
Она лучше разорвется на части
Или – хуже – развалится на куски
От любви к себе и к любимой ноге –
Но ни за что его не проведает!

Но сейчас пробежали
По второму этажу ее головы –
те,
Заблудившиеся и застрявшие
Мысли и картины,
Пока первый остался в темноте
Сонным и затянутым паутиной.
Мысли злее и злее:
Она не придет.
Ты, пожалуйста, и не рассчитывай.

Я покорно делала все,
Что только в башку твою
взбредет,
А теперь ты не спорь
И правильно мысли считывай.

Я не спорила,
Когда мы жили там,
Ты ведь продал деверю дом,
А я не спорила.
Яхту купил.
Теперь у меня ни кола, ни двора,
Да и яхта – где?
Вот такая история.

xxx

Но его так просто
Не проведешь.
Он хоть в кресле (взвесь!),
А мысли его на свободе.
И он знает,
Что его навсегда забыли здесь –
В этом просторном,
Возвышенном (четвертый этаж!)
*бейт-авоте*⁷.

Но сидит он в кресле
Заморожен и прям.
– Ты уверен был,
Что блоху подковать сумеешь.
Так кому ж, как не тебе, Водолею
(Вот окно, вот кровать), –
знать:
Ведь ты сдал – в свое время –
Твою мать, то есть
свою мать –
В бейт-авот другой –
подальше и победнее.

---

⁷ Дом престарелых (ивр.)

Так сиди и молчи
С трубочкой в носу,
А не с трубкой в зубах,
капитан
(Перекрутились носки),
В тряпочку молчи,
Куда раньше слюна стекала,
Мысли ворочаются в глазах,
Убегая от их тоски.
Неужели тебе,
Почти как Тарковский сказал,
И этого мало?

xxx

Хорошо же тебе, капитан,
капитан,
Позабыв про экстаз,
Через трубочку наворачивать
ужин,
А нога моя левая,
Что люблю так нежно
и не напоказ,
Той сейчас каждый час
Все хуже и хуже.

И с открытым ртом
Удивляешься все еще чудесам
И загадкам распроклятого мира,
А слеза твоя –
Сейчас и потом –
Течет по усам,
И тебе не доехать
В твоем кресле и до сортира.

Хорошо тебе, капитан,
Ты мне хныкать брось,
Хорошо приютиться в углу
Привязанным в кресле.
А вот я– и на ногу
ступить не могу.
Оказаться не хочешь, небось,
на моем месте?

Ты всегда свое гнул,
Что хотел творил.
Я молчала,
Когда у тебя появилась Ира.
А теперь я могу
только раз в году,
И то *рак бэхуль*⁸ –
Сына увидеть нашего,
дезертира.

Да, поставьте, посадите его
под душ
(Ты был вспыльчив и строг),
Да не ерзай ты в кресле,
Никого, ничего не жалко! –
А теперь бейт-авот –
Место встречи тех наших душ,
Что однажды свел Бог,
Почему-то
Так шатко и валко.
Кто-то врет?
Вот пускай он и разберет,
Что то было:

---

⁸ Только за границей (ивр.)

Оазис

Или, может быть, свалка?

xxx

– Как он чувствует себя?

Мацав?

– *Мэцуян*⁹,

Посмотрите, лицо

Так даже порозовело.

– Ну кивни

(Все еще нет ответа) –

Напоминает молочные реки

И кисельные берега

(Не вернулась речь).

– Да, беречь

Полагается нашу планету.

– Да, и кисельные берега...

Мне пора.

Что ты дернулся?

А, вспомнил о море.

А у меня теперь, бляха, блин,

Ни кола, ни двора.

И нога...

Вот такое горе!

– Ты тут пристроен, ухожен...

Ну все уже, бай!

Разлютовалась нога,

Никак с ней не сладить.

Чао!

Сладкая? Лара?

И чайка еще? Ну да.

---

⁹ Состояние? – Отличное (ивр.)

Я хоть и Лара,
Но больше тебе не пара.
Что ты там шепчешь?
Утри-ка салфеткой рот...
Яхту «Ларисой» назвал?
Все! Мне на поезд, в Акко,
Ты тут сидишь –
и никаких забот,
А мне хоть лазить теперь
по мусорным бакам.

xxx

Да, капитан,
Обиды он копит там.
– Ты, как рубильник,
Меня выключал.
Про нежность
Все говорил:
«Яхта, чайка, причал», –
«Нежность!» – кричал,
А думал одно: промежность!
– Яхту назвал «Ларисой»
В твою честь,
Съездить мечтал в Ларуссу,
Лариса, чайка!
– Вечно руками с тарелки
Мясо хватал, давясь,
Втягивал чай в себя
И так отвратительно чавкал.
– Где же, ну где же ты, Лара,
Сжалься, ответь!
Помнишь тот путь –
Ну, вместе мы ездили в Пяру?

Лара, любовь моя, чайка,
Ответь, ответь!
Да ты хоть слово
мне скажешь когда-нибудь,
лява?!

xxx

– Снова, придурок, дернулся! –
Вступил санитар. –

Этот дом – твоя крепость,
Дар тебе и твоя обитель.
Поздно уже.
– Ай, молодец! Молодцом,
капитан!
(Это мимо прошел
Неопознанный посетитель.)

xxx

А она сидит дома,
В серой скуке, в тоске,
в за-висті.
Что ей сказать: да? нет? –
Сидит и гадает.

Безответная любовь
К любимой левой ноге
(Может, третью пора завести?)
Все утро ее снedaет.

Боги – Ноги.
Молится: «Дай!»
Бога два –
Правая и левая:
Не забыть:
Пол их выясняется пока в «Шабaке».

Левая – клевая.
Хочется завывать.
Или удрать
Из этой клоаки – Акки.
В этой Акке
Такая уж благодать,
Что живется мне хуже,
Чем бездомной собаке.

xxx

Мы в коляске вывезли
Тебя из ворот.
И ты все осматриваешься
у порога,
Не пришла ли она.
– Вон она идет! –
Но, наверное, легче
Дождаться прихода Бога.
– Где же она?
Вот мелькнула, нет сил:
Что-то в сердце давит, чешется –
Не пойму – или жжется.
Вот она!
– Это же мессия идет, идиот!
А ее хоть проси – не проси,
Все равно не дождешься.

xxx

Какая-то чепуха,
И во-первых, и во-вторых,
Снится еще:
всех растолкав,
Мимо дома играет
Третий концерт

Мацуев,
А нога, что любима
Так трепетно и горячо,
Спускается с потолка
И так нежно –
прямо под дых –
целует.

xxx

– Где же она?
– Тихо, тихо ты, капитан,
Выпадет зонд – и обеда
не съешь,
Ты и без этого таешь.
Что ты все киваешь,
Как китайский болван? Поешь!

Понимаешь, парень,
Тут и ангел ахнет:
Новенький памперс,
Как поцелуй ребенка,
свеж.
Можешь принохаться:
Да он почти и не пахнет.

xxx

Надо терпеть и молиться,
Ты мне, капитан, поверь,
Надо терпеть и молиться,
И будет тебе удача
(Что же с ним делать?).

– Да открыта, открыта дверь!
(Только скажешь: «Лариса»,
И он уже плачет.)

xxx

Лучше сделаем ему
В тихий час
Наш тихий укол, укол,
Пусть растет у нас, как трава,
Из кресла пусть прорастает.
Правый глаз гол,
Но левый еще –
как сокол.
Ничего. Голова свисает,
Слюна стекает.

xxx

Спи, усни, наконец, капитан,
капитан,
Отплати им той же монетой
В один талер.
Ну их на хрен!
Усни, ждут тебя кони там,
Пусть несут тебя с этого света.
Уже светает.

МАРК ШЕХТМАН

Папа с мамой

Моего в этом мире почти ничего –
Только память, и дочь, и жена...
В той земле я оставил отца одного.
Мама – в этой, и тоже одна.

Папа с мамой давно под землею лежат.
Нет ни завтра у них, ни вчера.
Очень разные птицы над ними кружат
И по-разному плачут ветра.

И неправильно вовсе, прости меня Бог,
Их земные закончились дни,
Если вместе прошедшие столько дорог,
В смерти вдруг разлучились они.

Может быть, я и зря изболелся душой,
Может, зря лезу в эти дела –
Там, где вечный покой... Но ведь я-то живой,
И разлука их мне тяжела.

И хоть дочь подросла, и хоть годы летят,
Мне неясной вины не избыть.
Лишь надеюсь, что папа и мама простят,
Может быть, может быть, может быть...

Сегодня буду – красным...

И стану я сегодня всем, что красно!
Я стану цветом губ твоих опасных,
Осенним днем в багряном сарафане,
Рубахой, что алеет на цыгане,
Безумием сгорающей Сверхновой
И даже красно-рыжею коровой!

И будут мне понятными отныне
Смятенье красных пятен на картине,
Капризы лака на руках строптивых,
Потусторонность в розовых отливах
Полярного сияния, а утром
Купанье розы в чаше с перламутром,
И многое!...

Но я не перестану
Гадать и ждать: а чем я завтра стану?
Глотком воды? Воздушным ярким змеем?
Сомненьем, цифрой, радугой, жокеем?
Мгновением, безликим и безгласным?
Там поглядим...
Сегодня буду – красным!

Мы и наши гении

Ах, эти моцарты, пушкины, кафки!
Каждый – как дальней кометы осколок,
К нам залетевший случайно. Для справки:
Жизненный путь их обычно недолог.

Гения тронь – зазвенят отголоски
Детского стресса, страсти минутной –
Фокусы дедушки Фрейда... Для сноски:
Жить рядом с гением, ох, неудобно!

Хвалит наставник, а папа печален:
Сын-де замечен в пустом разгильдяйстве...
Что? Гениален? Ну пусть гениален,
Но не усерден в домашнем хозяйстве!

Женщины к гению валят толпою.
(Сереньким нам это очень обидно!)
Но если женится гений, не скрою,
Участь супруги его незавидна.

Гений и выгода редко совместны:
Смотрит на звезды, а жизнь дорожает,
Дети растут, чем кормить – неизвестно,
Ну а жена все рожает, рожает...

И кредиторы, и глупость, и зависть –
Лужа, в которой валяемся все мы!
Где же берет он прекрасную завязь
Музыки, формулы, мысли, поэмы?

Кто он, сей баловень чудных мгновений,
Саженец странный среди поля людского?
Черт захохочет – Ужо тебе, гений! –
И замолчит, чуя Божие слово...

Вместо письма

Видишь – дожил уже до седин.
Слышишь – слов подобрать не стараюсь.
Два автобуса, поезд один
Разменяю, к тебе добираясь.
Ах, далек! – не достанет рука! –
Весь в парениях кофе и пиццы
Раскаленный пятак городка,
Закатившийся к самой границе.

Из пещеры, будь я Аладдин,
Лишь его бы унес я с собою...
Два автобуса, поезд один –
Что они по сравненью с судьбою?
То несло, как гудящий поток,
То крутили ветра и невзгоды...
Добираясь к тебе в городок,
Я разменивал женщин и годы.

Я от троллей ушел и ундин,
Скорпионьей удачей хранимый.
Два автобуса, поезд один.
Называется – ехать к любимой!
Нам с тобою запретного нет.
Мы из общей, наверное, сказки.
Я куплю тебе много конфет,
Я придумаю рифмы и ласки.

Я раскрою цветком апельсин
С кожей в цвет уходящего лета.
Два автобуса, поезд один –
И опять не уснем до рассвета!

Модильяни рисует Ахматову...

*Так – белых птиц над океаном
Неразлучные сердца...*

Александр Блок

Модильяни рисует Ахматову.
Крут и нежен изгиб бедра.
Поцелуи на коже матовой
Не успели сгореть с утра.
С покрывала запястье сброшено,
Пальцы тонки, узка кровать...

Долго, долго любовное крошево
Будут оба перебирать.
Будут души их пальцами памяти
Вновь тревожить мгновения те,
Что остались в парижской замяти,
В монпарнасово́й суете,
Где на трех по четыре гения
– что за блуза! и трость! и бант! –
Где в абсенте ищет прозрения
Каждый новый босх или дант.

Столько глав у любого романа,
Сколько их любовью дано.
Возвратится в Россию Анна,
Амедео женится – но
Дрогнет строчкой горестно-нежной
Стих ее через много лет.
У него вдруг линией прежней
Отзовется чужой портрет.

Много бед у века двадцатого
Уготовано им... А пока

Модильяни рисует Ахматову.
Пальцы тонки, кровать узка...

А знаете, как выживают поэты...

А знаете, как выживают поэты
В священнейшем городе нашей планеты,
Как грузят шкафы и как это не сладко
На сером исходе шестого десятка?

Как, за день устав, будто волк от погони,
Считают монеты на жесткой ладони
И поздний обед свой несут издалече
В ночлежную вольницу рас и наречий?

А если однажды им денег хватает,
То в Лод или Хайфу билет покупают,
Где другу везенье явилось – и смог он
Снять целую комнату! Правда, без окон...

Под сводом подвала грустя и хмелея,
Два русских поэта, два старых еврея
Читают стихи, выпивают помалу,
И русское слово гудит по подвалу.

В подвале оно благозвучно едва ли.
В нем мало надежды и много печали.
В подвале оно будто заперто в клетку,
Но помнит, как птица, родимую ветку.

Тяжелыми лбами в ладони уткнутся:
Еще не забыть и уже не вернуться
Отсюда – где пальмы, и небо лучится,
И где им покой, как и прежде, не снится.

Кармическое

Антиэпиграф:

На Васильевский остров

я приду умирать...

Иосиф Бродский

Каких мы бы ни были роста,
Таланта, удачи, ума,
А все-таки адрес погоста
Судьба нам укажет сама,
Когда роковыми перстами
Отправит почти наугад
Телесное – в землю под нами,
А душу – в безвестное «над».

Иное же – так, между прочим,
Трясенье эфира, слова...
И пусть мы себе напорочим
Какие-то там острова,
Пригорки, леса и поляны,
Где встретим пришествие тьмы, –
Все будет не так, и неожиданно,
И выберем место не мы.

Но в этом смешном неуменье
Забиться в своей тишине,
Великое есть снисхожденье
Вселенной к тебе и ко мне.
Пусть век изначально конечен
И пусть неизбежен исход,
Надеждой незнания расцвечен
Безвестный его небосвод.

Так стоит ли в долгой печали
О месте и часе гадать?

Не мы себе жизнь выбирали,
Не нам себе смерть выбирать
И рифму искать для погоста.
И, глядя за дальний предел,
Не сумрак я вижу, а остров,
Где снова б родиться хотел...

Пейзаж с молитвой

В роще елочек серо-зеленых,
где не сыщется ветки прямой,
на скрежещущих каменных склонах,
обнесенных небесной каймой,

На вместилище, малом до боли,
грозных мифов, и высохших рек,
и озер, омертвевших от соли,
и пустынь, коротающих век,

В предвечерье февральской прохлады,
когда солнечный край невысок
и дымятся лучей колоннады,
опираясь на темный восток, –

Здесь, уже завершая дорогу,
что восходит в Иерусалим,
станешь близок ты дому и Богу,
постигая их чувством одним.

Город Иерусалим

Нет, я не понимаю этот город –
С его смешением лавок и веков,
С его извечным ожиданием горя
И мельтешением черных пиджаков.

Равновелик в величии и тлене,
Он стоек в вере, благостен и лют.
Придет пророк – все рухнут на колени,
Поднимутся, камнями забьют.

Он падал ниц, он возносился гордо
На собственной и вражеской крови.
Я знаю – не понять мне этот город,
Как вечности, бессмертия, любви.

Он тянется до края и за краем –
За тем, где даже тьмы не разглядеть.
Мы без того, чего не понимаем,
Порой не мыслим жить и умереть.

Лоза

Памяти Юрия Арустамова

Перевесился через ограду
В первой зелени, в нежной коре
Тонкий стволлик лозы виноградной,
Заскучавший в соседнем дворе.

Озорной листвяною короной
– нарушитель законных границ! –
Он касался голов, и ладоней,
И ветров, и закатов, и птиц.

Он с утра выходил на работу,
Он себя непрерывно растил,
И душе моей близкое что-то
Было в пульсе растительных сил.

Небогатые первые грозди
Воробьи расклевали потом...
В эту жизнь мы приходим, как гости.
Уходя – ничего не берем.

Ни объять, ни строфою обрaмить
Этот мир, бесконечно большой.
Ничего не берем – только память,
Запасенную нашей душой.

«Титаник»

Было все – и кнут, и пряник... По ухабам вод
Дней моих плывет «Титаник», на закат плывет.
За кормою волн угрюмых черная гряда,
А на палубах и в трюмах люди и года.

Здесь воспоминаний стая – добрых и плохих,
Здесь и призраков хватает, и еще живых.
Здесь я памяти-поклаже страж и рулевой.
Все, что пережил и нажил, – все мое со мной.

Волны раздвигаю грудью, жилами звеня.
Знаю, айсберг, это будет: ты найдешь меня.
Мы уйдем, двойник и странник, к разным полюсам:
Каждый сам себе «Титаник», айсберг – тоже сам.

Но за дымкой поворота, за пределом льда,
Может быть, еще мы кто-то... Музыка? звезда?..

Раб

Назвав его несчастным – не солгу,
Хотя на нервном и бесцеремонном,
Все повидавшем творческом кругу
Он слыл крутым и даже беспардонным.
Творить закончив в сладостную рань,
Не знали вы, в какое же мгновенье
Сожмет его критическая длань
Трепещущую тварь стихотворенья?

Он в мелочи входил как в рощу танк,
Давя ее налево и направо.
Он ведал все: от ценника путан
До правил монастырского устава.
В нем знание превратилось в ремесло,
В названья – краски, запахи и звуки.
Он слово, что звенело и росло,
Обстругивал до прямизны и скуки.

А сам, пеняя нам за все грехи
И словари таская, как вериги,
Тачал бесцветно-точные стихи,
Пригодные для телефонной книги.
Он нес в себе свой сумрак и предел,
Как инквизитор, одержимый верой:
Ведь цензор-бог, который в нем сидел,
Его карал стократно высшей мерой.

Случался иногда упрямый стих! –
Тогда сдирая мелочей коросту
И сам себя на волю отпустив,
Писал он ярко, радостно и просто!
Но скучный бог, свое вернуть спеша,
Спешил убить живое дуновенье,

И снова засыпала в нем душа
До будущего чудного мгновенья...

Бывший друг

И разверзся кривой овраг
Там, где прежде стелился луг...
Бывший друг мой, ты мне не враг,
Но, конечно, уже не друг.

Что случилось, мне не понять.
Без огня хлебов не испечь.
Оказалось, что реки вспять
Начинают порою течь,

Что бывает сухой вода
И что темным бывает свет...
Говорил ты – «Конечно! Да!» –
А потом оказалось – нет.

Прежде мы любую беду
Отводили сближеньем сил...
Говорил – «Позвоню! Приду!» –
А потом не шел, не звонил.

И, прости, солгать не могу:
Если врозь мы судьбы несем,
Я скорее поверю врагу,
Чем правдивому не во всем.

Между нами ни правды, ни лжи,
Только скучная тишина.
Но ты все-таки мне скажи,
Если помощь будет нужна.

Бегемот

*...Послушай: далеко, далеко на озере Чад
Изысканный бродит жираф.*

Николай Гумилев

Мне бес вдохновенья нежданные строки принес
Про озеро Чад, что изрядно забыто теперь.
Там топчет траву, не заботясь о грации поз,
Пузатый, прожорливый зверь.

Зовут бегемотом (в девичестве гиппопотам),
И так он велик, что пугает друзей и врагов,
А если бросается в воду навстречу волнам,
То озеро Чад выливается из берегов!

Малы его глазки, бездонная розова пасть,
Огромны клычищи, а шкура груба и толста,
И нрав его страшен! – немедля готов он напасть
На всех забредающих в мокрые эти места.

В воде будто остров, на суше подобен горе, –
Он грозно ревет, он в ответе за самок и чад,
И он неуместен на нашем асфальтном дворе,
Как, впрочем, и я неуместен на озере Чад.

И если уж нам не досталось отдельных планет,
То нечего шляться по чуждым домам и лесам!
(Наверно, от этих стихов содрогнется эстет.
Я, честно признаться, от них содрогаюсь и сам.)

Но истина в том, что не греза наш мир, не парад,
Ни райских долин в нем, ни снами овеванных вод.
Ну, разве что в сказках... Послушай: на озере Чад
По шелковой глади прекрасный скользит бегемот!

ИГОРЬ МУХАНОВ

ИЗ АЛТАЙСКОГО ДНЕВНИКА

Азия

Когда тебе в Азию нужно –
увидеть живую луну,
садись на скамейку и слушай
густую, как мёд, тишину.
Подъедет со скрипом телега,
возница поправит усы
и скажет:
– Я сын того века,
что слушал рассказы грозы.
Садись. Казахстаном укройся,
Монгольскую степь притяни.
Уж больно обильные росы
нам выпали в летние дни!
Китай, если нужно, в дороге
связав в золотые снопы,
с молитвою чистой и строгой
сложи у звериной тропы.
Хотел ты на Азию сбрую
надежд человеческих надеть?
Тебе я возможность дарую,
как сыну степей, умереть.
С котомкой вчерашних отреший
и с беркутом ярым в груди.
Вот Азия! В жёлтые степи
с поклоном сыновним войди.

И фотон испускает, и фыркает, навеселе...

Дождь раздул пузыри на отеческих лужах
и ушёл в никуда – есть такие места на земле!
На полатах у облака дума лежит и не тужит,
и фотон испускает, и фыркает, навеселе.
Послебанная всюду возня, закипание звука.
Сколько в этом любви, знают только дорога и рожь.
И шалит синева, запуская прозрачную руку
в полусонную речку, где плавают щука и ёрш.

Я иду по отчизне, читая особые книжки:
медуницу и клевер в издание лугов и полей.
Я ещё не рождён, я в утробе пространства – мальчишка,
что с утра мастерит из газеты воздушный свой змей.
Вот, прочёл сто дорог – на сто первой оставил закладку
(дочитаю потом, ещё целая жизнь впереди!)
И щебечет стихом, затаившись под майкой, тетрадка,
и летят, как жуки золотые, над миром дожди.

Яблочные сны

Сентябрь – казак, Степашка Разин, –
с утра победный сеет гам.
И – казни, казни, казни, казни
созревших яблок по садам!
Везут стеклянную посуду
и сахар, жизни эликсир,
и медный чан, и ложек груду...
Варенье – всякому кумир!
И на перронах станций дачных,
где остро пахнет шпал мазут,
звучит Огинский... Не иначе
в Москву Царь-яблоко везут!
И мы с тобою на Алтае,

зарывшись в сено на дворе,
живую повесть наболтаем
о жёлтой яблочной поре.
Из сундука достанем сбрую,
в свистульку дунем из сосны,
и – дай нам Бог! – перезимуем,
вкушая яблочные сны.

Чтоб настоялась речь...

Я скоро засыпаю,
и в чуткой тишине
порог меня читает
и дерево в окне.
Таков у нас обычай:
рекою русой течь
вдоль красоты девичьей,
чтоб настоялась речь.

Тугие косы, бусы
и аромат белил
нужны, чтоб в каждом бруссе
сверчок певучий жил.

И рудники Алтая,
и табуны коней
всю ночь тебя читают
от пяток до бровей.

Восход рассыпал буквы
по балке потолка.

Как золотые булки,
волнуется река.

И щука разговора
хватает на лету
и речь ночного бора,
и утра красоту.

Из алтайского дневника

Жён-мироносиц на небе вечернем считая,
жить бы да жить в этих горных безлюдных местах!
Днём любоваться крышами пагод Китая,
ночью Монголию видеть в раскованных снах.
Туго завёрнута этой страны оболочка
в русский характер, и ниткой прошита канва.
Чтит новгородскую вольницу каждая кочка,
ввысь поднимаясь, как, врыта в песок, голова.

Только на ранней заре частокол-копыносец
в бой соберётся, крикливых ворон не сочтёшь!
В сон, как в залив, заплывает крутой миноносец –
русская хата, собравшая всю молодёжь.
Песни, гулянка в соседок-подруг новоселье –
трёх этих грешников всякое знает село!
Пьётся легко, и по кругу расходится зелье –
в каждой кровинке, как царский солдат, залегло.

Кожа песчаной пустыни натянута туго
на окоём горизонта, и жизнью полна.
Сойка, тушканчику мать, скорпиону – подруга,
волк и лисица, и чашкой молочной – луна.
В юртах под вечер звучит «Николай и Василий»,
лошадь уставшая, телетарелка и кот.
И разговоры о том, что поближе к России
нужно держаться, да Чёрный Бурхан не даёт.

Скворечник

В глубину кедровых досок
проникают гости –
нюхают колючим носом
древесину гвозди!

Беззаботная орава
влезла и затихла.
Толстый – слева, тоньше – справа...
Тьма, неразбериха!

Отряхнув собачью шапку,
мужичок ледащий
стружки жёлтые в охапку
сгрёб и бросил в ящик.

Закурил, расправил душу
и сказал соседу:
«Прилетят вот-вот. Послушай
воробьёв беседу.

Недовольны попрошайки,
что с утра капли
о скворцах щебечут байки,
словно ошалели!»

И пошёл скворечник вешать,
шлёпая по лужам,
как весны исправный леший,
птицам очень нужный.

Девушка из Уймона

Осень ждала Долина,
пахли дожди лимоном.
Даль ночную поила
девушка из Уймона.
Ключья брала тумана,
мяла в ладони узкой,
словно готовя манну
людям и трясогузкам.

Скрип у колодца слышен,
плеск воды и объятъя.
Это пришли напиться
вишни в лиловых платях.
– Девушка, дай нам Слово,
которым малые дети
украшить рога коровы
мечтают в память о лете!

Дай нам Зелёный Ветер,
рыскающий повсюду.
В списках живого света
числится он как чудо.
Если отдашь и сердце,
облик вернёшь далёкий.
Будешь в пруду смотреться
яблоней краснощёкой!

Девушка смотрит в поле –
видит коров и травы,
лошадь у водополя,
берег Катуни правый.
Девушка дарит вишням
сердце своё простое.

Полночь покоем дышит,
сказкою и луною.

Всё ей – филармония, всё ей – птичья грамота...

Спелая черёмуха – значит, песню спела.
Сам язык свидетель чуду у ручья.
Музыкой становятся, песней оробелой
аромат цветения, ягода ничья.
Крупная, с оскоминой, ветру говорящая
что-то из Бетховена – выдох или вдох.
А порой из Моцарта песня настоящая –
с болтовнёю справится и заглушит чох.
С нотною линейкою обручилась ягода,
си бемолем светятся чёрные бока.
Всё ей – филармония, всё ей – птичья грамота...
С ежегодной верою смотрит в облака.

Моя матушка в черешнях томик Пушкина читала...

Моя матушка в черешнях томик Пушкина читала.
Слышались живые речи. Громычала дверь вокзала.
Поезд шёл в Калугу, скорый. Промелькнул забор
кирпичный...
Из времён минувших Пушкин видел матушку отлично.
И читал её, как повесть, запивая крепким чаем...
Корешок блестел у книги, из кустов птенцы кричали.
Уж прочёл до середины, заскрипел плетёным креслом...
– Вам письмо, – сказал посыльный. И видение исчезло.

АЛЕКС МАНФИШ

НЕМНОЖКО «РЕТРО»

Почти двенадцать

Почти двенадцать. По Садовой,
В пустом трамвае – я, пострел,
Да эти двое. Он – ни слова,
Ее лишь голос плыл и пел.

Глушила легкая простуда
Тот голос, внятный в тишине:
«Я не спрошу тебя – откуда;
Скажи одно – что ты ко мне».

К их лицам трепетно тянулся
Фонарный отсвет вдоль окна...

«Иль это быль – что ты вернулся?
Иль это явь – что не одна?..

Но тем ли, тем ли мне гордиться,
Что я – единственный причал?...».
И вот плывут ее ресницы
К его опущенным плечам.

Тянулись к ней его ладони,
И был платок ее пухов...
Но я тогда еще не понял,
Что это – тема для стихов.

Ты ни в чем мне пока не ручаешься

Ты ни в чем мне пока не ручаешься,
И ни в чем тут ручаться нельзя.
Каждый день ты в метро мне встречаешься
И поспешно отводишь глаза.

Ты отводишь их, черные иссиня,
Да и я ведь тебя не смелей;
А потом ты – к перрону, вытискиваясь
Из разомкнутых настееж дверей.

А назавтра опять в гуле-гомоне
Будем рядом почти невзначай;
Но опять ты уйдешь, незнакомая,
Под платком пеленая печаль...

Что мне делать? Тушуюсь до жути я,
Пальцев дрожь – точно струн перебор...
Но однажды сказать «Провожу тебя»
Я сумею, всему вперекор.

Я скажу, и от слов тех отчаянных
Мы застынем, почти не дыша...

А потом твой перрон укачает нас,
Согревая, светя, мельтеша.

И пойдем мы вдвоем – в гуле-гомоне
И в знобящей тиши-тишине;
А потом, прошептав «Вот и дома я»,
Ты покажешь цветы на окне.

Пусть толкуют, по лавкам посиживая,
Пацаны по дворам-пустырям,
Что за клад я, нездешний мальчишечка,
В переулке твоём потерял.

Пусть меня стережет, кто отважится,
За кирпичной стеною глухой;
Пусть подругам твоим что-то кажется,
И тревожный совет под рукой.

Ты ответь не словами – молчанием;
А назавтра, идущих вдвоем,
Вновь листва, шелестя, укачает нас
В тихом-тихом районе твоём.

Пред заветным ликом листопада

Пред заветным ликом листопада
Унялась лучей горячих гроздь,
И платком из Павлова посада
Все вокруг теперь заволось.
Будь, погода, пасмурно-знобящей,
Жарким будь лишь чайник на плите.
Росплеск лужиц – к удали ребячьей,
Дождь – к надежде, осень – к доброте.
Мне ль не знать, сколь сладостно целебна
Красота полуночных широт?..
Чье-то сердце спящею царевной

В плащанице скорби оживет.
Ибо той ли скорби не созвучен
Плач червонокупольных осин?
И поймет, кто брошен, кто измучен,
Что не вечно будет он один.
И из далей тех туманно-белых,
Что сомкнулись с отмелью морской,
Возвестится странствующим – берег,
И забрезжит слабому покой.
Долетит до града свежий ветер
Из медвяно-ягодных лугов,
И поймет – не все мертво на свете, –
Побежденный в битве за любовь.
И уйдет кто юн, чей путь лишь начат,
Вновь – виновно-нежно, – в тишь с мечтой,
И в ее колени взор свой спрячет,
Зашептав о мечтанной о той...
Золотыми зернышками оземь
Дней своих я сыплю звон-капель.
Но уже шестнадцатая осень
Постучалась в жизнь мою теперь.
Мне ли жизнь из песен и дождинок
Не слагать, по улицам кружа?..
Не читают очи о судьбинах,
И не знает сердце мятежа.
Чуждо мне досель все то, что пели
Про недобрый хлад имперских пут.
Я приемлю града-колыбели
Лик, венец, преданье и уют.
Будто в плен, к дворцам крутоколонным
Мечет ветер хрупкую листву.
Только я ни чуждой, ни холодной
Тех дворцов красу не назову.
Мне она – навек едина с плеском

Колокольню-звездчатых лугов, –
Словно песнь про канувшее детство,
Светлый град и первую любовь.

Ты мне не был на свете предтечей

Ты мне не был на свете предтечей,
Не был сверстником или родным.
Ты – безвестный, чей шрам незалечен,
Чьею болью я странно раним.
Разомкнув несмышленные очи,
Ты по жизни орленком летел,
Но преданий ни Божьих, ни отчих,
Позабывших, узнать не успел.
Круто взрезав середку двадцатых,
Время жизни твоей повлеклось;
Что всходило, не чая заката,
То преданьем твоим нареклось.
Знал ты алые звезды и зори,
Знал о том лишь на свете мечту,
Чтобы не был никто обездолен,
Чтоб не в скорби земля, а в цвету...
Был ты целен, и жалом змеиным
Ни на миг не двоилась судьба:
Ты врага называл буржуином,
С красным знаменем мыслил себя.
Свято верил ты в дерзость полета,
В поступь гордую, в светлый стих;
И коварных сомнений тенета
Даже глаз не коснулись твоих.
Верил в то, что успело забрезжить,
Что взметенный вмещал окоем;
И как знать – может, первая нежность
На пути повстречалась твоим...

Но не знал ты о том, что в Берлине
Кто-то гибель тебе посулил;
И мелькнул средь июньской теплыни
Черный крест из-под черных крыл.
И у первой иль сотой заставы
Ты последний свой встретил огонь;
И челном в обожженные травы
Поплыла и уткнулась ладонь...
Ты заснул навсегда – мальчуганом,
Чьи мечты и желанья легки.
И роса над могильным курганом
Омывает чуть свет васильки...

Вот и вся твоя краткая повесть,
Плоть от плоти охаянных лет.
Хватит строк; не велит суесловить
Той эпохи не тающий след.
Той, что билась волною высокой
О крутой волнорез бытия;
Той, чью память проклясть за жестокость
Кто-то может теперь... но не я...
Ты мне не был предтечей – но все же
Мы единой стихии ростки.
Ты ей первенцем был; ты не дожил,
Пав в бою, до закатной тоски.
Я – из поздних. Не пору преддверий –
Угасанья застав тишину,
Ни во что я – прости мне, – не верил
И того не держал за вину.
Но когда улюлюканий шквалы
Мне слышны – вспоминаю и я,
Что звездою увенчана алой
Все ж была еще юность моя.
Вспоминаю – и сердцем сквозь топот,
Смех и свист ощущаю теперь,

Будто мчался на штурм Перекопа
И, израненный, пал средь степей...
Что высмеивать верность слепую?
Тот не слеп, чье вчера – не мертво.
Свист и топот? Да нет – это пули
В сердце прошлого моего...
Новой юности – новая данность;
Я – питомец угасших огней,
Пусть не веруя, верен останусь
Смолкшей песне – твоей... и своей.
Не преемственность – памяти пленка,
Давних кадров упрямая нить:
Кибальчиша в плену и «Орленка» –
Не проклясть. Не предать. Не забыть.

О ЖИЗНИ И... АНТИЖИЗНИ...

Мы из желаний наших состоим

Мы из желаний наших состоим,
Из памяти, из боли о неспетом,
Из старости грядущей, чьим приметам –
Сколь бой ни длись, – однажды все ж сдадим
Град плоти и души... И кто из нас
Не соткан — сколь ни вязнем в мелком вздоре, –
Из дрожи, что сожмет в комок подчас,
Когда услышишь вдруг о чьем-то горе...
Мы сшиты из боязни перемен,
Из страха, что в конверте похоронка,
Из вымотанных нервов, жил и вен,
Что изнурила бешеная гонка.
И час ночной – за то благословен,

Что нам дает подобье передышки.
Как здорово, что гасятся огни!
Закрой глаза, поспи, опередивший;
И не успевший – тоже отдохни!
Забудь, что слаб, забудь, сколь мир жесток к нам;
И сны твои да будут про любовь.
Ты из нее – не правда ль? – тоже соткан;
О, если б, словно рекам малым в Обь,
В нее любой досаде, боли, грусти
Вливаться – и когда бы всем нам в ней
Найти исток, вместилище и устье,
И щит, что стен стобашенных прочней!..
И все же самым истинным, извечным
О нас, о тех, кто жил и кто живет,
Всегда пребудет образ – некто ль, нечто ль, –
К кому... к чему стремимся... и вот-вот
Получим! Тех несбывшихся «хотелок»
Волшебный свет по всем путям земным
Нам в душах – и ребяческих, и зрелых, –
Носить всегда. Их отблеск негасим:
Сколь ни было б то встреч, то перестрелок, –
Мы из желаний наших состоим.

Сонет

Я видел тех, чья память ожерельем
Былых успехов светит и звенит,
Кто день текущий чувствует весельем
И в завтра взор уверенно стремится.
И тех я знал, в чьи мысли черным зельем
Сочится память страхов и обид,
Чью душу день сегодняшней томит,
Чье завтра предстает глухим ущельем.
Их жизнь – не жизнь. Ведь в ней, топча закон,

Свирепствует судьба – немой дракон;
А кто живет? Лишь тот, кто цепкой дланью
Швырнуть к своим ногам сумел судьбу –
И превратить в покорную рабу,
В свершительницу каждого желанья.

Сказание о лишнем человеке

*Боже мой! Целая минута блаженства! Да разве этого
мало хоть бы и на всю жизнь человеческую!..*

Ф. М. Достоевский. «Белые ночи»

...И пряников, кстати, всегда не хватает на всех.

*Булат Окуджава. «В поход на чужую
страну собирался король»*

Он жил и страдал – и во чреве земных потемок
За счастьем бежал, как за ниткой бежит котенок.
Бежал он – и кончика нити порой касался,
И в эти мгновения раем весь мир казался...
Но, зло хохоча, как гиена перед жратвою,
Злых сил властелин, истязаящий все живое,
Когтистою лапищей смрадною от блаженства
Отшвыривал прочь... и, садистской потехи жертва,
Метался он снова, бессильный клубочек праха,
В проклятом капкане из боли, обид и страха.
И месяцы муки расплатой не раз бывали
За краткие радости, чьи лепестки увяли...

Он жил – и пред взор его, словно из пены лебедь,
Явилась мечта; не устал бы ее лелеять
Всю жизнь; и, забыв о капканах, в которых бился,
Он к ней, окрыленный надеждою, устремился,
Точь-в-точь мотылек, что не знает, глупыш крылатый,
Летя на огонь, про безмерную боль расплаты.

Он к ней устремился, он счастье нашел земное;
Но встали преграды пред ним крепостной стеною.
И взять, что мечталось, не смог он легко и быстро,
А долго сражался за то, чтобы счастьем сбыться.
Он знал, что из зернышка долго расти побегу,
Он, словно кузнец терпеливый, ковал победу.
Как беглый острожник, что в схватку вступил с волнами,
Устал он... и все-таки поднял победы знамя!

И бережно он прикоснулся к награде хрупкой,
И радость земную испил из золотого кубка!
Испил ее гордо, себя записав в счастливец,
И думал беспечно, что радость навек продлится...

Но дьявол, решив, что хорошего понемножку,
Загнал его снова, как битой пузатой блошку
В коробочку круглую (в детской игре настольной),
Туда, где обидно, туда, где безмерно больно.

И коготь судьбины победу, чей вкус так сладок,
Рванул, словно нитку из лапок котенка слабых...
Вселенское зло, облизнувшись стозубой пастью,
Клыки обнажило; не быть торжеству и счастью,
А быть злополучному вновь в роковом капкане,
В чугунных силках несбывающихся желаний.
За краткую радость отмщается вновь геенной,
И душу живьем пожирает опять гиена...

Вот строки о том, кто родится на свет с печатью
Таинственной, имя же ей – недоступность счастья.
Затиснувшись в очередь ту, что за сладкой долей,
Он будет опознан: «Тебе – в кладовую боли».
Пугливо ладонь устремив, чтоб черпнуть уюта,
Он будет отогнан: «Недуги не здесь. Ты спутал».
Любви он возжаждет – но в уши ударит посвист
Насмешливый: «Вам – одиночество. Ставьте подпись».

Он тот, чья на елке не выстрелила хлопушка,
Он тот, чья в сраженьях короче других кольчужка.
Он тот, чья любимая – шалым купцам потеха,
Чьи письма читают, впрысая крутятся от смеха.
Отважен иль робок, душою велик иль скуден,
Он мечен судьбиной – ему торжества не будет,
А будет котенком бежать он за ниткой тою,
И тысячу раз обернется мечта тцетою.

Премудрость вбирая, я urbis склонял и orbis,
Татьяны письмо я учил и Наташи образ.
Но глубже мне в душу запало навек другое –
Как в пламя летел тот солдатик с одной ногою,
Как белою ночью рука опустела снова,
И Настенька – с тем, чьи легки и победны зовы,
Как глупый Карандышев пулей вершил вендетту,
Как ждал Жан Вальжан, умирая, свою Козетту.

Зеркальный карп

Шпили по моде заморской
Спрятал заснеженный парк.
За парком, в реке замерзшей,
Плавал зеркальный карп.
Был так этот карп зеркален –
Хоть к свадьбе в него смотришь...
В Каменке, за Озерками,
Он плавал – природы каприз.

Ударило счастье рыбачье
Ветром попутным в шарф.
Близ проруби, на рубашке,
Забился зеркальный карп.
Забился, исторгнут мгновенно,
Быстрее, чем сиг сиганул,

В пучину антивселенной,
В разреженных атомов гул.
И, выдернут зябкой ранью
Из мира, чьи ведал пути,
Он не исполнил желанья
И не просил: «Отпусти».
Не понял, куда ж они делись –
Мшанки, мальки и рачки, –
И что ж там желтеет, целясь
В познавшие ужас зрачки.
Не знали инстинкт и память
Про мир, где нельзя дышать –
Лишь дергаться можно покамест
Да муку удушья вкушать.
Он дергался каждой пластинкой
Под мерный метельный свист –
И стих, не сподобясь постигнуть
Тех судорог высший смысл.
И рыбка, что завтра клюнет,
Тот смысл не поймет никогда...
А он очень прост: ее любят
(Глагол вроде тот, господа?..)

Что ж, карпово – карпу. Сказанье –
Для тех, что б ни думали вы,
Кто учит, что в мире страданье
Сам Бог попустил – по любви...
Ложь! Силы, что смертного жаждут
Швырнуть в антикосмос невзгод,
Нас любят (здесь мат трехэтажный),
Как жирную рыбку кот.
Они в нашей боли, как в пене,
Готовят (ненорматив...)
Шашлык из душевных движений,
Из страха с обидой рост-биф.

И в этом гурманстве (три точки...)
Не Божия грань бытия –
Иная... Не верю я, Отче,
Что боль на земле – от Тебя!..
Эх, славящий муки надрывы,
Чрез кои постигнется суть, –
Слабó с точки зрения рыбы
На действие рыбалки взглянуть?..
Эн-Бэ. Запускайте ботинком,
Но знайте, mesdames et messieurs,
Что ужинал килькой балтийской
Писавший сказанье сие.

ПОЛУИТОГИ

Бросив взгляд на прах воздушных замков

Бросив взгляд на прах воздушных замков,
Отвернусь, не чувствуя вины.
Я устал безмерно, несказанно,
Я ищу не блеска – тишины.

И речной воды обыкновенней
То, в чем вижу ныне благодать.
Добрый Боже! Дай отдохновенья!
Сделай так, чтоб больше не страдать!

Не гоюсь я в сказочные принцы,
Белый конь не будет взнуздан мной:
Мне бы только с Божия мизинца
Не сорваться в космос ледяной...

Хватит страха, Боже, хватит боли –
Слабых плеч услышь безвольный хруст!

Я устал и жажду легкой доли,
И клянусь обид житейских груз...

Что сказать мне хочешь, Вседержитель?
Знаю сам, что все в Твоей руке;
Знаю сам – хрупка моя обитель
И подобна дому на песке.

Знаю сам: лишь Ты и страж, и зодчий,
И целитель ран, и свет в ночи;
Так зачем, к чему Твой искус, Отче?
Вот он я! Веди... спасай... лечи!

Забери игрушку – призрак воли:
Воля – блажь. Хваленый выбор – слеп!
Я хотел бы спрятаться от боли,
Я устал и жажду на прицеп.

Так приди ж, направь челнок мой утлый
Мощной дланью в светлые края!
Я согласен быть живою куклой –
Мне нужна лишь бережность Твоя!

Я меняю поиска безбрежность
И свободы хищную звезду
На души уставшей безмятежность,
На нектар и яблоки в меду!

Яд познания вытоплю из сердца –
Пусть над тайным тайна почитет...
Прочь от бурь! Прими в единоверцы,
Сладкозвучный райский ручеек!..

Я вовек, поверьте, не притронусь
К древу скорби, к пагубным плодам!
Чтоб вернуть душе незамутненность,
Я и смысл, и истину отдам!..

Частица «не»... О, мудрая частица!

Я теперь скромнее стал в желаньях...

Есенин

Частица «не»... О, мудрая частица!
Чем мы взрослей, чем тише сердца стук,
Тем чаще говорим «Да не случится»,
Тем реже восклицаем «Вот бы вдруг»!
Шепчу я: «Жизнь, желанья исполни...» –
И все же, зрелым разумом храним,
Тому, что было, молвлю «Не умолкни»,
Тому, что есть, скажу «Не будь иным».

Светлой вести ль победной чая

Светлой вести ль победной чая,
стих под грудью ль в ночи качая,
Вспоминаю, что, пусть не насмерть,
и на ком ни была б вина,
Черной пулей житейской были –
пусть лишь наискось, не навывлет, –
Был задет... и восходит боли
непогасшая купина.
И птенцом, что в грозу похищен,
сердце путь к колыбели ищет.
В плен сдается оно былому,
чей росток не успел взойти;
Я корабль, потерявший снасти,
я осколок советской власти,
Я ищу имена и лица
тех, кому не сказал «прости».
И, совлекшись, спадает полог,
и, зажегшись, не меркнет всполох,

И вот-вот все начну сначала,
  чтоб, ни рубчика не тая,
Серебристой кремлевской елью
  иль пречистой росой-капелью
Перед очи твои предстала
  белым-белая жизнь моя.
Чтоб мечтаньям не сгинуть втуне,
  чтобы в том выпускном июне
Ты ладонь мою взять решилась,
  хоть всегда я робел с тобой,
А потом сквозь туман и гомон
  поглядела вослед вагонам
И из диких краев песчаных
  в светлый день дождалась домой.
Но не так, но иначе случилось, –
  вдаль умчался бел-тонок парус,
И – уже не млад-весел колос, –
  навсегда я останусь тем,
Кто, и крылья сумев расправить,
  был не в силах полет возглавить,
Кто ни крест не сожмет, ни скипетр
  ни скорбя, ни когда взлетел...
С жизнью можно ль сыграть в орлянку?
  Вожаком не бывать подранку.
Пусть журавлик других не хуже,
  но в осенней тиши дорог
Он не путь пролагает клину,
  а тревожно глядит в низину,
Он тревожной охвачен думой –
  не таится ли там стрелок...
Что ж... кто знает, что в мире благо!
  Не добыл я венца и стяга,
Но отмечен я даром слова,
  повелевшим: цели и рань!

И, пусть била нет-нет кручина,
но лелею я дочь и сына,
И любви золотая жила
мне открылась, лаская длань.
И, пускай посулила зрелость
боль о том, что в свой срок не спелось,
И о том, что в висках снежинкам
не растаять уже весной, –
Мне не надо, чтоб все сначала!
Ведь приветны гудки причала,
И дитя на руках смеется,
и подруга моя со мной.

ЕЛЕНА ШЕЛКОВА

ХОККУ

***

Первый щедрый дождь
Ад лета уже прожит
Наконец осень

***

Круги по воде
Я утопила с болью
Воспоминанье

***

Все вокруг чуждо
И только капли дождя
Напомнят о доме

***

Пустая дорога
Одинокая тень
Слабо темнеет

***

За темным окном
Дождь до утра не стихнет,
Множа печаль.

***

Полная луна
На бездомных скитальцев
Молча взирает

***

Беспощадное солнце
Одинокая птица
Выжженная трава

Старая актриса

Расплавился грим
Смолкли аплодисменты
Дома ждет кошка

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ИЗ РЕДЬЯРДА КИПЛИНГА¹⁰

Редьярд Киплинг

Переводы АЛЕКСА МАНФИША

Легенда об истине (A Legend of Truth)

Однажды – так гласит старинный сказ, –
В наш мир из глубей Истина взнеслась,
Но, в ужасе пред царством лжи земной,
В юдоль свою, чтоб вновь пребыть одной,

---

¹⁰ Оригиналы – см. по адресам:

https://en.wikisource.org/wiki/Author:Rudyard_Kipling/Poetry;

https://www.poetryloverspage.com/poets/kipling/kipling_ind.html

Вернулась, лик сокрыв свой, словно клад,
И тщетно вопрошал о ней Пилат,
И Галилей, отрекшись, не узрел,
Правдив иль нет закон небесных тел.
Но труд в миру меж тем ее сестра,
Фантазия – усердна и щедра, –
Вершила весь, и более, чем весь;
И позабылось – Истина не здесь.

Но час Войны – час газа, бомб, мортир, –
Взмыть Истину опять заставил в мир.
И сквозь обломки, кровь, тряпье, металл
Ей образ неких зыбких крыл предстал.
Их остов тряся, жалок, нем, убог,
Предвозвещающая страшных дел поток.

Приветный зов услышав, не восстал
Тот призрак, а, дрожа, стопы объял:
«Спаси! Я, заместив тебя, сестра,
Служила людям, слова и пера
Просившим – чтобы путь прославить свой;
И не звучал протест ни их, ни твой!
Но там, среди язвой выжженных полей,
Где божество и изверг – сын людей, –
Мне крах! Трудись сама на ниве сей!»

И – прочь бежать, отдав перо и власть;
И летопись войны с тех пор велась
Лишь Истиной. Направив слух и взгляд,
Вместить она пыталась черный град
Тех дел, о коих шепот иль намек –
Не то что повесть, – кто б измыслить смог?..
Но каждый день и миг ту бездну зла
Ей подтверждал. «То ложь!» – она рекла.
«Нет – явь! – пришел бесстрастный отклик ей, –
И меньше, чем пол-яви, коль точней!»

И вот, себе отчаясь доверять,
Зовет она: «Сестра! Приди опять!
Вмещу ль одна все то, что бьет чрез край?
Приди и помощь истине подай!
Венец и власть со мною раздели
Ты – что стократ нужней сынам Земли!»

Один из тысячи (One Man in a Thousand)

Есть меж тысячи душ – так сказал Соломон, –
Тот, кто брата родимого ближе.
И не жаль половины отпущенных ден,
Коль найдется: успеи же, найди же!
Девяти, девяноста и девятистам
Столь ты нужен, сколь признан толпой;
Но тот тысячный – зов упреждая твой, – сам
Против всех встанет рядом с тобой.

Где ту душу найти? Хоть к обетам, хоть к снам
Прибегай, – что укажет к ней вехи?
Девяти, девяноста и девятистам
Столь ты нужен, сколь множишь успехи.
Но коль встретитесь все ж – ты и тысячный тот, –
Пусть весь мир грянет гибельным градом,
Ибо в буре любой, коль тебя не спасет,
Он утонет с тобою рядом.

Из его кошелька ты возьмешь не смутясь,
Он не спросит, казну твою тратя;
И не будете думать, беспечно смеясь,
День спустя, о долгах и возврате.
Девяти, девяноста и девятистам
Служат в деле то фунт, то сестерций;
Но всех кладов надежней тот друг, чьим рукам
Смело вверишь все, что на сердце.

Его ложью ты лжив, его правдой ты свят –
В час урочный и если неожиданно;
И иных нет причин – чей ни судит вас взгляд, –
Встать бок о бок и станом к стану.
Девяти, девяноста и девятистам
Чей-то суд, чей-то смех – свыше силы;
Но тот тысячный – рядом пойдет к палачам,
Дальше плахи и глубже могилы.

За нашу суть и статью (For All We Have and Are)¹¹

За нашу суть и статью,
За жизнь любимых чад –
Восстаньте бой принять:
Мужайтесь – гунн у врат!..
Стихий нещаден блуд;
О мир! Тебе конец!
Из пустоты грядут
Сталь, пламя и свинец!..

Мир пал – но не завет
Что был дарован встарь:
В плащ мужества одет,
Всей мощью рук – ударь!

Вновь слышен сквозь века
Постылый старый стон:
Свирепый взмах клинка –
Вот весь земной закон!
На рать миллионы душ
Тот властный клич воздвиг.

---

¹¹ Это стихотворение-гимн написано в самом начале Первой Мировой войны.

Рази, пленяй и рушь
Врага, что лют и дик!..

Уют, мечту, напев –
Веков и тщаний плод, –
Поглотит ночи зев,
Но строй наш не прорвет.
Мы – не страшась чреды
Бесстыже горьких дней, –
Безмолвием тверды,
Противостанем ей.

Мир пал – но не завет,
Что был дарован встарь:
В плащ стойкости одет,
Всею мощью рук – ударь!

Прочь лживых грез угар!
Тот выстоит в бою,
Кто жизнь приносит в дар,
Одну лишь – но свою.
Наш бой – на всех един,
И Англия – одна,
Чей жив – не смертен, – сын,
Доколь жива она.

Раб, завладевший царством (A Servant When He Reigneth)

*От трех трясется земля, четырех она не может
носить: раба, когда он делается царем; глупого, когда
он досыта ест хлеб; позорную женщину, когда она
выходит замуж, и служанку, когда она занимает место
госпожи своей. (Притчи Соломона, 30, 21-23)*

Три зла поколеблют землю,
Четырех не подъять ей зол.

Агур¹² благочестный их древле
В божественной книге счёл.
Четыре названы старцем
Проклятия на земле;
Но раб, завладевший царством, –
Стал первым в их числе.

Служанка – пускай матроной
Станет, – нужна ль для дел?
Глупец, отбивных наевшись,
Глядите – и захрапел.
Блудившей, коль стала женою,
Открыт материнства путь;
Но если холуй на троне, –
Всё ввергнется в крах и муть.

В труде его руки медлят,
В разгул он пускаться скор.
Он, здоровым речам не внемля,
В час свар языком остёр.
Лишь в том, чтоб кичиться силой,
Видит он смысл венца,
И слышен ему лишь довод
Согласного с ним льстеца.

Когда, воцаренья не чая,
Себя он слугою звал,
То именем властелина
Себя от вины прикрывал.

---

¹² Агур, сын Иакеев – мудрец, чьи изречения цитируются в 30-й главе Притчей Соломоновых (стих 1: «Слова Агура, сына Иакеева. Вдохновенные изречения, которые сказал этот человек Ифиилу, Ифиилу и Укалу».)

И ныне, на край свой бездумно
Навлёкши пучину бед,
Раб в царском венце слагает
С себя на других ответ.

Он щедро наобещает,
Но связан он в жизни сей
Не словом, не верой – лишь страхом
Пред низостью слуг-друзей.
И чернь, что вокруг, научит –
О долге забыть пора б!
О, если холуй на троне, –
Он всемеро больший раб!

Перевод ЭЙТАНА АДАМА

Ты
(If)

Ты будешь хладнокровен во смятенье,
В дыму пожарищ и на тонком льду;
Во мраке клеветы и обвинений
Ты из-за туч узришь свою звезду;
Ты не ответишь злобою на злобу,
Ты будешь ждать, не уставая ждать,
Не будешь восхвалять свою особу
И, слыша ложь, в ответ не будешь лгать;

Ты не отдашь всего себя мышленью;
Мечтая – не уступишь явь мечтам;
Ты встретишь поражение и свершенье
Как подобает этим двум лжецам;
Не удивишься, видя, как облиты
Твои слова слюною подлецов,
А коль плоды трудов твоих разбиты,
Ты снова склеишь их из черепков;

Поставишь заработанное кровью,
Не ведая, как шулер тасовал,
И, проиграв, не поведешь и бровью
И вновь начнешь, как прежде начинал;
Ты растеряешь в битве и в дороге
Мечту, надежду, сердце, силу, стать,
Но встанешь на отнявшиеся ноги,
Когда лишь Дух приказывает: «Встать»;

В толпе ты не смешаешься с толпою,
Не будешь ждать подачек от царей;
Ничья рука не справится с тобою,
Будь то рука врагов или друзей;
Услышав звуки судьбоносной лиры,
Ты каждой нотой подстегнешь свой бег, –
Тогда ты станешь властелином мира,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!¹³

Переводы ИРИНЫ ЯВЧУНОВСКОЙ

Цыганский путь (The Gipsy Trail)

Найдет мотылек молодой цветок,
И клевер найдет пчела, –
Цыганка за милым – их путь далек –
То свет, то ночная мгла.

Покуда земля летит из-под ног,
Покуда верна тропа,
Цыганка не разбирает дорог –
Цыганку ведет судьба.

---

¹³ Последняя строка взята из перевода М. Лозинского.

Где табор кострами леса обжег,
Во тьме, в дорожной пыли,
Цыганка за суженым – путь далек.
Рассвет на краю земли.

Вот боров нырнул в болотную топь,
Журавль угодил в тростник, –
Бродяга среди нехоженных троп
С бродягой идти привык.

Пятнистый змей пропал среди камней,
С оврагами слился лось,
Цыганка с цыганом – и нет верней!
Под ливнем, под светом звезд.

Судьба позовет и тропу оборвет,
Раскинет морскую гладь.
За другом подруга – вперед, вперед,
Хоть мир повернется вспять.

Цыганский знак их отыщет вновь:
По звездам пойдут корабли.
За кровью цыганской цыганская кровь
Умчится на край земли.

Цыганский знак в тот край позовет,
Где ветер большой рукой
Вздымает волну и гоняет лед,
За айсбергом – путь морской.

По знакам цыганским в туман густой –
На запад, на юг, на восток,
Где Бог большой золотой метлой
Разгладил, как шелк, песок.

Цыганский знак им укажет причал,
Где вечер с зарей слились,

Где парус, качаясь в косых лучах,
Глядит в голубую высь.

За ветром ястреб уйдет в полет,
Олень диким чащам рад,
А сердце Его к Ее сердцу прильнет,
Как было сто лет назад.

И сердце Его к Ее сердцу прильнет...
Мерцают огни вдали.
Земля под ногами у них плывет –
Рассвет на краю земли.

Предрассветный ветер. Пятнадцатый век (The Dawn Wind. The Fifteenth Century)

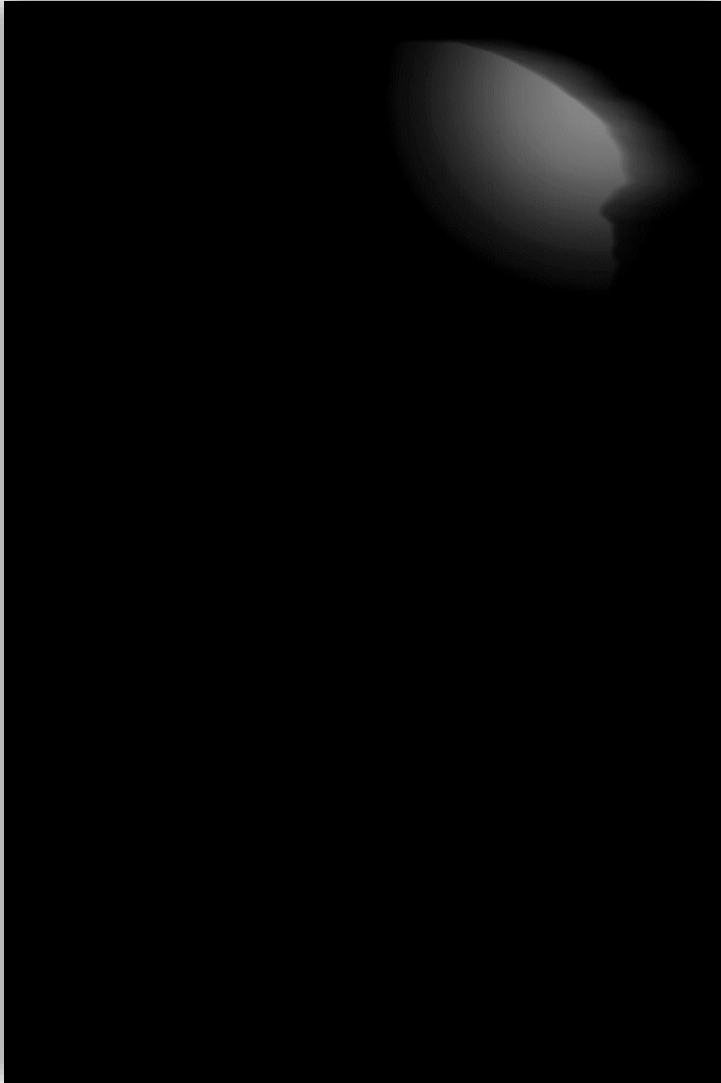
Если ты в два ночи окно распахнешь, послушай:
Поступь Ветра все громче, шагает за солнцем он.
И ты чувствуешь – ночь уйдет и рассвет потушит
Лунный блеск, шорох ночи и шелест тенистых крон.

На лугах коровы жуют – тоже ждут рассвета,
Пробуждаются птицы в плюще, начиная петь.
И не спится Ветру – спешит, он идет по свету,
Гонит ночь вдоль дорог, расколов о земную твердь.

Крылья ветра, что крылья ангела, крепче, крепче.
Вот он солнце зовет: – Свети нам! Свети! Мы тут!
Льется свет на поля, и птицы поют, щебечут.
Умер Ветер в траве, сделав день, завершив свой труд.

Когда мир в безнадежном сне, как в цепях недуга,
В сновиденьях тяжелых бормочет и стонет он,
Люди встанут вдруг, улыбнутся они друг другу
И услышат оков разорвавшихся долгий звон.

Наоми Адмиралски. ONE WAY ROAD (Рисунок)

БОРИС ГОДИН

ИЗ ЛЕОНАРДА КОЭНА – ПЯТЬ ПЕСЕН

Леонард Коэн

В танце до конца любви

*Мы клянемся, что будем вместе в болезни и в здравии,
в богатстве и бедности, пока смерть не разлучит нас.*

Из обряда свадебной литургии

Мы с тобой танцуем под пылающий оркестр,
Мы с тобой вдвоем, и нету никого окрест.
Страха больше нет, и только ритм у нас в крови,
В танце до конца любви,
В танце до конца любви.

Все уже ушли, здесь только мы с тобой вдвоем,
Нет нужды стыдиться, ты не думай ни о ком.

Я прошу, доверься мне, чтоб слиться мы смогли
В танце до конца любви,
В танце до конца любви.

Свадебный наш танец повторяем без конца,
Сплетены тела и в унисон поют сердца,
Страсть и нежность вместе – ведь они у нас в крови,
В танце до конца любви.
В танце до конца любви.

Будущие дети, что хотят увидеть нас –
Сквозь завесу дыма мы глядим на них сейчас.
Под шатром иллюзий мы с тобой приют нашли,
В танце до конца любви.

Мы с тобой танцуем под пылающий оркестр.
Мы с тобой вдвоем, и нету никого окрест.
В бесконечный танец за собою позови,
В танец до конца любви.
В танец до конца любви.
В танец до конца любви.

Кто от огня...

И кто от огня,
    и кто от воды,
Кто при солнечном свете,
    кто в ночной тьме,
Кто в страшных муках,
    кто просто уснул,
Кто в цветущем мае,
    Кто тяжело и медленно,

И кто
    нас туда
        зовет?

И кто в одиночестве,
    и кто под «крэком»,

Кто в царстве любви,
    кто от удара,

Кто в лавине,
    кто в болоте,

Кто от обжорства,
    кто от голода,

И кто
    нас туда
        зовет?

И кто как храбрец,
    и кто случайно,

Кто в одиночестве,
    кто перед зеркалом,

Кто от своей женщины,
    кто по своей воле,

Кто в смертельной ловушке,
    кто в расцвете сил,

И кто
    нас туда
        зовет?

И кто от огня,
    и кто от воды,

Кто при солнечном свете,
    кто в ночной тьме,

Кто в страшных муках,
    кто просто уснул,

Кто в цветущем мае,
    Кто тяжело и медленно,

И кто
    нас туда
        зовет?

Ты хочешь тьмы

И если Ты – главный,
То я – вне игры.
Сейчас Ты Целитель,
И, значит-я сломан.
Тебе – восхваленье,
Мне – горечь стыда.
Ты хочешь тьмы-
Мы гасим пламя.

Грозный, Освященный,
В вечном Имени своем.
Оклеветанный, замученный
В теле людском.
Море огней за помощь,
Которую все еще ждем.
Ты хочешь тьмы.

*хинени, хинени*¹⁴,
Господь, я готов.

Любовь есть в рассказе –
Сценарий давно не нов.
Странно, но страдания –
Хороший сюжет для снов.
Так сказано в Писании –
Это не набор слов.

---

¹⁴ *хинени* (иврит) חִנְנִי – «Я здесь» или «Вот я»; первая буква произносится как украинское «г» или не произносится вовсе.

Ты хочешь тьмы –
Мы гасим пламя.

Вот пленные построены,
И готовы стрелки.
Я бился с чертями –
Были приручены они.
Я не знал, что мне можно
Их убивать и пытаться.
Ты хочешь тьмы.

хинени, хинени,
Господь, я готов.

Грозный, Освященный,
В вечном Имени своем.
Оклеветанный, замученный
В теле людском.
Море огней за помощь,
Которую все еще ждем.
Ты хочешь тьмы –
Мы гасим пламя.

И если Ты – главный,
Дай выйти из игры.
И если Ты Целитель,
То сейчас я страдаю.
И если слава Тебе –
Мне остался позор.
Ты хочешь тьмы.

хинени, хинени
хинени, хинени,
Господь, я готов.

хинени,
хинени, хинени,
хинени.

Показалось, что это лучший путь

Мне изменило жизнь
То, что услышал я:
Уже я слишком стар
Быть грушей для битья.

Был этот новый путь
На правду так похож.
Он был таким вчера,
А нынче это ложь.

Вчера не знал я то,
Что ясно мне теперь:
Сперва он пел любовь,
А после славил смерть.

Был этот новый путь
На правду так похож.
Он был таким вчера,
А нынче это ложь.

Мне лучше замолчать
И спрятаться в тени.
Молитву вознести,
Колени преклонив.

Мне изменило жизнь
То, что услышал я:
Уже я слишком стар
Быть грушей для битья.

Был этот новый путь
На правду так похож.
Он был таким вчера,
А нынче это ложь.

Мне лучше замолчать
И спрятаться в тени.
Молитву вознести,
Колени преклонив.

Иди своим путем

Мимо мшистых развалин свой долгий путь проложи,
Мимо мифов забытых и Эверестов свежей лжи,
Мимо чистых дворцов, что стоят средь вонючих руин,
День за днем, год за годом, без отдыха.
Иди один.

Мимо банальностей, в которые ты так верил вчера,
Вроде чистой жизни без лжи и быстрой победы добра,
Мимо милых дам, нежных дам, которых ты просто купил,
День за днем, год за годом, без отдыха.
Иди один.

Мимо боли в душе, что давно изнуряет тебя,
Что уничтожила твой мир, всех, кто вокруг, ослепя.
Иди один, без спутников, по трудным дорогам твоим.
День за днем, год за годом, без отдыха
Иди один.

Камни древние плачут,
Стонут горы, что без вершин.
Гибли защитники дома,
Мы мрем за дешевую жизнь.
Как прощенья просить, ты давно уже позабыл.
День за днем, год за годом, без отдыха,
Иди один.

Так веди меня, сердце, хоть не дали мне права спросить,
Где ответ у задачи – ее никто не смог решить:
Когда придет его час и навсегда закроются глаза.

День за днем, год за годом, без отдыха.
Иди один.

Башни старые плачут,
Стонут горы, что без вершин.
Гибли защитники дома,
Мы мрем за дешевую жизнь.
Как прощенья просить, ты давно уже позабыл.
День за днем, год за годом, без отдыха.
Иди один.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Песня «Вместе до конца любви» [**Dance Me to the End Of love**] написана в 1984 году и является одной из самых знаменитых песен Леонарда Коэна.

Хотя "**Dance Me to the End Oflove**" построена как песня о любви, на самом деле она была вдохновлена Холокостом.

В радиоинтервью 1995 года Коэн сказал:

«Любопытно, как начинаются песни, потому что происхождение песни, каждой песни, имеет своего рода зерно, то зерно, которое кто-то передает вам или мир вручает вам, и поэтому процесс написания песни так загадочен.

Но это произошло из-за того, что я просто слышал, читал или знал, что в некоторых лагерях смерти, рядом с крематорием, играл струнный квартет, пока происходил этот ужас. Это были люди, чья судьба также была такой ужасной. И они должны были играть классическую музыку, пока их сокамерников убивали и сжигали.

Итак, эта музыка, "Dance me to your beauty with a burning violin", означает, что ее красота является завершением жизни, концом этого существования и

страстным элементом в этом завершении. Но это тот же язык, на котором мы отдаемся любимому [или любимой], поэтому эта песня – не важно, чтобы кто-нибудь знал ее происхождение; потому что, если язык исходит из этого страстного источника, он сможет охватить деятельность всех страстных людей.»

Источник: Википедия (англ.):

https://en.wikipedia.org/wiki/Dance_Me_to_the_End_of_Love

Ссылка в YouTube:

<https://youtu.be/NGorjBVag0I>

2. Песня «Кто от огня...» [**Who by Fire**] написана в 1974 году и вошла в альбом "**New Skin for Old Ceremony**". Текст песни навеян воспоминаниями Коэна об услышанном в синагоге пиюте (религиозном гимне) «У-нтане Токеф», написанном приблизительно в 12-м веке и исполняемом в утренних службах Рош-ха-Шана и Йом-Киппура.

Ссылка в YouTube:

<https://youtu.be/251Blni2AE4>

3. Песня «Ты хочешь Тьмы» [**You Want It Darker**] – заглавная песня последнего прижизненного альбома Леонарда Коэна. Альбом носит то же название, что и первая песня (всего песен 9). Выпущен 29 октября 2016 года, за 17 дней до смерти певца, последовавшей 7 ноября 2016 года.

Ссылка в YouTube:

<https://youtu.be/v0nmHymgM7Y>

4. Песня «Показалось, что это лучший путь» [**It Seemed the Better Way**] вошла в последний прижизненный альбом Леонарда Коэна (см. выше п. 3).

Ссылка в YouTube:

<https://www.youtube.com/watch?v=0nyMrjGX2vk>

5. Песня «Иди своим путем» [Steer Your Way] вошла в последний прижизненный альбом Леонарда Коэна (см. выше п. 3).

Ссылка в YouTube:

<https://www.youtube.com/watch?v=qM71N3TchfQ>

ФЕЛИКС КУПЕРМАН

Письмо Карла Герхарда

Перевод этого письма принес мне в редакцию радиостанции «Восток» бывший директор северного оленеводческого совхоза. По его словам, записка была найдена на Кольме в каменной пещерке пастухом, и тот многие годы ее хранил, боясь кому-либо показать. Оригинал, каким я его видел, был изрядно пожелтевший листок в застекленной рамке. Густо исписанный карандашом на немецком. Все попытки найти кого-либо по указанным в этом предсмертном послании координатам – пока безуспешны. Может быть, это удастся вам?

Дорогая Гизелла, я умру сегодня или завтра. В каменной щели, куда я залез, так холодно, что пришлось развести костерок из нижней рубахи, чтобы пальцы удерживали карандаш.

Помнишь ли ты мои руки, когда они гладили твои розовые нежные щечки? Теперь они черные и холодные, как земля. Из всех близких – ты мне ближе всех. Ты близкая, как сам Бог. И я в мыслях путаю ваши образы. Поэтому я пишу тебе, хотя знаю, что ни ты, никто другой не найдут и не прочитают мое письмо, кроме Бога. Но Бог услышит сам и поможет услышать твоей душе мои последние мысли на этой земле, в этом мире. Я день и ночь молюсь об этом, хотя здесь день и ночь одинаковы.

Все последние черные годы моя память была с тобой, с дядей Гельмутом, хозяйкой «Черного дракона» Бертой, и со всей красотой далекого прошлого. Разве об этом напишешь, так как хочется...

Мы передали Советам все, что они хотели о Вестерплатце, о «гноме», о радистах из Стокгольма. А они, когда удовлетворились, арестовали нас как шпионов. Чьих? Мы же на них работали, на коминтерн.

Вместе со мной взяли антифашистов Штинберга и Яна Хлыску. Их быстро расстреляли. А меня отправили зачем-то скитаться по лагерям. Потом попал на Колыму, как здесь говорят.

Слышал я, что коминтерн восстановлен. Если так, то помоги тебе Бог снова не перешагнуть порог этого вертепа. Только Бог наше спасение, а не Розен, партайгеноссе.

Чтобы еще писать, сжигаю последние свои пожитки. Каменная нора полна дыма и охрана найдет меня по запаху. Да и пусть. Все равно моя жизнь вот-вот кончится от пули или от холода.

Нас везли тракторами по руслу Делянкира на урановый рудник Сугук. Двадцать суток по камням и воде. Оба катерпиллера сломались около озера Марка. И в этот же день, 12 июля, неожиданно пошел снег и идет 10 дней, или больше – давно не считаю время. Конвойные съели свои пайки, потом овчарок, потом отобрали все наши объедки, а нас самих стреляют и бросают в озеро Марка. Чтобы не отвечать и чтобы никто ничего не узнал. А, может, так и было задумано... Некоторые попрятались или просто затерялись в снегах и замерзли. А кто еще не замерз, того стреляют и привязав камень, бросают в озеро. Или просто запикивают булыжник мертвецу в штаны. Конвой, когда убьет всех 70 заключенных, пойдет пешком на Сугук, если растает снег. А не растает, – сдохнут, как и мы, только потом.

Неделю назад в числе первых убили моего друга и брата по вере бывшего американского летчика, взятого потихоньку НКВД в Полтаве. Американцы челноками летали из Африки в Полтаву и обратно. Бомбили Плоешти.

Его звали Генри Мерилл. Он из Сизтла. У него там отец, мать и сестра Элизабет, твоих лет. Содержат стоянку для яхт. Он мне рассказывал, что учился вместе с каким-то самым знаменитым американским летчиком Уиллером.

Еще я помогал мадьяру Пете Кереньи из Румынии, из города Дева. Он был слабый, умер еще в дороге, и я учил его молиться перед смертью. Были в эстапе поляки и литовцы. Но я их плохо знал. Все они католики, а ведь когда-то были, как и все мы, коминтерновцами и не знали Бога.

Все. Силы мои кончаются, а я многого не сказал. Милая Гизелла и все люди, не стройте рай на земле. На земле должна быть человеческая жизнь и человеческая любовь. За это и воздастся. Аминь.

Писал Карл Герхард. Верхний Делянكير. Озеро Марка.

Адрес: Гизелла Герхард, Германия, Вальтерсхаузен, Вайцзанесштрассе 22. Теплая Тюрингия.

Господи, встречай. Я в пути.

ЯКОВ БАСИН

Эдди Рознер с оркестром

Концерт в пустоту

Из редакционной почты:

Хорошо помню, что в конце пятидесятых и в начале шестидесятых прошлого столетия нередко показывали по телевизору отдельные номера из выступлений Эдди Рознера. Мы, будучи тогда детьми, ждали эстрадные концерты вообще и концерты Эдди Рознера в частности. В 1975 году я играл в цыганском ансамбле «Любимые ритмы», художественным руководителем которого был очень популярный в те годы исполнитель цыганских песен и романсов Михай Шишков (трагически завершил свою жизнь), а администратором нашего коллектива являлся

Игнат Игнатыч (Израиль Мошкович) Клейман. Рознер и Клейман жили когда-то по соседству друг с другом в Варшаве, и Игнат Игнатыч, иногда рассказывал разные истории о виртуозе Рознере.

Что правда, а что вымысел, мы не могли знать, а выяснять и не хотели. Впечатления об Эдди Рознере самые лучшие...

Спасибо за напоминание об этом великом Мастере!!!

Соломон Бен-Эмануэль

История эта началась в Ленинграде в начале сентября 1940 года. Созданный всего 8 месяцев назад Государственный джаз-оркестр БССР под руководством известного в Европе трубача Эдди Рознера уже завершал свои гастроли в российской Северной Пальмире, когда из Москвы пришло указание срочно прибыть в Сочи, чтобы дать там один концерт. В самом факте приглашения оркестра на гастроли ничего удивительного не было. Странным было лишь то, что вызов пришел неожиданно, без учета гастрольной сетки оркестра, и то, что предстояло всего одно выступление. Концерт, естественно, состоялся, но обстоятельства, с которыми было связано это уникальное турне, до сих пор овеяны ореолом тайны.

1

Государственный джаз-оркестр БССР был создан 1 января 1940 года — именно в тот день согласно приказу были приняты на работу все, кто входил в его первый состав. Появление этого коллектива не было итогом долгой планомерной работы по культивированию джазового искусства в Белоруссии. Это был случай, подарок судьбы.

Правда, люди, руками которых оркестр был создан, не по своей воле оказались в СССР, да и жизнь большинства из них сложилась весьма драматично, но ведь потому и говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло.

Идея создания подобного оркестра не возникла из воздуха. Еще в 1936 году Комитет по делам искусств при Совнаркомом СССР принял решение о создании государственных музыкальных коллективов: симфонического оркестра, хоровой капеллы, оркестра народных инструментов, духового и джаз-оркестров. Аналогичные коллективы надлежало создать и в каждой союзной республике. Так появились Гос. джаз-оркестр Союза ССР, который возглавили М. Блантер и В. Кнушевицкий, а позднее республиканские джаз-оркестры РСФСР (Леонида Утесова), Армении (Артемия Айвазяна) и Азербайджана (Тофика Кулиева).

Пришло время организовать такой оркестр и в Белоруссии. Но в довоенной Белоруссии не было музыкантов, которые могли бы играть джаз. Тем не менее, оркестр возник. Об этом позаботилась История.

В сентябре 1939 года, с началом Второй мировой войны в Европе, когда Польша как суверенное государство перестала существовать, на территории Западной Белоруссии и Западной Украины, вошедших в состав СССР, оказалось множество представителей европейской творческой интеллигенции. И даже после того, как граница между Германией и СССР установилась, ее долгое время еще продолжали нелегально переходить те, кому гитлеровский режим грозил гибелью, и, в первую очередь, евреи. Среди них было много музыкантов танцевальных и джазовых оркестров, были и композиторы, дирижеры.

Местом средоточия общественной и культурной жизни Западной Белоруссии в те дни стал Белосток. Здесь состоялось первое народное собрание «трудящихся западных районов». Отдельно создавали свои организации художники, скульпторы, врачи, учителя. Уже в сентябре 1939 г. здесь был организован симфонический оркестр, первым концертом которого в начале октября дирижировал приехавший из Минска известный скрипач Аркадий Бессмертный. В городе, в котором до этого не было собственной театральной труппы, возникло сразу два театра – польский и еврейский.

Собирались в городе и мастера эстрады, стихийно возникали оркестры, шли репетиции. Первоначально власти предполагали поручить создание джаз-оркестра Юрию (Ежи) Петербургскому, композитору и дирижеру, автору популярных и в наши дни песен «Утомленное солнце» и «Синий платочек», но, в конечном итоге, все сложилось иначе.

Собирал в эти дни в Белостоке свой оркестр и джазовый пианист, автор нескольких танцевальных шлягеров Юрий (Ежи) Бельзацкий. Представители Комитета по делам искусств, прибывшие в Белосток для отбора из числа беженцев представителей культуры, прослушав коллектив Ю. Бельзацкого, быстро поняли, что этот коллектив обладает более серьезным потенциалом, чем все остальные, и предложили ему собрать оркестр, который мог бы стать Государственным джаз-оркестром БССР.

Ю. Бельзацкий согласился, но быстро разобрался, что в отличие от Польши, тот оркестр, который ему предстояло создать, будет не ресторанным или клубным, а гастролирующим, концертным оркестром, а значит, в основу

его репертуара должны быть заложены совсем иные принципы. И главное, он понимал, что для успеха, кроме чисто музыкальных достоинств, оркестр должен еще располагать «звездой», музыкантом, чье имя пишется на афишах большими красными буквами, на которого «идет» зритель. И тогда он написал во Львов, где оказался с небольшим ансамблем трубач Эдди Рознер. Знакомы они были давно: именно в оркестре Ю. Бельзацкого начал играть Э. Рознер, когда, отказавшись после европейского турне вернуться в гитлеровскую Германию, очутился в 1935 году в Варшаве.

Во Львове Э. Рознер работал в офицерском кафе и имел успех, но возможность играть с биг-бэндом, гастролировать по стране и, вообще, выбиться из тесного мирка ночного кабаре заставила его немедленно принять приглашение. С Э. Рознером в Белосток приехала и его жена, 19-летняя драматическая актриса Рут Каминская, оставившая во Львове еврейский театр своей матери, уже тогда знаменитой (а в 1966 году ставшей первой неамериканской обладательницей кинематографического «Оскара» за фильм «Дом на площади») Иды Каминской.

Вслед за Э. Рознером в Белосток прибыли и некоторые музыканты его бывшего оркестра, среди которых были и те, с кем он работал еще в Германии, – кларнетист Гарри Вольфайлер, барабанщик Георг Шварцштайн, вокалист Лотар Лямпель. Начались репетиции. Когда в апреле 1940 года оркестр переехал в Минск, его возглавлял уже Эдди Рознер, а Ю. Бельзацкий был музыкальным руководителем и дирижером.

2

Свой первый репертуар оркестр Э. Рознера начал наигрывать в кинотеатре «Красная звезда», выступая перед сеансами, что было в те годы весьма популярно, и еще до того, как оркестр впервые вышел на филармоническую сцену, он уже получил признание у минских любителей джаза.

Не будет преувеличением сказать, что львиная доля успеха оркестра Эдди Рознера зависела от личности его лидера. Артистизм, непринужденность, обаяние с первых же минут концерта покоряли зрителя, а легкость, с которой он устанавливал контакт с залом, была скорее свойственна многолетнему кумиру публики, нежели не владеющему русским языком незнакомцу на эстраде, каким Э. Рознер фактически являлся. Но незнакомцем Рознер был лишь на советской эстраде, у публики, которая, находясь за железным «сталинским» занавесом, просто не знала, что происходит даже в близком зарубежье. Для польского же зрителя имя Рознера было более чем хорошо знакомо.

В Польше Эдди Рознер оказался в 1935 году и совсем не по своей воле. Этот 25-летний трубач, получивший, кстати, классическое образование скрипача в лучших берлинских консерваториях, колесил тогда по странам Европы. Его полное имя – Адольф Эдуард – тогда мало кто знал: в джазовых кругах у него была кличка «Джек», а на афишах имя его писалась сокращенно – «Ади». Полное имя – Адольф – было не только недостаточно звучным. Из-за фюрера, пришедшего к власти в Германии, оно носило еще и откровенно одиозный характер. В конце 30-х годов, уже оказавшись в СССР, Рознер начинает использовать и второе

свое имя – Эдуард, давшее ему еще один сценический псевдоним – «Эдди».

В 1934 году Рознер знакомится с Луи Армстронгом, совершавшим европейское турне. Встреча состоялась в Италии, в Милане, куда Рознер специально приехал. Американский «король» джаза был благосклонен к «королю» европейскому и при расставании подарил фотографию с надписью «Белому Луи Армстронгу». Не растерявшийся Э. Рознер тут же преподнес великому Сатчмо свое фото, на котором написал: «Черному Эдди Рознеру».

С приходом нацистов к власти у Рознера возникает множество проблем. Отсутствие германского гражданства, еврейское происхождение, джаз, к которому новая власть относилась крайне негативно как к неарийской музыке, – все это заставляет его серьезно задуматься о том, а стоит ли, вообще, – возвращаться в Германию. К тому же члены его семьи начинают перебираться в другие страны.

Требование германского правительства в 1934 году к странам-сателлитам выслать оказавшихся на их территории жителей Германии застает его в Бельгии. Рознер распускает оркестр, перебирается в Швейцарию и находит возможность уехать в Польшу. И вот однажды Рознер появляется в одном из варшавских кабаре, где играл оркестр Ежи Бельзацкого. Как тот позднее вспоминал, «в одной руке у Рознера была труба, а в другой – чемоданчик со сменой белья, и это было все его имущество».

В оркестре Бельзацкого Э. Рознер пробыл недолго. Вскоре у него уже свой коллектив, и джазовая карьера его получает новое ускорение. На фоне польских струнных

оркестров, исполнявших «салонную» программу, оркестр Э. Рознера звучал необыкновенно привлекательно и свежо. Именно тогда, скорее всего, и раскрылся в полной мере талант Рознера-шоумена.

Это было время, когда особым успехом у публики пользовались музыкальные поурри, фантазии, различные стилизации. В одной из фантазий Э. Рознер, непринужденно и быстро меняя миниатюрные декорации, показывал, как бы в разных странах разные музыканты исполняли «Карнавал в Венеции» Р. Шумана. Заканчивался номер, естественно, джазовыми вариациями.

Весь предыдущий опыт Рознера, особенно его работа в знаменитых оркестрах Стефана Вайнтрауба и Марека Вебера, помог Рознеру достичь определенных успехов в театрализации своих концертов. Он быстро овладел польским, сохранив, правда, некоторый акцент. С юмором конферировал, участвовал в разыгрывании различных интермедий и непринужденно общался с залом. Одним из наиболее «коронных» номеров Рознера была игра на двух трубах сразу. Самым же неожиданным для зрителя было явление Рознера в качестве виртуозного скрипача. Все эти «эффекты» обычно шли каскадом в завершении концертной программы, создавая совершенно ошеломляющий финал.

Оркестр Э. Рознера стал первым в Польше оркестром, на который ходили не для того, чтобы потанцевать или провести вечер в ресторане под «фоновую» музыку, а чтобы слушать джаз. Особый успех на долю оркестра Ади Рознера выпадает в 1937-1938 годах, когда пресса называет его лучшим свинговым бендом Польши. В конце декабря 1937 года уходит из ресторана и совершает чрезвычайно успешные гастроли по Франции, во время которых

несколько номеров из его репертуара записала на граммпластинки американская фирма «Columbia Records». На титульном листе каталога этой фирмы за октябрь 1938 года была помещена фотография лидера. Ниже фотографии стояло клише названия рубрики – «Всемирно известные музыканты».

А 1 сентября началась Вторая мировая война, и теперь уже самому Эдди нужно было искать пути к спасению: для Польши все кончилось в несколько дней, и Эдди оказался на территории, занятой нацистами. Путь был один – на Восток.

3

В Варшаве, под бомбежками, Эдди прибывает к труппе местного еврейского театра Иды Каминской, которая тоже искала возможность поскорее, пока не стабилизировалась граница с СССР, покинуть территорию, ставшую немецкой. Еще одним притягательным моментом для Эдди было наличие в труппе дочери Иды Каминской – Рут, с которой он познакомился незадолго до начала войны. Рут (наст. Руфь), как и мать (и как бабушка, кстати, великая трагедийная еврейская актриса Эстер-Рохл Каминская!) была театральной актрисой. Она получила высшее театральное образование, владела основными европейскими языками. Это была любовь с первого взгляда. С этого момента Эдди и Рут не разлучались ни на один день до самого их ареста во Львове осенью 1946 года.

Границу переходили нелегально. Оказавшись на территории СССР и едва только легализовавшись, начали работать. Ида Каминская возглавила Львовский еврейский театр. А вскоре пришло письмо Бельзацкого. В Белосток Эдди и Рут приехали вместе. Отношения свои они оформили уже в Минске.

Нет сомнения, что не было в СССР другого такого джаз-оркестра, где бы играли сплошь выпускники крупнейших европейских консерваторий. Костяк коллектива составляли не самоучки-«слухачи», а музыканты, за плечами которых были годы работы в лучших оркестрах Европы.

Беженцы из самых разных стран охваченного пламенем континента стекались в те дни в Белосток. Такого количества высококлассных музыкантов, собранных в одном месте, видимо, еще не знал ни один город, хотя немало их было и во Львове, и в Кишиневе (после присоединения к СССР Буковины и Бессарабии). Но уже спустя полгода Эдди Рознер был звездой первой величины советской эстрады.

Время было непростое. Животная ненависть Сталина к полякам, апогеем которой стала Катынская трагедия, так или иначе отражалась на всех «лицах польского происхождения». Лояльность режиму и стране приходилось доказывать самыми разными способами. Можно себе только представить, чего стоило новоиспеченным «советским гражданам» крохотное сообщение в газете «Советское искусство» от 24 марта 1940 года (за месяц до первого концерта в Минске): «Композиторы Надель и Бельзацкий создали песню о Сталине и песню о выборах. Композитор Каганович (аккордеонист оркестра – **Я. Б.**) написал марш «Дружба народов». Стоит ли говорить, что эти, вряд ли увидевшие свет произведения создавались отнюдь не по личной инициативе музыкантов.

Плоды национальной политики «вождя всех народов» ощущались и в другом. По примеру утесовского оркестра, Рознер начал работать над созданием национальных

рапсодий. Недремлющее цензурное око немедленно отреагировало на это новшество: Рознеру «ненавязчиво» отсоветовали показывать со сцены Еврейскую рапсодию. Уязвленный до глубины души, Рознер «закрыл» для себя еврейскую тему на весь период работы на советской эстраде.

В Минске талант Эдди Рознера проявился не только как солиста-инструменталиста, джазового аранжировщика и дирижера, но и как яркого композитора. Первоначально его композиторское мастерство проявлялось в джазовых импровизациях, в которых он никогда не повторялся, но позднее он стал писать песни и инструментальные пьесы.

Концерты оркестра Эдди Рознера в Минске в середине апреля 1940 года стали сенсацией сезона. Перед ними поблекли и осенние концерты Леонида Утесова, и январские гастроли в Минске джаз-оркестра Якова Скоморовского с Клавдией Шульженко. Вероятно, именно тогда и зародилась симпатия к оркестру со стороны Первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко. Почти наверняка можно сказать, что, если бы не столь высокое покровительство, Э. Рознеру не удалось бы создать именно такой коллектив, о каком он мечтал. Оркестр был не только укомплектован лучшими музыкантами-иммигрантами, которые к тому времени оказались в Минске. Э. Рознер добился фантастического финансирования, которое позволило ему ввести в состав струнную группу и собрать кордебалет – дело совершенно невиданное для насквозь пронизанной лицемерным пуританством советской культуры.

П. К. Пономаренко, по свидетельству современников, был любителем джаза, и, естественно, не мог не оценить высоких профессиональных качеств нового коллектива.

Итогом благосклонности Первого секретаря ЦК явилось оснащение оркестра первоклассной по тому времени усилительной аппаратурой. В СССР до войны вообще не было оркестра, который бы такой аппаратурой располагал. Помогло стечение обстоятельств: из Вильно в Минск был вывезен радиозавод, оснащенный новейшей радиотехникой. Частью из нее и оснастили оркестр Э. Рознера.

Думается, что оркестр обязан Первому секретарю ЦК республики еще и тем, что он оградил его от репрессий: когда в 1940 году начались «чистки» среди польских иммигрантов, из состава оркестра никто не пострадал.

Немедленно после первых же концертов в Минске оркестр уехал на гастроли по стране и следующее свое выступление в Белоруссии смог дать уже после того, как республика была освобождена от фашистов.

В июне 1940 года в Москве состоялась Декада белорусского искусства. Оркестр Эдди Рознера в Декаде участия не принимал. Очень скоро выяснилось, что это была ошибкой, ибо за тот год, что оставался до начала войны, именно этот коллектив принес наибольшую популярность белорусским мастерам искусств.

О таком оркестре, который оказался в руках у Рознера, мог мечтать любой дирижер даже на родине джаза. Думается, сам Рознер и предположить не мог, работа с каким составом его ждет в будущем. Когда в начале 1936 года он организовал свой первый ансамбль, работавший в Варшаве, Кракове и Лодзи, в нем было всего семь музыкантов, включая вокалиста Лотара Лямпеля. Через год в составе, который играл в собственном заведении Рознера под названием «У Ади» (Лодзь) и затем совершил блестящее

европейское турне 1938 года, уже было 13 человек. В Госджаз-оркестре БССР было 32 музыканта!

Большинство из оркестрантов оркестра Эдди Рознера получило блестящее европейское образование в консерваториях Варшавы, Берлина, Праги, Вены. Не случайно внимание музыкальных критиков привлекали и другие, кроме самого Э.Рознера, инструменталисты. Первокласными джазовыми солистами были Юрий Бельзацкий (фортепиано), Тони Левитин (тенор-саксофон), Эрвин (Гарри) Вольфайлер (тенор-саксофон, кларнет), Пинхус Бейгельман (труба), Абрам Верник и Павел Гофман (скрипка), Лазарь (Луи) Маркович (банджо). В оркестре было два барабанщика (Хаим Шварцштейн и Адам Бельзацкий) и два контрабасиста. Одной из интереснейших фигур в советском довоенном джазе оказался вокалист Лотар Лямпель. Его слоговое пение – скэт («Сан-Луи блюз», «Очи черные») произвело ошеломляющее впечатление на специалистов. Нашлось место в репертуаре и для Рут Каминской: она исполняла песни на французском языке.

Уже с самого начала стало ясно, что обрести в СССР пристанище, ощутить тепло семейного очага музыкантам не удастся. Даже правительство П. К. Пономаренко при всей благосклонности его лидера не могло помочь оркестрантам получить жилье: в небольшом по тем временам Минске (240 тысяч населения в июне 1941 года) – его просто не было. Правда, для Эдди Рознера квартира нашлась, но он отказался от нее, уступив место популярнейшему актеру Белорусского драматического театра Глебу Павловичу Глебову: Рознер понимал, что гастрольная жизнь фактически не позволит ему этой квартирой пользоваться.

Оркестр стал гастрольным коллективом. В результате домами музыкантов стали гостиничные номера. Жены, дети, нехитрый домашний скарб кочевали вслед за коллективом по всей стране. Во время длительных гастролей в каком-нибудь одном городе или во время репетиционного периода дети шли в детские сады и школы того города, где они оказывались. Так было и в Минске: оркестр в это время располагался в гостинице. Жены тоже служили в оркестре – костюмерами, осветителями, кассирами, реквизиторами...

5

Нет сомнения, что первый состав Госджаз-оркестра БССР был выдающимся музыкальным коллективом, качественно отличающимся от всего того, что звучало в те годы на советской эстраде. Стилистику оркестра определял его музыкальный руководитель Юрий (Ежи) Бельзацкий.

К несчастью, при всем фантастическом успехе этого оркестра за тот год, который был ему отпущен со дня первого выступления и до начала войны, ни одной записи на грампластинки тогда сделано не было. Существует лишь одна композиция, по которой мы можем судить, как же звучал тот легендарный оркестр. Это джазовые вариации на темы вальса И. Штрауса «Сказки Венского леса», снятые для фильма «Концерт-вальс». Фильм снимался в 1940 году, и оркестр Эдди Рознера был единственным коллективом эстрады, приглашенным в киностудию вместе с Иваном Козловским, Давидом Ойстрахом, балеринами Ольгой Лепешинской и Мариной Семеновой.

Кинофильмов тогда снималось крайне мало; каждый фильм был под личным контролем Сталина, который не

только утверждал планы киностудий, но даже сам вычитывал сценарии, внося в них изменения. Идея снять фильм, состоящий из концертных номеров одного жанра, принадлежала тоже ему. Первоначально не предполагалось включать в «Концерт-вальс» пьесу, которая бы звучала не так, как традиционно звучат вальсы. Но в концертах оркестра Рознера вариации на тему Штрауса пользовались большой популярностью, и возникла мысль использовать их в качестве пародийного номера, тем более, что состояли эти вариации из двух частей: сначала шел вальс в обычном исполнении и лишь потом – в джазовом.

Могло ли участие оркестра Эдди Рознера в съемках нового кинофильма пройти мимо Сталина? Скорее всего, нет. Тем более, когда дело касалось «польского» следа. Рознер уже коснулся однажды этой закрытой темы: когда он включил в свой репертуар джазовую обработку пьес Шопена («Шопениану»), ему запретили ее исполнять под предлогом, что это является кощунством, хотя джазовые трагедии произведений классики тогда на эстраде были нередки (достаточно вспомнить утесовские обработки «Евгения Онегина»).

Что касается участия «польского» оркестра в кино, то, думается, вряд ли Сталин так просто пропустил бы на экран концертный номер в исполнении «такого» состава. Рисковали и те, кто эту идею предлагал: ее вполне можно было принять за идеологическую диверсию. Думается, Сталин хотел бы сам сначала все увидеть, а лишь потом принимать решение. Не в этом ли лежит разгадка тайны одного из концертов оркестра Эдди Рознера, который состоялся осенью 1940 года в Сочи и которому так и суждено до сего времени оставаться легендой советской эстрады?

В Сочи оркестр разместили в лучшей гостинице, на концерт привезли заранее в хорошем автобусе, но прежде, чем пропустить на сцену и разместиться там, устроили настоящий обыск. Проверяли даже инструменты. Со сцены никого никуда не выпускали. В туалет водили буквально под конвоем. Заглянуть в зал через особую дырочку в занавесе – обычная процедура – тоже не позволили. И вот – концерт. Как обычно за занавесом увертюра, занавес открывается, своей легкой походкой на сцену выскальзывает Рознер и... чуть не роняет инструмент: зал пуст. То есть совершенно пуст. Ни одного человека. А из-за кулис – шипение распорядителя: «Играйте!». И концерт пошел.

В течение двух часов бенд исполнял свои лучшие номера: пели, танцевали, разыгрывали пародии, шутили, сами над своими шутками смеялись – из зала не раздавалось ни звука. Это было похоже на розыгрыш, на чью-то злую шутку. Понятно, что где-то за какой-то шторой кто-то сидит и за всем внимательно наблюдает. Во время антракта никого со сцены не выпустили. А после концерта в полной тишине всех участников погрузили в автобус, завезли за вещами, после этого погрузили на пароход, и утром они уже были в Ялте.

Вечером следующего дня у Рознера в гостиничном номере раздался телефонный звонок. Чей-то мужской голос, выяснив, кто на проводе, произнес только одну фразу: «Товарищу Сталину ваш концерт понравился».

СОЛОМОН БЕН-ЭМАНУЭЛЬ

Где Пушкин?

Мы плясали от радости. Нас отправляли на фестиваль Самодеятельных Музыкальных Народных Коллективов в Молдавию. Вообще-то, наш эстрадно-джазовый коллектив не очень вписывался в рамки этого фестиваля, но комитет комсомола нашего института решил, что неплохо бы разбавить этот серьезный конкурс эстрадой. Вот и мы под шумок попали на этот праздник. Все было очень интересно и здорово. В один из дней произошел такой случай.

С утра, не дав даже толком позавтракать, отправили нас в какую-то дальнюю деревушку, в которой когда-то ночевал Александр Сергеевич Пушкин. Мы надеялись поспать в автобусе, но колдобины и бездорожье не давали даже сомкнуть глаз. Ехали долго и приехали, конечно, злыми и голодными. Однако настроение мгновенно

улучшилось, когда мы увидели шикарно сервированные длинные столы.

Предвкушение обильного застолья и знакомства с пышногрудыми молодками создавало ощущение, что не зря мы живем на этом свете. Остановили нас метрах в сорока от столов, и сообщили, что после небольшого выступления местного представителя райкома партии местная красавица, по имени Любовь, нам подробно расскажет, каким образом и когда появлялся здесь Пушкин.

Представитель райкома говорил о том, насколько сплочены два народа: молдавский и азербайджанский. Что нам надо крепить дружбу, культурно обмениваться, ну и так далее. Видимо, поймав наши, прямо скажем, голодные взгляды, скомкал свою речь и передал слово молодой и очень красивой комсомолке. Она начала с того, что Пушкин Александр Сергеевич – это наше все, и что именно он написал «Евгений Онегин», правда, тут же отметила, что не оперу, а поэму. Дальше – о коварном Дантесе, о могучем таланте поэта, и все остальное, примерно, в том же духе.

Сразу же стало понятно, что завтрак наш грозит плавно перейти в обед, а то и в ужин. Вопрос «что делать?» тяжело повис в воздухе. Все местное население одобрительно кивало красавице. У меня же перед глазами попеременно возникали мечтательные картинки: то мелькнет кусок жареной телятины, то – курочки, то стаканчик вина, а потом кусочек пирога или торта. Ну а после трапезы, простите за вольность, румяные щечки и алые губки красавицы. В этот момент наивысшего пика воображения, получаю тычок в левый бок. Вижу – ребята из нашего оркестра. Шепчут мне:

– Давай, придумай что-нибудь, пока мы не издохли от голода.

Не успел я ответить, как тут же:

– Возражения не принимаются!

Вердикт был более чем суров. Что ж, делать нечего, план созрел за долю секунды.

– Простите меня, ради всех святых, – хамски прерываю красавицу, – а как вас зовут?

Этот неожиданный выпад заставил ее закашляться.

– Люба. – Ответила она, и ее и без того румяные щечки сделались пунцовыми.

– Значит, Любовь. Очень поэтично. Любонька, а где сейчас этот парень?

– К-к-акой парень? – в подобной растерянности, видимо, ей не приходилось быть никогда.

– Ну, Саша, о котором вы только что рассказывали!

Я не знаю, что такое предынсультное состояние, но наверно, это так и выглядит: сначала без звука несколько раз открыть рот, а потом ненавидяще уставиться на собеседника.

– Кто, Александр Сергеевич?!

– Ну, конечно, Сергеевич.

– Так он же ПОГИБ!!!

Я обхватил лицо (свое, конечно) руками и с горем и мукой в голосе произнес:

– Как? От чего? Неужели попал под трамвай? Кто-то разлил масло?

Дорогой читатель, сейчас я с ужасом понимаю, что этот день мог быть последним в моей жизни, – эта красивая девушка Любовь меня бы точно убила, но ситуацию спас тот самый представитель.

– Ну, я думаю, официальную часть можно считать закрытой, приглашаю всех за стол.

И все радостно ринулись к столу, я тоже рванулся, но... не тут-то было.

– Ты чего же, зверюга, делаешь? – представитель железной хваткой держал меня за плечо. – Я тебе обещаю, домой комсомольцем не доедешь, понял?

Пришлось изображать страшный испуг и раскаяние. С той поры я не комсомолец, и плечо до сих пор побаливает.

Счастливая нота

Музыканты бывают разными: хорошими или не очень, духовиками или струнниками, играющими джаз или классику, ну и так далее. Вы можете спросить:

– И что же здесь такого нового?

Я отвечу так:

– Господа, не торопите события, и тогда вам откроется совершенно неожиданный поворот или неожиданный конец повествования.

Еще в прошлом веке жил в нашей стране, а конкретнее в Баку, великолепный тромбонист Арик (имя я придумал, и позже вы поймете почему). Абсолютный слух Арика поражал даже музыкантов, вызывая удивление, почему, мол, он выбрал именно этот инструмент, а не фортепиано или гитару. Кроме музыкальных данных у Арика были прекрасные человеческие качества. Общительный, не заносчивый, порой очень стеснительный и робкий человек. Еще можно сказать – большой, добрый гигант. Гигант потому, что был высок, обладал мощной мускулатурой и силой. Его мощность не оставляла шансов хулиганам, а тогда их было много в Баку. Они могли пристать к девушке, даже если она шла с кавалером. Были такие редкие случаи, когда хулиганы бросали разные сальные реплики в адрес спутницы Арика, а потом сильно жалели, причем не о своей неосторожности, а о том, что вообще родились на свет.

Музыкальные пристрастия Арика не ограничивались классической музыкой. Он любил джаз и прекрасно импровизировал. Представьте себе – импровизирующий тромбонист! Это было просто чудом.

Параллельно с Ариком и другими простыми жителями нашего города жили и «непростые смертные» – это была элита, по крайней мере, они сами себя считали таковой. Их элитарность заключалась в том, что они являлись детьми представителей власти. Руководители партийной верхушки, люди, занимавшие большие посты, воспитывали своих детей так, чтобы их дети чувствовали свою исключительность и вседозволенность. Но речь не об этом. Так получилось, что Арик в составе оркестра был приглашен на день рождения Лины, дочери одного из чиновников ЦК Азербайджана. Праздновали дома, в громадном зале, куда были приглашены высокие гости и близкие родственники именинницы.

Вечер прошел замечательно. Гости даже не заметили, что порой исполнялась далеко не поощряемая западная музыка. А Лина была покорена безукоризненной игрой тромбониста, особенно когда он импровизировал на такие темы как: “Mistik“, “Bluzet”, “Satin Doll”. Улучив минутку, Арик обратился к ней с каким-то малозначительным вопросом, она охотно поддержала разговор, и вот уже назначены время и место свидания.

На первом свидании Арик долго и увлеченно рассказывал Лине разные смешные истории. Скрывая, что некоторые из них он вдохновенно придумывал тут же, на месте. Потом проводил ее домой, где она не переставая думала о нем. Следует сказать, что те времена несколько отличались от теперешних. Если сейчас знакомства между парнем и девушкой происходят легко и заходят далеко, то тогда соблюдался ряд неписанных, нравственных законов.

Арик и Лина, гуляя по городу, заходили в кафе поесть мороженого, а однажды даже посмотрели замечательный фильм «Мужчина и женщина». Как Арику удалось достать билет на этот жутко смелый для того времени фильм, остается только гадать.

Отношения между ними были не более чем дружеские, хотя в душе каждый хотел главного. Она ждала от него предложения, а он, проклиная свою робость, никак не мог признаться ей в любви. «Все, хватит! – думал Арик. – Провожу до дома и скажу о своей любви и даже поцелую в губки».

Она впервые взяла его под руку и, болтая ни о чем, бросала взгляд на его мужественный профиль. Но вот незадача – перед ними оказалась большая лужа. Долго не думая, Арик решил не подвергать любимую испытанию лужей, а просто поднять ее на руки и перенести на сухое место, – заодно и поцеловать. И не жалея ни своего кримпленового костюма, ни своих новых мокасин, он, подхватив Лину на руки, сделал шаг в лужу.

Но он совершенно забыл, что сегодня, буквально пару часов назад, он заходил навестить бабушку, и она угостила любимого внука своим фирменным гороховым супом, хорошенько сдобренным лучком. После этого неприятные ощущения в животе Арика не прекращались ни на секунду, но находясь рядом с любимой, он не обращал внимания на подобные мелочи.

Итак, он, подхватив Лину на руки, сделал шаг в лужу...

И вот тут произошло нечто невероятное, недопустимое и крайне неожиданное. Раздался громкий, в несколько десятков децибел пук. Оба оглушительно... замолчали! Да, да – именно оглушительно и уныло. Правда, до этого он успел, благодаря своему абсолютному слуху, промямлить:

– До диез большой октавы!

Дальше они не произнесли ни словечка, но мысли, роившиеся в их головах, разносились по всему городу – так им казалось.

Арик молча проводил Лину домой, вернулся к себе, посмотрел в зеркало, стукнул себя кулаком по лбу и прокричал:

– Идиот, таких надо вешать или кастрировать!

После слова «кастрировать» трижды ударил себя по лбу, выбивая из своей «дурной башки» слово «кастрировать».

Целую неделю Арик просидел дома безвылазно. На телефонные звонки не отвечал. Сам никому не звонил. «Какой стыд! Какой стыд!!!» – проклинал он себя. Так облажаться перед богиней! Он уже начал думать о том, как уехать куда-нибудь далеко, где его никто не знает, где никому не известно о его ПОЗОРЕ.

«Прости меня моя Богиня, – думал он, – но ты меня больше никогда не увидишь».

Богиня же тем временем не переставая крутила диск телефона, пытаясь дозвониться до Арика. Интересно, что она хотела сказать ему?

Спустя неделю очередной звонок все же отвлек Арика от тяжелых мыслей, и он машинально поднял трубку.

– Ну, – раздался милый голосочек Лины, – ну, мой пукальщик с абсолютным слухом! Будешь делать предложение, или ты уже последовал примеру Анны Карениной? Или не можешь найти электричку подходящего веса?

Арик – от резкого финта событий – долго молчал. Потом решился пробасить:

– Иду!!!

Счастье переполняло Арика. Уже через полчаса, тщательно выбрив свою щетину, Арик с громадным букетом в руках мчался к дому Богини.

Вот как бывает – простая нота «до диэз большой октавы» сделала его самым счастливым человеком на свете.

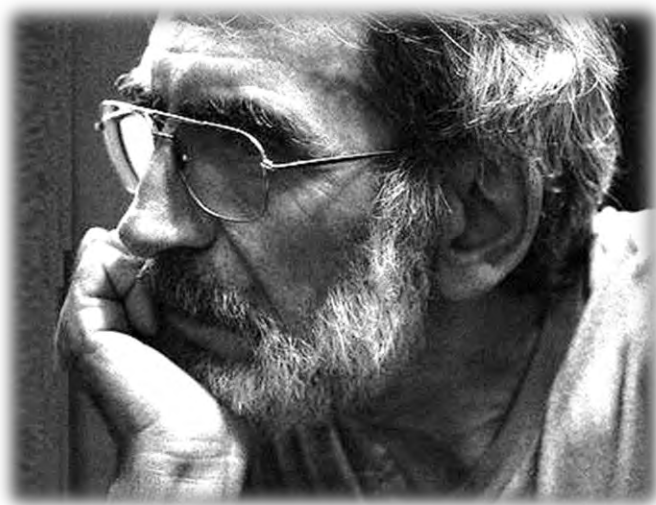
Они вскоре поженились. И хотя ее подколки продолжают и по сей день, но Арик снисходительно улыбаясь, бубнит:

– Дурочка моя, ты так и не поняла, что я это специально сделал?

P.S.

Господа, повторять сей неожиданный, хотя и удачный, опыт – **НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ!**

АНАТОЛИЙ АНИМИЦА

Гибель «Булгарии»

(журнальный вариант)

10 лет назад, 10 июля 2011 года, теплоход «Булгария» затонул около села Сюкеево Канско-Устиновского района Республики Татарстан.

Впервые статья опубликована 15 сентября 2014 года (<https://maxpark.com/content/2984481>), через 2 месяца после приговора суда, и ставит вопрос, удалось ли суду выяснить причину катастрофы или он ограничился внешне хорошо видимыми второстепенными фактами и, наказав виновных в разной степени людей, не сделал ни одного существенного вывода об истинной причине того, что теплоход утонул не в океане, а буквально вблизи берега.

Прошло 10 лет с момента трагедии, и сейчас стоит вспомнить погибших, сам теплоход, катастрофу и суд по этому делу.

Катастрофы на море и вообще на воде – это происшествия, которые должны быть абсолютно досконально расследованы. Некомпетентность и вранье в выводах следствия и суда по факту катастрофы – преступление, часто более опасное, чем преступление тех, кто привел судно к катастрофе. Не вскрываются причины аварии – и тем самым создается основа для повторения этого в будущем.

Я заявляю, что катастрофа с «Булгарией» не исследована. И приглашаю всех сделать это здесь, вместе со мной. За тех, кто должен был сделать – и не сделал.

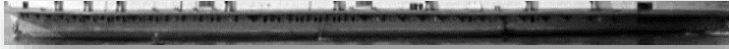
Начинаю излагать свои собственные выкладки и выводы с целью понять, что же утопило «Булгарию» на самом деле.

Рис. 1. Теплоход «Булгария»

Ниже показан фрагмент фотографии нижней части надводного борта судна. Очень хорошо виден крен на правый борт, градусов 5, и дифферент на корму, примерно 1.5–1.9°.

Рис.2. Надводный борт теплохода, фрагмент Рис.1.

Теплоход «Булгария» затонул 10 июля 2011 года около села Сюкеево Канско-Устиновского района Республики Татарстан.

Двухпалубный дизель-электроход «Булгария» проекта 785 был построен в Чехословакии на судовой верфи "Narodny Podnik Skoda Komarno" (Slovenskelodenice n.p. Komarno) в 1955 году.

Дизель-электроходы проекта 785, словацкое обозначение OL800, osobnalod 800, (пассажирское судно мощностью 800 л. с.) – средние пассажирские суда, предназначенные для работы на скорых пассажирских линиях.

Технические характеристики теплоходов проекта 785

Мощность теплохода 1003 л.с.

Водоизмещение: 774 т.

Класс регистра: «О».

Длина: 78 м.

Ширина: 12.2 м.

Осадка: 1.9 м.

Пассажировместимость: 233 ч.

Скорость: 20.5 км/ч.

Объем эквивалентного подводной части судна параллелепипеда 1710 м³. Примем коэффициент полноты 0.7 и расчетное объемное водоизмещение 1200 м³. Запас водоизмещения – не менее 600 кубометров. То есть пока

это судно не наберет 600 тонн воды внутрь – его не утопить.

Ситуативная модель катастрофы – за 5 минут сумеет набрать 600 м³ воды внутрь корпуса. Секрет катастрофы хорошо виден на Рис.2, где показан надводный борт от фактической ватерлинии до главной палубы, привального бруса (черный) и нижнего пояса фальшборта (белый). Там выше планширь идет уже – уширение фальшборта, то есть доска или труба поверх собственно верхней кромки фальшборта.

Для детализации положу снимок судна на миллиметровку и отмасштабирую его до величины 1-сантиметровое деление = 10 м. Вам будет все понятно. Видно, что надводный борт – около 1 м. Из-за крена надводный борт по левому борту – 1.1 м, а по правому – 0.9 м. Подводная часть – в 2 раза «толще» надводной.

Утопить этот пароход можно только одним способом – налить в него не меньше 500 или даже 600 тонн воды. 500 тонн – это равновесие при нулевой плавучести, а 600 – скорее всего, достаточны, чтобы через 300 секунд судно ушло под воду.

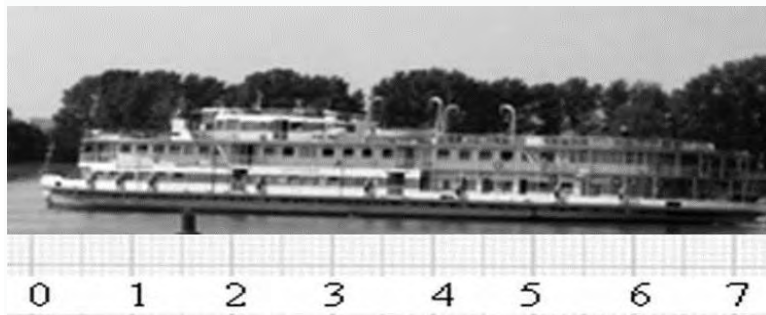
Надо найти те отверстия, через которые вода потоком 100 тонн в минуту, если поступление равномерное, 1.5 тонны в секунду, сумеет попасть внутрь судна.

Вы все учились в школе и знаете, что $MGH=MV^2/2$ (кинетическая энергия и потенциальная) или что тело, падая с высоты H , разовьет внизу скорость $\sqrt{2 * G * H}$.

Допустим, вода падает с высоты $H_1 = 1$ метр, тогда $V = 4.4$ м/с; с высоты $H_2 = 0.5$ м – тогда $V = 3$ м/с; или с высоты 0.25 м – $V=2.2$ м/с.

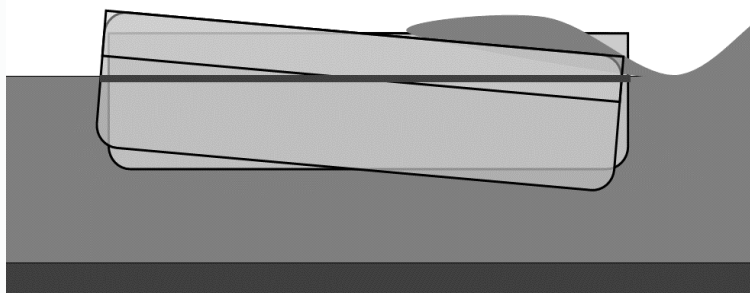
То есть – от 2 до 4 м/с. Допустим, что вода попадала в судно свободно. Какое сечение надо было иметь для

крайних скоростей потока? При высоте столба 1 метр и скорости падения $4.4 \text{ м/с} - 0.3 \text{ м}^2$. Отверстие метр на 30 см. Для столба воды 0.25 м и скорости 2.2 м/с отверстие должно иметь ширину 3 метра и высоту 30 см.

Рис. 3. «Булгария» – вид сбоку – на миллиметровой подложке

Я склонен считать ситуацию ближе к более широкой дыре и менее высокому столбу. То есть 3 метра ширины и столб воды 0.25 м.

Рис. 4. Поперечный разрез судна до главной палубы в воде без крена и с креном. Справа показан заброс волны на палубу.

Что это такое? Это два портика для входа во внутренние помещения судна на главной палубе! Посмотрите на картинку на миллиметровой сетке. Эти

портики – коридоры под спардеком (второй палубой) от борта до борта, а там внутри – два роскошных входа, двустворчатые стеклянные двери шириной по полтора метра.

Чтобы, когда пассажиры валом валят на берег и весело галдят, никто не выразил недовольства затормозив в этих дверях. Входы, как я думаю, идут в нос и в корму от портиков, не к центру. Зачем так – сейчас не буду объяснять, есть резоны. Я надеюсь, кто-нибудь мои выкладки подтвердит подборкой фотографий и планов.

На приличном корабле ни одна дверь не должна открываться как у вас в доме – совсем без порога или с порошком высотой 1 см. На приличном корабле каждая дверь снизу обрамлена комингсом – рамкой, которая препятствует проникновению воды с палубы за дверь. Высота комингса на судне «Р» (речном) – не меньше 15 см, а на судне «О» (озерном) – 25 см.

Что же случилось с «Булгарией»?

ОНИ НЕ ЗАКРЫЛИ ПОРТИКИ!

Вряд ли там совсем нет замков, пустой пароход незапертым оставлять не положено, но замки могли быть совсем хлипкие, и их просто вышибло. Однако отсутствие замков – это еще полбеда. Я подозреваю, что когда-то в прошлом срезали автогеном комингсы. Вполне может быть, кто-то когда-то споткнулся об комингс, упал вниз и сломал себе шею. Вот чтобы не повторялось такое, чья-то умная голова повелела комингсы – срезать. А нищий инспектор Речного Регистра подписал годность судна за небольшую мзду.

В конце концов, комингсы можно было сделать поворотными или скрывающимися в щели – тогда у причала они спрятаны и не мешают свободному проходу людей, а на

ходу – подняты, и если необходимо выйти здесь на главную палубу – комингс надо перешагнуть.

Но это еще не причина утопления судна. Даже если не было замков, даже если совсем не было комингсов – судно еще не было обречено.

На гибель обрек судно капитан. О мертвых – или хорошо, или ничего, но капитан обязан каждую секунду ждать подвоха от окружающей среды. От судна, от погоды, от пассажиров, от встречного судна, от всего. Этот капитан – скорее всего что не ждал.

Ты капитан. Ты взял людей и вышел в море (озеро – это тоже море, без скидок). Ты видишь – погода, но ты решил идти. Ладно, иди. У тебя крен и ветер дует в борт – ты мог бы подставить ветру не левый борт, а правый. Не подставил – пока ничего страшного, чехи за тебя в 1955 году постарались, судно не утонет даже в этом случае.

Разгулялась волна – ничего, у тебя на главной палубе комингсы у дверей, и даже если вода будет там перекачиваться по всей главной палубе – судно не утонет. Площадь свободной от надстроек главной палубы максимум 200 квадратных метров. Даже полметра воды на этой палубе – 100 тонн. Подумаешь, 100 тонн воды на главной палубе. Волна схлынет – и мы дальше пойдем.

НО ВОТ ОТКРЫТЫЕ ИЛИ ВНЕЗАПНО ОТКРЫВШИЕСЯ ДВЕРИ – ЭТО ВСЕ.

Крен даже 15° – и правый борт высотой 90 см скроется под водой. Вода придет к не закрытым портикам и хлынет вниз.

Частота волны – скорее всего, 3 секунды. Через 3 секунды левый борт будет на гребне волны, а правый – во

впадине, крен будет 18 или 20°. В трюм хлынет еще тонн 10 воды – и так далее.

Итого, по моему мнению, единственной причиной утопления судна за 5 минут стало свободное поступление воды сквозь не закрытые основные пассажирские двери на главной палубе. А все иллюминаторы и прочие открытые люки – это ложь, имеющая своей целью вывести из-под обвинения – кого?

Прошло 10 лет, и до сих пор неясно, кого и зачем. Только новый высоко профессиональный суд сможет дать ответ на этот вопрос.

...Но! Даже когда все обесточилось, и когда судно потеряло ход, оно не было еще обречено бесповоротно.

Капитан мог спасти его даже в одиночку. Или вдвоем. Для этого надо было взять молоток, горсть гвоздей «сотку» и пару досок из трюма или где найдутся – да хоть от лавки на спардеке оторвать пару планок.

Лучше бы, конечно, перед выходом в водохранилище – но и потом еще не поздно. Двери закрыл, спиной подпер, доску приставил – и прибил. Все. Вода внутрь в таком количестве уже не попадет. Потихоньку, отдуваясь, полез на рулевой пост, и руками поставил судно фордевинд – пусть несет к берегу на мелкое место. Так, на мой взгляд, мог бы поступить профессиональный капитан.

...Я высказал гипотезу – реконструкцию аварии. Из моей реконструкции следует, что единственный виновный – это капитан.

Да, экипаж судна – это единый организм. И капитан имеет право умереть на вахте в любую секунду. Или на него нападет помешательство, и он не сможет командовать судном.

У него есть помощник, который должен взять на себя управление судном и ответственность. Нет помощника – следующий из экипажа, и так до последнего матроса. Нет матроса – попугай должен взять на себя судно.

Нет попугая – канарейка. Вот тогда судно будет жить. Надо расспросить тех, кто остался жив – насколько моя картина соответствует реальной.

И кого надо выпускать из тюрьмы.

Но это уже к адвокатам.

...Вот такой рассказ. Он несколько сокращен – статья в журнале не должна выглядеть как пост в соцсети. Но смысл остается неизменным. Катастрофа, на взгляд автора, не расследована. И к ней еще придется вернуться – к этой или аналогичной в будущем – но придется. Лучше к этой...

ЭЙТАН АДАМ

Город рукотворных гор

Мы сели в Ньюарке в четыре утра. Несмотря на обещанные нам пятнадцать градусов Цельсия, ночной прохлады никак не чувствовалось.

Автобус запаздывал, огромный аэропорт был совершенно пуст, настолько пуст, что прибывших пассажиров можно было и не заметить. Казалось, нас потеряли. Нет, не совсем: охрана вскорости вежливо попросила отодвинуться и не перекрывать выход.

Прибыл автобус. Здоровенный негр-шофер в костюме и при галстуке залез целиком в багажное отделение и начал укладывать наши чемоданы. Очень аккуратно укладывать.

Все, едем. Выворачиваем в сторону хитросплетенных трасс, на каком-то этапе я насчитал шесть параллельных (но идущих в разные стороны) шоссе только с моей стороны

(позднее мой друг Эмиль назвал Нью-Джерси самым дурацким штатом с точки зрения дорог). Но мы уверенно едем, наш шофер знает эти места.

Деревья, дороги, промышленные зоны, морские причалы, поезда... А вот, наконец, и дома. Колониальный стиль, типично английский стиль, красный кирпич, какой-то модерн. В общем и целом – довольно красиво.

И вот – поворот, спуск вниз, к реке. А на том берегу – *они*. Закрывают весь горизонт! Как горы!

Здравствуй, Нью-Йорк.

* * *

Я люблю горы. Я люблю крутизну их склонов, их изломанный горизонт, их резкие контрасты.

Я люблю горный город Цфат. Именно в Цфате более четырехсот лет тому назад жил и работал великий АРИ¹⁵. И многие другие знаменитые его современники.

Мало кто знает, что маленький, затерявшийся в горах, Цфат был в то время одним из мировых центров по производству шелка. А великий АРИ зарабатывал на жизнь торговлей! И учить успевал, и исследовать. И в Цфате, в свои последние два года жизни он сформулировал и развил современную *Каббалу*. И предсказал мощное развитие науки и техники и – как следствие – резкое увеличение разрушительных тенденций в человечестве.

И только духовное развитие – и, в первую очередь, Каббала – может преградить путь разрушению.

А сейчас в Нью-Йорке наш *Рав*¹⁶. И мы съезжаемся со всего мира, чтобы вместе сделать *Рош г'а-Шанá* – начало года.

Не отметить и не отпраздновать – именно сделать. Своими руками, своею душой. Самим себе и другим. Ведь

---

¹⁵ АРИ (Ашкенази рабби Ицхак) – рабби Ицхак Лурия.

¹⁶ *Рав* (иврит) – раввин.

начало определяет весь год – так же, как *Шаббат* (суббота) определяет всю последующую неделю.

А делать надо уметь, под руководством опытных наставников.

Мы приехали не праздновать, мы приехали работать. Противостоять разрушению.

* * *

Я в кино.

Я попал в кино.

В такси за рулем, конечно же, Роберт Де Ниро, в сквере на скамеечке сидит Дастин Хоффман, а за углом Вуди Аллен размахивает руками перед Дайан Китон.

Так, тротуар перегорожен, добры молодцы исключительно вежливо просят перейти на другой тротуар. Таки снимают кино!

Несколько полицейских машин с огромными буквами “NYPD”¹⁷. Не поймешь, какая настоящая, какая киношная.

* * *

Наш Центр.

Главный филиал Института исследования Каббалы. Не такой уж большой: в Тель-Авиве здание значительно больше.

Утро, начинаем утреннюю молитву. Все просто, все буднично, все обычно – только на почетном месте сидит *Рава*.

Он выглядит совершенно обыденно. И не понять, где же та сила, которая притянула тысячи людей в Нью-Йорк, которая заставляет действовать десятки тысяч людей в сотне филиалов по всему миру.

Так, после молитвы все приглашаются на завтрак и Семь Благословений. В честь чьей свадьбы? А, я их знаю: он

---

¹⁷ *New York Police Department* (англ.) – департамент полиции Нью-Йорка; также название популярного телесериала.

из Москвы, она из Тель-Авива.

Мазаль тов!

* * *

Вот они, улицы Нью-Йорка. Не улицы, а настоящие горные ущелья.

И они красивы! По этому городу нужно ходить, задрвав голову: вся красота наверху. Эх, пустить бы экскурсию на вертолетах на уровне этажа тридцатого.

А дома! Неужели меня, коренного питерского, можно поразить архитектурой?

Можно. Большинство домов проектировали хорошие архитекторы. Во всю громаду этажей.

– Какой маленький симпатичный домик, – сказал приятель.

Я специально подсчитал: в этом «маленьком домике» было двенадцать этажей.

Можно сказать, мне повезло: я видел грязный, опасный, отчужденный Нью-Йорк XX века только в кино. А сейчас народ вежлив и дружелюбен, как в Лондоне, город чист и опрятен. И вообще, здесь просто приятно. Правда, на улицах полно полицейских – то ли от террора, то ли от местного бандитизма. Сначала мне это было не очень-то по душе, но потом я увидел, как пешеходы прут на красный свет под самым носом блюстителей порядка – а те лишь улыбаются. Приятная полиция!

Скоро и я приноровился переходить улицы где и как угодно.

Устраиваюсь в гостинице, номер на четверых на тридцать первом этаже. Из окна потрясающий вид: все небо в горных пиках. Рукотворных. Прямо под окном – симпатичный трехэтажный многоквартирный дом, построенный на крыше другого дома. С двориком, столиками, навесом.

Интересуюсь у портъе об *Internet service*.

– Вообще-то у нас есть *business center* на восьмом этаже со всевозможными услугами. Но зачем вам платить такие большие цены? На параллельной улице есть хорошее *Internet cafe*.

И это – в городе Желтого Дьявола!

Вечером гулял по Бродвею, потом за мной заехал Эмиль, поехали к нему и прекрасно провели время.

* * *

Пятница, утро. Канун *Рош г'а-Шана*. После утренней молитвы нужно сделать «разрешение от клятв» – отмена всевозможных опрометчивых обещаний и даже намерений. И делается это перед «судом» – любые три человека могут составить такой суд. И формулировки юридические.

Сотни людей набились в маленькую синагогу. Окончена утренняя молитва. Встает *Рав*. Мы тоже порываемся встать, но он просит нас остаться сидеть. Он просит нас всех быть ему судом для «разрешения от клятв».

Рав стоя произносит слова просьбы о разрешении. И сотни его учеников превращаются в его суд.

Потом мы разбиваемся на группы и разрешаем друг друга.

А народ все съезжается. Огромная гостиница гудит, к дюжине лифтов очереди. То и дело мелькают знакомые лица. Последнее разрешение мы делаем супружеской паре из Филадельфии буквально за несколько минут до зажигания свечей.

* * *

Около двух тысячелетий тому назад в пещере возле горы Мерон сидели десять человек – рабби Шимон Бар Йохай со своими учениками. Сидели и писали тайную Книгу Сияния – *Зога'ар*.

Времена изменились, и великий АРИ велел сорвать покров тайны и нести ее в мир, всему человечеству.

Два огромных этажа гостиницы – две рукотворные пещеры – в нашем распоряжении. Один для синагоги, другой для столовой. Бригада отлично вышколенных работников к нашим услугам.

Тысячи людей. Со всего света. Рядом со мной пожилой японец. Знакомые знакомят с незнакомыми: программист из Хьюстона, бизнесмен из Москвы, парикмахер из Лос-Анжелеса... И шесть негров с Берега Слоновой Кости, и даже арабка из Кувейта.

Раскрываются молитвенники – *махзорим*. Учителя объясняют неопытным ученикам – по-английски, на иврите, по-испански.

Вот он, этот момент. Каждый год в конце года человек умирает и тут же воскресает заново – в новом году.

Или не воскресает.

Мы – воскресли. И принимаем *Шаббат* – субботу. Нынешний год начинается с субботы – для получения дополнительного энергетического заряда. Значит, год предстоит тяжелый.

Но мы не боимся. Нам предстоит работа.

* * *

Каванот – «направления». Крупные ассирийские буквы бросаются в глаза. Непроизносимые буквосочетания разбросаны по страницам. Направляют молитву. Направляют наш дух. Проникают в душу. Несут Свет.

Гипноз, медитация, самогипноз, мантры... Все это есть в *Каванот!*

Мы не говорим «молитва», мы говорим «подключение». Мы подключаемся к мощнейшему источнику духовной энергии. Пропускаем ее через себя.

Ибо она не стоит на месте. Она должна идти дальше. И мы направляем ее дальше. На родных и близких, на свои страны, на все человечество. Против ненависти Китая,

Персии, Вавилона, Шинара. Против радиации Чернобыля.
Против человеческой слепоты.

Гром стоит в синагоге. Буквы на тысячах уст. В унисон
– тысячи душ. Энергия бьет через край.

Наверное, так чувствуют себя электроны в обмотках
генератора.

* * *

Первая субботняя трапеза. Мы возбуждены, но не
голодны, мы не голодны, но много едим. Духовная энергия
требует и материальной пищи тоже.

И здесь – *каванот*, подключения, энергия. Генератор
и не думает останавливаться.

– А где та знаменитость? Что-то ее не видно.

– Не знаю. Какая разница? В конце концов, если она
здесь, то ради *Рава*. А не *Рав* ради нее.

* * *

Полуночный Нью-Йорк. Люди на улицах, гуляют,
стражи порядка лениво покуривают. И мы. Все вместе –
прекрасно.

Как и должно быть у хорошей пещеры в горах.

* * *

Утро.

Если придти в синагогу пораньше, то можно, не
торопясь, облачиться в *талит*, прочитать *корбанот* (о
жертвоприношениях), почитать немного из книги *Зог'ар* и
спокойно подготовиться к началу общей молитвы. Но
спокойно у меня не получилось.

Генератор работал вовсю. В нашей огромной пещере
были не более двух десятков человек, не было еще ни *Рава*,
ни его учеников – наших учителей. А энергия вырывалась
отовсюду.

«И вечный бой – покой нам только снится».

* * *

В бой!

Рав утверждает, что синагога – это поле боя, а не мирная обитель. Мы – солдаты, он – генерал. А его жена – начальник штаба, про нее легенды ходят.

Мы не герои и не гении. И нас мордовала жизнь, доказывая, что энтропия возрастает и, следовательно, бутерброд все чаще будет падать маслом вниз.

Но каждый из нас отказался верить так называемому «жизненному опыту». Каждый из нас искал Свет во мраке хаоса.

Но за Свет нужно бороться.

В бой!

* * *

Пещера ходит ходуном. Мы заряжены, как лейденские банки, искры сыпятся. Мы взлетаем.

Все величайшие гении человечества умели подключаться к Свету. И превращались в канал связи между Светом и человечеством.

Мы не гении. Мы учимся подключаться с помощью Каббалы. И мы должны быть каналами связи. А каналы нужно прочищать – в них, оказывается, столько грязи и мусора.

* * *

Каждый из нас – фронт. И только два варианта.

Или – довериться жизненному опыту, внять советам умудренных опытом людей, принять жизнь как она есть – короче, сесть на иглу хаоса.

Или – в бой! И пусть черти подавятся своим жизненным опытом!

Вы хотите бутерброд маслом вверх! Зачем? Пусть он лучше никогда ни у кого не упадет!

* * *

Тора.

Вынесен свиток Торы. Тяжелый пергамент, большие буквы, каждая буква нарисована отдельно. Именно нарисована – такими буквами невозможно писать.

Во всех синагогах *читают* такую Тору. Но мы не читаем. Мы – *взываем!* Маленький нюанс, замена предлога – и Тора превращается в великолепное средство связи.

А *шофара* сегодня нет. Суббота сама дает достаточно энергии.

Руки тянутся к Торе. Над моей головой – огромная черная рука прикладывает свой «*Пинхас*»¹⁸ к Торе.

Генератор набирает обороты.

* * *

Время рассчитано точно. Полнолуние первого лунного месяца *Нисана* всегда сразу после весеннего равноденствия. А седьмой месяц *Тишрей* начинается с длинного сорокавосемичасового дня – с *Рош г'а-Шана*.

Кто сказал, что год должен начинаться с первого месяца? Год должен начинаться с хорошего времени, с возможности получить и передать максимум энергии. И именно для этого существуют осенние праздники, которые и не праздники вовсе, а двадцать два дня – по числу наших букв – огромной работы.

Когда самолеты террористов обрушили «башни-близнецы», всех парализовало ужасом. Все, кто мог, бежали из Нью-Йорка. Кроме наших.

Через неделю после трагедии наши делали в Нью-Йорке *Рош г'а-Шана*, как и было запланировано. Самолеты не летали, охрана психовала – но почти все приехали. Мэр не верил своим глазам.

Звук *шофара* добавил к звуку сирен.

---

¹⁸ *Пинхас* – раздел «Пинхас» из книги *Зог'ар*. Издается отдельно в карманном формате.

* * *

Вот пришло время и нашему *шофару*.

Да, это не просто понять.

Рог. Не более того. К музыке отношения не имеет. Издает странные звуки. Требуется немало умения.

Мы – пленники материального мира. И для воззвания к миру духовному пользуемся материальными средствами. Иной раз довольно странными.

Впрочем, и дикари долго не могли понять, почему если потянуть за железный крючок, то ударит гром и огромный лев за двести шагов будет убит.

Сто один раз гремит *шофар*. И каждый раз в определенной форме на определенной стадии. Сам *Рав* с *шофаром*. Это очень трудно, *шофар* очень капризный инструмент. Но *Рав* повторяет снова и снова, пока не получает правильный звук.

Как мы молчим. Сойти с места нельзя. Сменить *Рава* нельзя. Тишина. *Рав* добивается своего.

* * *

Сорок восемь часов на исходе. Огромный заряд в душе рвется наружу. Но ему еще предстоит работать. Тяжко работать. Весь год.

Праздник окончен, труд продолжается. «И вечный бой – покой нам только снится». Электроны, разогнанные генератором, готовы разлететься по планете. А пока – ужин.

А вон и она – та самая скандальная знаменитость. Да, на экране она хулиганит, но не у *Рава*.

И вообще – она теперь детская писательница.

* * *

На следующий день Эмиль прокатил меня по городу.

– Знаешь, это город огромных контрастов. Здесь можно увидеть рядом кого угодно...

– Да я в первый же день увидел, как идут рядышком серьезный бизнесмен, персонаж из гангстерского фильма и типичный бомж.

– Вот именно. Но они друг с другом не пересекаются, вернее, раньше не пересекались. Следует отметить, что после трагедии люди стали гораздо лучше относиться друг к другу.

Огромная удача: если бы не Эмиль, я бы почти не увидел Нью-Йорка. А тут у меня личный тур с почти профессиональным гидом.

Китайский квартал – рыбой в развес торгуют прямо на улице – итальянский квартал – мгновенная смена декораций, гирлянды над улицей, цветы. Парк с белками, вид на статую Свободы. А вот и Уолл-стрит, и...

– Вот здесь они стояли, и еще несколько домов. Весь Всемирный торговый центр. Два главных здания рухнули, остальные тоже пришлось снести.

Огромное огороженное пустое место. Братская могила.

– Заметь, Всемирный финансовый центр устоял – а он их охватывал дугой. И с другой стороны – видишь маленькую церквушку? Не поймешь, каким чудом устояла.

Бруклин, как будто другая планета – двухэтажные дома в английском стиле. А вот красный кирпич, а стиль напоминает «хрущобы»...

– Знакомся, это Брайтон-Бич.

Да, только эстакада метро выдает Америку.

– В этом городе собрался весь мир. Кстати, здесь вплотную арабский квартал. И все относятся друг к другу с огромным уважением. Нужно видеть, как китайцы поздравляют итальянцев с Рождеством. И те в долгу не остаются.

* * *

Аэропорт. Все инстанции пройдены, можно прогуляться перед посадкой...

– *Минха!*

Так, приглашают на *минха*, послеполуденную молитву. И где же, интересно?

Все есть. Вот католический зал, вот протестантский, а вот и еврейский. Все как надо, но... Нет у них генератора, нет энергетического разгона, все тихо, спокойно.

Потом я выхожу, оглядываюсь... Звезда Давида и католическое распятие! Рядом! У одной двери.

Присматриваюсь. Ну что ж, все очень просто: кабинет раввина, кабинет капеллана, а приемная у них общая и секретарша одна.

Пора домой, там много работы. Как и везде.

Год продолжается.

Хайфа, месяц Тишрей 5764 г. (Октябрь 2003 г.)

Фото автора

ОБ АВТОРАХ, ХУДОЖНИКАХ И РЕДАКТОРАХ

Эйтан Адам. Родился в Ленинграде в семье литераторов-шестидесятников. С 15 лет живет в Израиле. Ветеран 1-ой ливанской войны, пехотный санинструктор, в рядах бригады «Голани» дошел до Бейрута. Математик и программист, учился в Технионе и в университете имени Бен-Гуриона, около 30 лет проработал в израильском хай-теке. Изучал биоинформатику в Колледже менеджмента. Изучал герменевтику и культурологию в магистратуре университета имени Бар-Илана. Ученик Центра изучения Каббалы.

Регулярно читает лекции по истории и литературе в Доме ученых Хайфы и в Клубе книголюбов. Пишет стихи, прозу, статьи, книги. Призер Международного конкурса драматургии «Весь мир – театр. Новое слово для сцены» (2021), пьеса «Неброское наследство».

Наоми Адмиральски. Родилась в 1995 в Афуле. Окончила религиозный интернат в Кфар-Хасидим, по направлению «Искусства - теория и практика». Служила в Армии обороны Израиля.

Анатолий Анимца. Родился в 1947 году в греческом селе Кременевка возле Мариуполя (Донецкая область, Украина). В 1970 году закончил МИИТ (Москва). Инженер по вычислительной технике. Программист, электроник, экономист, изобретатель, яхтсмен. Живет в Мариуполе.

Лидия Анимца. Училась в МИЭТе и ВЗПИ, инженер электронной техники. В прошлом – научный сотрудник НИИУВМ, г. Северодонецк. Художник-любитель.

Яков Басин. Историк, публицист. Автор одиннадцати книг, также двух монографий. Составитель и редактор 14-ти сборников научных работ по современной истории. Член Международной федерации журналистов. В Израиле с 2010 года. Живёт в Иерусалиме.

Соломон Бен-Эмануэль. Родился в 1948 г. в Азербайджане. Окончил музыкальное училище им. Асафа Зейналлы и Азербайджанский Институт Нефти и Химии. Во время службы в армии выступал в ансамбле песни и пляски Краснознамённой Каспийской флотилии. Работал в музыкальном ансамбле «Дан Улдузу» («Утренняя Звезда») под рук. Г. Алиевой; в цыганском коллективе «Любимые ритмы» под рук. М. Шишкова; в Художественном Фонде Азербайджана – фотографировал произведения искусств. В Израиле с 1990 г. Автор нескольких книг прозы. Публиковался в газетах «Секрет» (ред. В. Плетинский, Израиль) и «Новый рубеж» (ред. Н. Евдаев, США). Член Союза писателей Израила.

Борис Годин. Родился в Харькове в 1950 году. Сменил за время жизни в СССР/СНГ три населённых пункта и 9 квартир. Учился в 4-х школах. Закончил: Харьковскую физико-математическую школу №27, вечернее отделение ХПИ, машиностроительный факультет. Профессия: инженер-механик. Работать начал с 29.08.1967. В СССР/СНГ работал в 7 организациях и учреждениях, занимал 14 должностей. Совершил Алию в Израиль 26.03.1993. В Израиле работал на 4-х предприятиях, занимал

9 должностей. Ушёл на пенсию 31.05.2017. С 2016 г. доброволец в Яд Вашем.

Лия Ковалева. Родилась в Одессе в 1921 году. Училась в Одесском университете на филологическом факультете, во время войны была эвакуирована в Ташкент, а после войны закончила филологический факультет Ленинградского университета. Преподавала в школе русский язык и литературу. Писала статьи для журнала «Юность», участвовала в передачах Ленинградского телевидения. Пьеса из школьной жизни под названием «Три дня на размышление» была поставлена в ТЮЗе и в других театрах России. Выпустила несколько книг – сборники рассказов и стихов. В 1996 году переехала с семьей в Иерусалим. Умерла в Иерусалиме 1 октября 2014 года. На похоронах были семья и бывшие ученики.

P.S. 25.04.21 года многие бывшие ученики, живущие сейчас в разных странах, отметили ее столетие, встретившись в ЗУМе. Память об Учителе вновь объединила их.

Феликс Куперман. Родился в г. Немирове, Украина. Окончил Хабаровский пединститут, кафедра литературы и истории. Работал учителем, журналистом, моряком. С 2001 года в Израиле. Ныне проживает в Кацрине на Голанах. Автор поэтических книг и журнальных публикаций. Лауреат международного конкурса «Золотое перо России».

Ольга Любарская. Окончила Харьковский автодорожный институт, а также филологический факультет Курского педагогического института. Работала инженером, а затем преподавателем русского языка и литературы. В Израиле с 1997 года. Публикации в периодических изданиях России и США.

Алекс Манфиш. Живет в Хайфе, приехал в Израиль из Ленинграда. По специальности – детский психолог, работает в городском отделе образования. Пишет стихи, прозу, эссе на культурологические и философские темы, исторические исследования. Переводит стихи с иврита и немножко с английского. Издал три книги стихов и поэм, роман-дилогию и две книжки для детей. Публикуется на портале «Заметки по еврейской истории» – в одноименном издании, а также в журналах «Семь искусств» и «Мастерская».

Игорь Муханов. Поэт, прозаик, собиратель волжского, бурятского и алтайского фольклора.

Окончил Самарский государственный университет по специальности «физика» и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького.

Член Союза писателей России, член правления Союза писателей Республики Алтай.

Автор 10 книг стихов и прозы. Лауреат национальной премии в области литературы, учреждённой Традиционной буддийской Сангхой России (2012), литературной премии имени Сергея Есенина «Русь моя» (2016), обладатель Гран-при Петровской Академии наук и искусства (2019).

Печатался в журналах: «Дружба народов», «Нева», «Урал», «Сибирские огни», «Дальний Восток» и ряде других. Живёт на Алтае.

Лев Прейгерман. 1931 г. р. Профессор, доктор физико-математических наук. Президент Израильской Независимой академии развития наук. Автор множества научных трудов, публицистических статей и художественно-публицистической книги «Птица Феникс». Живет в г. Ришон ле-Цион (Израиль).

Елена Прудовская. Гид и фотограф. Живет в Петербурге.

Александр Радовский. Родился в 1936 г. в Ленинграде. Окончил Политехнический институт, инженер-электрик, работал на «Электросиле». В Израиле с 1973 г., до выхода на пенсию работал в Технионе.

Писать начал еще в России. Пишет пьесы на русском и стихи на иврите. В печати вышел сборник пьес и два сборника стихов.

Марина Симкина. Большую часть жизни прожила в Ленинграде/Петербурге и уже много лет – в Израиле, в Хайфе. Инженер, и учитель математики. Публикации в альманахах и периодических изданиях Израиля, России и других стран. Член Союза русскоязычных писателей Израиля, соруководитель хайфской литературной студии «Анахну» (в переводе с иврита – «Мы»).

Выпустила единственную собственную книгу стихов. И – в качестве редактора – несколько альманахов и книг друзей.

Элен Стэйп. Родилась в Кишинёве в 1980 г. Репатриировалась в Израиль 1990 г. По образованию доктор технических наук. Училась в Технионе на факультете авиации. Работает по профессии. В свободное время играет в театральной студии.

Елена Шелкова. Родилась в Харькове. Бакалавр Иерусалимского университета по немецкой и русской литературе, магистр Университета им. Бар-Илана по литературному переводу. Пишет стихи, живет в Хайфе.

Марк Шехтман. Родился в Таджикистане в 1948 году. Получил два образования: физико-математическое и

филологическое. Кандидатская диссертация и научные интересы связаны с теорией мифа и научной фантастикой.

В 1990 году эмигрировал в Израиль. Ныне живёт в Иерусалиме, состоит в Союзе русскоязычных писателей Израиля.

Автор шести сборников стихов.

Публикации в журналах и коллективных сборниках России, Израиля и других стран.

Победитель 5-го Международного конкурса «ПТИЦА-2018» и 6-го Международного конкурса им. И. Царева «Пятая стихия – 2019».

Ирина Явчуновская. Родом из Симферополя. С 1993 г. в Израиле. Филолог (романо-германские языки). Автор нескольких сборников стихотворений и переводов поэзии с русского на английский и иврит, а также с иврита и английского на русский. Публикации в периодических изданиях России, Израиля, Украины и США. Член правления Союз русскоязычных писателей Израиля, соруководитель хайфской литературной студии «Анахну» (в переводе с иврита – «Мы»). Лауреат премии им. Давида Самойлова Союза русскоязычных писателей Израиля.

ГАЛЕРЕЯ «LANGUE ROUGE»

ЛИДИЯ АНИМИЦА

Осень

Большой камень

Снежные горы

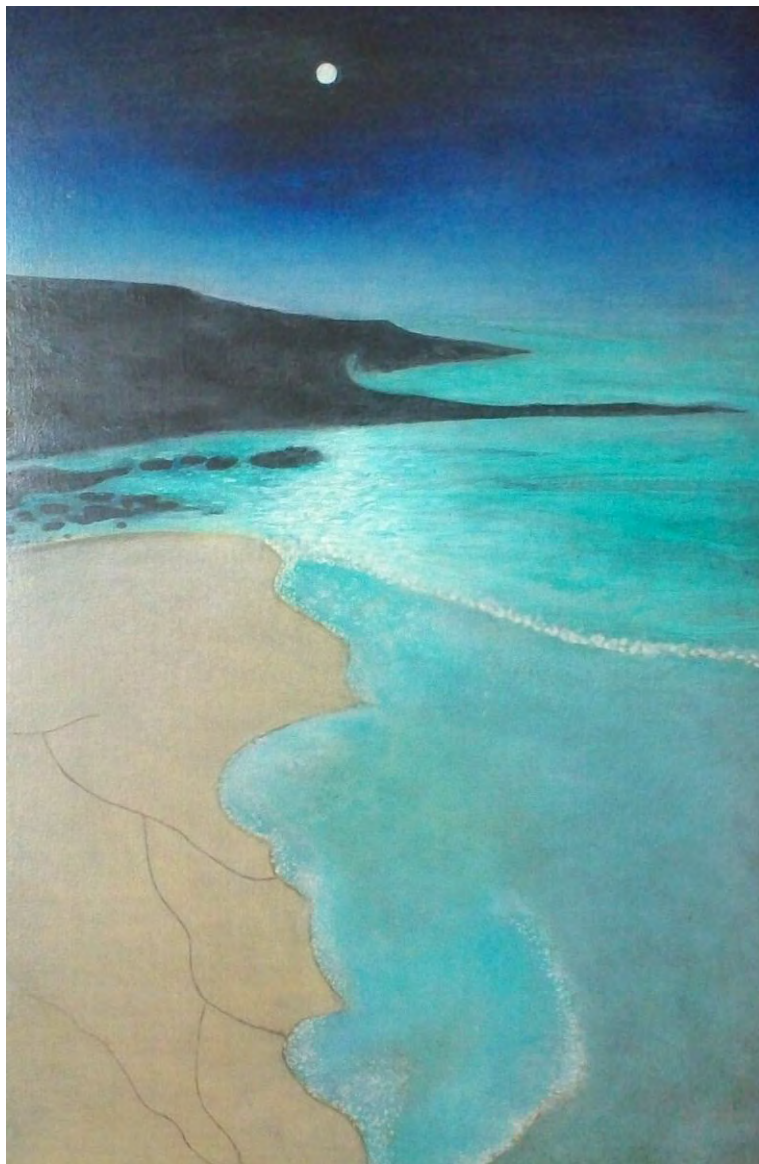

**На старт гонки
(регата Кубок Азовского моря 2009)**

Лунная дорожка

A la Picasso

Художник номера:

Лидия Анимица

**На первой странице обложки – картина
«Утро».**

На четвертой – «Ожидание»

Адрес редакции: rougelange@gmail.com

LANGUE ROUGE. №2. Сентябрь 2001. Изд. Langue Rouge, Хайфа